

ГАРАМАНТИДА (африканская Атлантида)

ГАРАМАНТИДА

(африканская Атлантида)

Гарамантида (африканская Атлантида)

*Москва. Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1994.
ББК 63.3(0)3. Г 20.*

Эта книга - собрание статей и материалов о загадочной цивилизации гарамантов (ок. VI в до н.э. - VIII вв. н.э.), которая локализуется на территории современной Ливии (в оазисе Феццан).

Здесь публикуются в русском переводе статьи двух английских ученых, суданского археолога, а так же российских ученых, посвященные различным сторонам гарамантской проблемы: истории и этологии, искусству, языку и письменности.

Открытие Гарамантиды

М.Ю. Рошин (из книги ["Гарамантида \(африканская Атлантида\)"](#))

В сентябре 1979 г. в составе научной экспедиции Института физики земли им. О. Ю. Шмидта я оказался в Ливии. Наша маленькая группа в течение полугода работала в различных библиотеках Ливии, собирая исторические сведения о землетрясениях в этой стране. Занимаясь древним периодом ливийской истории, я постоянно сталкивался с проблемой гарамантов.

Наша группа объездила большую часть ливийского побережья. Везде нас встречали зримые следы средиземноморской античности: в Триполитании - величественные развалины древнеримских городов Сабраты и Лептис Магна, отчасти реставрированные итальянцами; в Киренаике - грандиозные руины Кирены, бывшей одно время вторым после Афин городом эллинистической цивилизации. Прибрежная зона Ливии благодатна, но сразу за короткой прибрежной полосой начинается Сахара: там каменистые плато перемежаются песчаными дюнами, тянутся многочисленные высохшие русла-вади, и так на многие сотни километров. Изредка встретится палатка или несколько палаток бедуинов, еще реже - желанный оазис с жильем, растительностью и источниками воды. Когда-то властителем этих почти бескрайних просторов (а это - большая часть территории современной Ливии) был древний народ гарамантов. Их страна - Гарамантида - была своего рода Атлантидой Сахары, а пустыня, к счастью, хранит следы прошлого лучше, чем океан.

За время командировки в Ливию мне удалось собрать ценные материалы по истории гарамантов, а, вернувшись в Москву, я узнал, что некоторые наши специалисты серьезно занимаются гарамантской проблемой. Так родилась идея подготовить сводную книгу о гарамантах, в которой были бы представлены оценки, наблюдения и гипотезы зарубежных и отечественных исследователей.

Изучение античной истории Ливии¹ показывает, что единственным местным народом, создавшим крупное царство на ее территории в Феццане, т.е. во внутренних районах страны, и достигшим высокой ступени в развитии цивилизации, являлись гараманты.

История гарамантов до сих пор хранит немало загадок. И сегодня неизвестно точно, откуда именно пришли гараманты в Феццан и что их вынудило туда переселиться. Такой же загадкой для ученых по-прежнему остается поздняя история гарамантов, т. е. вопрос о том, какая судьба постигла их после прихода арабов-мусульман в Северную Африку.

Происхождение гарамантов издавна связывалось со Средиземноморьем, хотя еще задолго до проведения серьезных археологических раскопок в Феццане некоторые исследователи обращали внимание на сообщения источников о темном цвете кожи некоторых

гарамантов². Антропологический анализ останков из могильников (р-на вади аль-Аджаль) и результаты раскопок, проводившихся археологической и палеоантропологической экспедициями Итальянского географического общества в Гараме, убедительно показали, что гараманты в основном были людьми европеоидной расы, по-видимому, средиземноморского типа, и антропологически сильно отличались от негроидов. Таким образом, сегодня мало кто возражает против средиземноморского происхождения гарамантов, но до сих пор остается неизвестным, откуда они пришли. На этот счет существует несколько версий.

Первая связана с великим переселением так называемых морских народов (критян, этрусков, сицилийцев, сардов) в конце II тысячелетия до н. э. в результате серии сильных землетрясений, нередко цунамигенных, сопровождавшихся затоплением островов. Часть этих переселенцев осела на побережье Ливии, что подтверждается древнеегипетскими надписями XI в. до н. э.³. Впоследствии, в начале I тысячелетия до н. э., потомки морских народов, осевшие главным образом на побережье Триполитании, по мнению сторонников этой версии, были вытеснены финикийскими колонистами в глубь страны - в Феццан.

Вторая версия связывает происхождение гарамантов с оазисом Сива, находящимся в пограничном районе исторической Ливии, прилегающем к Египту. В древности оазис был знаменит своим храмом бога Амона (древнеегипетская религиозная традиция) и являлся крупным религиозным центром. Часть жителей Сивы в X-VIII вв. до н. э., как полагают, переселились в Феццан и стали называться гарамантами. Сторонники этой гипотезы обосновывают ее тем, что у обнаруженных в Феццане и относящихся к эпохе гарамантов памятников можно отчетливо проследить черты древнеегипетского культурного влияния.

Третья версия возводит гарамантов к потомкам филистимлян, изгнанным из Палестины иудеями. Филистимляне, по мнению сторонников этой гипотезы, и основали древнюю столицу гарамантов Гараму в X-IX вв. до н. э.

Все приведенные выше версии указывают на средиземноморское происхождение гарамантов и на начало I тысячелетия до н. э. как на время появления этого народа в Сахаре.

Существуют и другие теории. Советский историк и этнограф А. Д. Дридзо обратил внимание на сложный состав населения Гарамантиды, которую он считал объединением нескольких этносов, различных по своему хозяйственно-культурному типу. Во многом развивая мысли А. Д. Дридзо, Ю. М. Кобищанов считает, что следует говорить о собственно гарамантах - господствующей этносоциальной группе, затем о низших этносоциальных группах Гарамы, среди которых были и потомки аборигенов, и потомки рабов различного происхождения, наконец, о периферийных этносах, подчиненных Гараме. Все они входили в состав Гарамантского царства, в рамках которого осуществлялось взаимодействие культур; постепенно складывалось не только социально-политическое, но и культурное единство Гарамантиды (при этом ведущая роль принадлежала средиземноморским культурным элементам), происходило и некоторое сглаживание антропологических различий. Собственно гараманты как этнос сложились в Гараме, но среди их предков были, вероятно, выходцы из Эгеиды, смешавшиеся в северной части нынешней Ливии с берберами, а в Феццане - с аборигенами этой страны гор, сухих степей и оазисов и, наконец, с темнокожими невольниками, приводимыми из внутренних районов Африки.

К сожалению, мы не знаем, на каком языке (или языках) говорили гараманты, поэтому не располагаем важнейшим аргументом в пользу той или иной из версий их этнического происхождения.

Основные источники наших знаний об этом народе - это наряду с данными археологических раскопок сообщения античных историков и географов. К сожалению, до наших дней не дошло ни одного прямого свидетельства греческих или римских путешественников. Краткие сведения о древнем народе мы находим в трудах крупнейших античных историков. Первым из них, упомянувшим гарамантов, был Геродот. Он писал, что "в десяти днях пути от Авгил - опять соляной холм с источником и множеством плодоносных финиковых пальм... Там обитают люди по имени гараманты (весьма многочисленное племя). Они насыпают на соль землю и потом засевают. Отсюда - кратчайший путь к лотофагам, именно тридцать дней. В земле гарамантов есть также быки, пасущиеся, пятась назад. Пасутся же они, пятась назад, вот почему. Рога у них загнуты вперед, и из-за этого-то они и пасутся, отступая назад; вперед ведь они не могут идти, так как упираются в землю рогами. В остальном они ничем не отличаются от прочих быков, только кожа у них потолще и на ощупь (мягче). Так вот, эти гараманты охотятся на пещерных эфиопов на колесницах, запряженных в четверку коней. Ведь пещерные эфиопы - самые быстроногие среди всех людей, о которых нам приходилось когда-либо слышать. Эти пещерные жители поедают змей, ящериц и подобных пресмыкающихся. Язык их не похож ни на какой другой: они издают звуки, подобные писку летучих мышей" (История, IV, 183).

В другом параграфе своей "Истории" Геродот иначе писал о гарамантах. По его словам, эти гараманты проживали к югу от безводного района Сирт, населенного насамонами. Они обитали в стране, где водились дикие звери. Гараманты избегали встреч и соседства с другими людьми, они не имели оружия и не знали, как защищаться (История, IV, 174).

Еще античные авторы обратили внимание на противоречие между этими двумя отрывками у Геродота, посвященными гарамантам. Так, Плиний полагал, что во втором отрывке Геродот имел в виду не гарамантов, а гамфазантов. Большинство же комментаторов Геродота, за небольшим исключением, единодушно отмечают, что в этом отрывке у древнегреческого историка "гараманты" упомянуты ошибочно и, скорее всего, здесь имелись в виду пещерные жители-эфиопы.

Римский систематизатор Плиний Старший сообщает интересные сведения о первой римской экспедиции в страну гарамантов, предпринятой Корнелием Бальбом в 20 г. до н. э. Корнелий Бальб взял сначала Гадамес (латинское название Cidamus или Cydamus), затем, преодолев цепь Черных Гор (Ater Mons), захватил город Телги (Thelgae), а также Дебрис (Debris), вблизи которого находился горячий источник, и вышел к столице царства гарамантов Гараме, которую он взял без труда, застав ее жителей врасплох. Далее Плиний перечисляет названия географических мест, пройденных экспедицией Бальба, и отмечает, что "до сих пор дорога к гарамантам была непроходима, так как разбойники из этого племени засыпали песком свои колодцы (их не надо копать глубоко, если обладать знанием местности)" (Естественная история, V, 36-38). Чуть дальше Плиний пишет, что "гараманты, не вступая в брак, живут с женщинами без разбору" (там же, V, 45). Разумеется, это может свидетельствовать лишь об отличии гарамантских брачных норм от римских.

Сведения, содержащиеся в "Естественной истории", более конкретны, чем в "Истории" Геродота. В ней имеется ценный материал по исторической географии, расшифровать который, т. е. идентифицировать приведенные Плинием географические названия, за

небольшим исключением, пока не удалось. Важным представляется указание Плиния на то, что Гадамес был вторым по значению городом царства гарамантов.

Поход Бальба начинает новый этап в истории Древнего Феццана - этап военной, политической, экономической и культурной экспансии Рима. Римское влияние проявлялось не всегда в форме военно-политического вмешательства. Зато в области экономики и культуры роль Рима в стране гарамантов после похода Бальба возрастала, вероятно, очень быстро.

В период между 77 и 150 гг н. э. римляне совершили еще три экспедиции на территорию Феццана. Эти экспедиции Валерия Феста, Септимия Флакка и Юлия Матерна, разумеется, преследовали определенные военно-политические задачи, но одновременно они обогатили античный мир новыми географическими сведениями, идентифицировать которые точно, как, например, страну Агисимбу (Agisymba), безуспешно пытаются ученые еще и в наши дни. Геродот и Плиний были главными античными авторами, сообщившими в сжатой форме те скудные сведения, которые были известны древним о гарамантах. Остальные античные авторы лишь добавляют отдельные штрихи к истории этого народа. Например, римский историк Корнелий Тацит (56/57-после 117 г. н. э.) отмечает участие гарамантов в нумидийском восстании Такфарината в начале I в. н. э. (окончилось восстание его поражением в 24 г. н. э.) и тот факт, что после поражения Такфарината гараманты направили свое посольство в Рим, чтобы избежать возмездия.

В XX в. в результате проведения в Феццане ряда археологических изысканий оказалось возможным проверить сведения античных авторов о гарамантах. Прежде всего полностью подтвердилось, что на территории древнего Феццана существовала самобытная цивилизация. Вокруг столицы царства гарамантов было обнаружено почти 60 000 захоронений. Использование гарамантами колесниц, о которых сообщал Плиний, было доказано обнаруженными П. Грациози наскальными рисунками с изображением колесниц, запряженных лошадьми. Археологические находки, обнаруженные в районе вади аль-Аджаль, позволили идентифицировать ряд географических названий, упомянутых Плинием. Сегодня исследовательская работа по сопоставлению сведений античных авторов и данных современных археологических раскопок только началась, но ее результаты стали ощутимы уже сейчас, так как достоверность в целом античных источников (в частности ошибок немало) была доказана с помощью археологии. Важную роль в разрешении проблем истории гарамантов должна сыграть и историческая география, так как по сведениям древних (например, того же Геродота) природные условия страны гарамантов отличались от современных в лучшую сторону.

Раскопки в XX в. в районе вади аль-Аджаль и в особенности раскопки в Гараме раскрыли страну гарамантов как реально существовавшее царство. Археолог М. С. Айюб, проводивший последние по времени раскопки в районе Гарамы, отмечает, что большинство находок связано с периодом после I в. н. э., причем в III в. н. э. Гарамы играла в Феццане роль знаменитых Пальмиры и Петры⁴.

Сопоставление сведений античных авторов с данными археологических изысканий позволяет выявить причины расцвета, а затем и упадка гарамантов. Главная причина, по нашему мнению, заключается в особенностях социально-политического развития древней Ливии. Ее история показывает, что, хотя коренное древнеливийское население и имело достаточные потенции для формирования самобытной цивилизации⁵, тем не менее ее естественное развитие на средиземноморском побережье оказалось невозможным, так как сначала финикийские и греческие, а затем римские колонисты, являясь носителями более развитых форм цивилизации, подавляли автохтонные культурные очаги.

Такое положение предоставляло возможность образования самостоятельных форм цивилизации и государственности только внутренним районам древней Ливии. В экономическом плане сильная государственность внутренней Ливии, могла опереться на скотоводство и земледелие, базировавшееся на фоггарах, подземных водных каналах, еще и сегодня частично используемых в районе вади аль-Аджаль, а также на посредническую торговлю между Средиземноморьем и центральными районами Черного континента, причем роль последней была практически решающей, так как только посредническая торговля хорошо коррелируется с расцветом римской Триполитании. Этот расцвет приходится на I-III вв. н. э., и именно в эти века наивысшего подъема достигает страна гарамантов. Основа ее политических успехов кроется в огромном росте оборотов римской торговли с Черной Африкой, так как гараманты обеспечивали надежную и относительно быструю доставку товаров в обоих направлениях. Рим вывозил в Африку изделия своих ремесленников, а ввозил рабов, золото, слоновую кость, перья страуса, шкуры и предназначенных для цирковых арен империи живых зверей. Гараманты контролировали главные караванные пути. "Они жили в основном в районе вади аль-Аджаль, 100-мильной полосе оазисов на южном краю пустыни Убари, сравнительно плодородном, защищенном песчаными дюнами и идеально расположенном для контроля над транссахарскими торговыми путями. Их торговая империя простиралась далеко к югу от линии Гадамес-Куфра и, возможно, достигала озера Чад. В оазисах и рядом с колодцами в пустыне они строили крепости для охраны торговых путей и караван-сараи для людей и животных"⁶.

Довольно трудно точно определить, насколько климат в Феццане периода расцвета цивилизации гарамантов был лучше, чем нынешний, но можно определенно отметить, что он был более благоприятен для проживания людей. Об этом говорят и сведения Геродота, и сообщения Страбона о том, что ежегодный прирост жеребят в Гарамантиде составлял 100000 особей (Страбон, XVII, 3, 19). Кроме того, сам факт возможности караванной торговли и походов на лошадях (верблюд получил заметное распространение в Сахаре только в IV-V вв. н. э.) говорит о том, что опустынивание Сахары еще не было столь полным, как в наше время. Специальные исследования почв, проводившиеся советской экспедицией в Ливии, подтвердили этот вывод, так как, по их данным, резкое уменьшение количества влаги в ливийских почвах произошло около 1,5 тысячелетия тому назад.

Гараманты были воинственным народом. Они часто вмешивались в военные действия, происходившие на побережье. Известно их участие в междоусобной борьбе между Эей и Лептис Магна на стороне первой. Отряды гарамантов, поддерживавшие Эю, осадили Лептис Магну, и только поддержка римских легионеров под командованием Валерия Феста позволила снять осаду и отбросить гарамантов. В первом десятилетии нашей эры царь гарамантов поддержал восстание нумидийца Такфарината. Он посылал свои летучие отряды для стремительных атак на территорию противника, а также занимался организацией сбыта захваченных Такфаринатом римских товаров. Уже позднее, в эпоху заката своего могущества, гараманты, объединившись с другими ливийскими племенами, участвовали в борьбе с византийскими войсками в VI в.

В I-III вв. н. э. столица гарамантов Гарама находилась под сильным влиянием римской культуры. При раскопках города были обнаружены латинские надписи. Во II в. н. э. жители Гарамы строили свои дома на южных берегах большого, ныне исчезнувшего озера. Город был окружен стеной и рвом. Внутри города были выстроены довольно крупные дома, бани, рынки. В городе имелся водопровод, было много садов, улицы были обсажены деревьями. При раскопках археологи обнаружили колонны основных стилей античной классической архитектуры: ионического, дорического и коринфского. В городе жили римские купцы. Урны с их прахом были обнаружены в процессе раскопок. Гараманты за время своей весьма длительной истории создали, по-видимому, всего два

крупных города: Гараму и Гадамес, причем Гадамес после похода Бальба попал под власть римлян, хотя, вероятно, его основными жителями оставались по-прежнему гараманты (см. подробнее: Merighi A. *La Tripolitania Antica*, p. 166-170).

Главными занятиями населения Гарамантиды являлись скотоводство и земледелие. Помимо знаменитых быков с изогнутыми рогами и лошадей, гараманты разводили овец, коз, свиней и ослов. Об этом свидетельствуют остатки скелетов животных, обнаруженных археологами. Земледелие, основанное на использовании фоггаров, требовало немалого умения и трудолюбия.

Гараманты выращивали пшеницу, ячмень и другие зерновые культуры, а также различные овощи, инжир, миндаль, гранат, оливы, хлопчатник, клевер. В стране гарамантов в изобилии росли финиковые пальмы.

Какими именно были жилища гарамантов, земледельцев гор и оазисов, до сих пор точно неизвестно. Наиболее правдоподобный вариант был предложен английским исследователем Ориком Бейтсом. Согласно его реконструкции, типичное жилище гарамантов представляло собой мапалию (*mapalia*), хижину из асфodelей. Сходные по типу строения можно увидеть на мозаиках из музея Бардо в Тунисе. Скотоводы-кочевники жили, вероятно, в шатрах из шкур, а рядовые горожане-гараманты строили дома из сырцового кирпича.

История заката и исчезновения Гарамантиды сегодня во многом еще не разгадана. Когда связи, в первую очередь торговые, между ливийским побережьем и внутренними районами ослабли, а затем почти прекратились, поток информации о гарамантах постепенно оскудел. Из скудных сведений античных авторов о поздней истории гарамантов мы узнаем лишь о том, что гараманты продолжали существовать. Археологические раскопки в XX в. помогли восстановить общий абрис поздней истории Гарамантиды.

Ослабление царства начинается в IV-V вв. н. э., когда произошло резкое сокращение объема караванной торговли между Средиземноморьем и Черной Африкой. Это сокращение было обусловлено упадком римских провинций Южного Средиземноморья. В середине V в. римские владения в Северной Африке были захвачены вандалами во главе с Гейзерихом. Когда в 533 г. византийцы отвоевали Триполитанию у вандалов, ее состояние было плачевным. В самых крупных городах провинции Лептис Магна и Сабрате проживало в то время лишь несколько сот человек. Хотя греки-византийцы и называли себя римлянами, местное латинизированное население видело в них новых завоевателей.

Снижение роли посреднической торговли в экономике Северной Африки сопровождалось крупными социально-политическими изменениями. В это время во внутренних районах Северной Африки происходил бурный расцвет берберской кочевой культуры, называемый некоторыми исследователями "верблюжьей революцией", так как его основой стало распространение верблюда в IV-V вв. как главного средства транссахарского транспорта. Как предполагает ряд историков, этнос, занимавшийся разведением верблюдов, вытеснил с ведущих социально-политических позиций другой этнос, использовавший лошадей в качестве транспортного средства. Кочевники, разводившие верблюдов, доказали также преимущество "кораблей пустыни" и при ведении боевых действий в Сахаре. Гараманты оказались побежденными.

В IV-V вв., по данным раскопок Айюба, Гарама была разрушена. Причины катастрофы до сих пор установить не удалось. Впоследствии город был отстроен, хотя и в меньших размерах. Когда в 669 г. в результате арабской завоевательной экспедиции в Феццан город

был взят, плененный арабами царь Гарамы был выслан в Египет. Окончательно Гарамы была покинута жителями в VIII в., возможно в связи с сильным землетрясением, происшедшим в оазисе Себха вблизи Гарамы в 704 г. После вторжения арабов в Феццан цивилизация гарамантов оправиться не смогла. К VIII в. относятся последние сведения о гарамантах. Хотя средневековые арабские историки и сообщают о создании вблизи древней Гарамы в XIV в. нового города племенем хорманов, очень трудно установить какую-либо генетическую связь между гарамантами и хорманами.

Проблема исчезновения гарамантов до сих пор остается нерешенной. Часть исследователей видят потомков гарамантов в современных туарегах. Видимо, после падения царства гарамантов их этнос растворился в переживавших в то время социально-политический подъем берберских племенах и в наибольшей степени был ассимилирован туарегами, одним из крупных берберских народов.

Вплоть до недавнего времени гараманты в значительной степени оставались "вещью в себе". Относительно гарамантов можно было выдвигать различные предположения, но они чаще всего не поддавались никакой проверке. В XX в., когда в ливийскую Сахару пришли археологи, положение дел стало меняться. Раскопки в центральной зоне проживания гарамантов - долине вади аль-Аджаль, - проведенные рядом археологических экспедиций, дали уникальный материал. В результате в 60-х годах появилось несколько работ зарубежных ученых по истории гарамантов, некоторые из них мы и предлагаем вниманию читателей.

["Гарамы \(из истории ливийской цивилизации\)"](#) - работа суданского археолога Мухаммеда Сулеймана Айюба, хранителя древностей в Феццане в 60-е годы. Доктор Айюб проводил в вади аль-Аджаль самостоятельные раскопки и одновременно участвовал в работе английских экспедиций проф. Ричмонда и д-ра Дэниэлза. Он опубликовал ряд статей и докладов на арабском и английском языках. Большинство из них практически недоступно русскому читателю и было издано в Ливии небольшим тиражом. В книге ["Гарамы \(из истории ливийской цивилизации\)"](#)⁷ обобщены многолетние изыскания Айюба по истории гарамантов. Автор знакомит читателя с географией Феццана, приводит основные сведения античных источников по истории гарамантов. Особенно ценны отрывки из арабских средневековых источников по истории гарамантов и Феццана в целом. В книге подробно описана история археологических экспедиций, проводивших раскопки в Феццане. Большой интерес представляет реконструкция Айюбом истории гарамантов. В этой части работы много догадок и предположений, иногда умозрительных и не подтвержденных источниками. Это вполне естественно, так как "белых пятен" в истории древнего народа пока более чем достаточно. Увлекательное изложение Айюба, по нашему мнению, должно пробудить интерес к сложной проблеме гарамантов. Перевод этой работы дается с некоторыми сокращениями. Небольшая монография ["Гараманты Южной Ливии"](#) английского археолога Чарльза Дэниэлза существенно дополняет работу М. С. Айюба⁸. Дэниэлз стремится излагать только то, что является уже достаточно выявленным. Его работа намечает контуры достоверного в истории гарамантов.

Мы сочли необходимым опубликовать также статью английского исследователя Р. Лоу ["Гараманты и транссахарская торговля в античное время"](#)⁹. В этой статье автор хорошо сочетает убедительный анализ древних источников с параллелями из археологии. Р. Лоу остроумно и изобретательно попытался реконструировать основные линии транссахарских торговых путей в античное время.

Советские исследователи занимаются изучением истории гарамантов с 60-х годов. В 1969 г. была опубликована превосходная статья А. Д. Дридзо "Гараманты (к вопросу о

реконструкции истории и культуры)", в которой автор дал обстоятельный анализ самого термина "гарамант" и попытался определить границы расселения гарамантов и сферы их влияния¹⁰. Соображения А. Д. Дридзе по вопросу о происхождении термина "гарамант", безусловно, заслуживают серьезного внимания. Жаль, что автор не использовал в своей работе содержательное исследование французского лингвиста Густава Мерсье "Ливийский язык и античная топонимика Северной Африки". Г. Мерсье проводит интересную параллель между этнонимом "гарамант" и выражением "ag german", означающим на языке туарегов "сельские жители", а также названием "Гарама" и "agerem", что на языке туарегов значит "город, поселение"¹¹. Эта параллель, возможно, проливает дополнительный свет на историческую судьбу гарамантов, так как наиболее вероятными потомками древнего народа считаются туареги.

>Вторая часть статьи А. Д. Дридзе посвящена определению территории расселения гарамантов и пределов их сферы влияния. Автор подробно анализирует данные античных источников и сопоставляет их с результатами новейших исследований. Выводы его работы в целом совпадают с выводами зарубежных ученых.

Другой советский исследователь, Ю. К. Поплинский, часть своей монографии "Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема"¹² посвятил изучению проблемы гарамантов. К сожалению, в ней не полностью учтены результаты последних раскопок в Феццане.

Ю. М. Кобищанов в своих монографиях "На заре цивилизации (Африка в древнейшем мире)"¹³ и "Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI - середина VII в.)"¹⁴ уделил внимание ранней и поздней истории Гарамы в связи с мировой и региональной историей.

В. Б. Мириманов исследовал наскальное искусство гарамантов, а также предшествовавших им народов древней Сахары.

С. Я. Берзина в статье "Археологические памятники как источник по истории Африки" останавливается на анализе результатов последних раскопок в районе вади аль-Аджаль¹⁵.

В библиографии мы приводим также ряд других отечественных и переводных работ, в которых упоминается проблема гарамантов.

Позднеримский поэт Корипп в своей эпической поэме "Иоанниды" говорит о царстве гарамантов, Гарамантиде¹⁶. Это название представляется удачным. Гарамантида действительно была самобытной древнеливийской цивилизацией. Нам пока неизвестен ни ее генезис, ни причины исчезновения. Нельзя сегодня точно определить и антропологический тип древнего народа. В то же время в ходе последних раскопок были обнаружены надписи, часть из которых, по-видимому, гарамантского происхождения (мы приводим их в приложении). Их дешифровка, а также новые раскопки наверняка позволят получить ответы на ряд нерешенных проблем. Открытие Гарамантиды только начинается.

Пользуемся возможностью искренне поблагодарить директора Центра ливийских исследований Мухаммеда Тахира аль Джаррари за любезно присланные им работы М.С. Айюба.

Античные источники цитируются по существующим отечественным переводам. Геродот по изданию: Геродот в девяти книгах (Л., 1972)

Плиний Старший по изданию: История Африки. Хрестоматия (М., 1979).

Тацит по изданию: Корнелий Тацит. Сочинения (Л., 1969)

Птолемей по изданию: "Античная география" (М., 1953)

>При переводе работ Ч. Дэниэлза и Р. Лоу учтена авторская трактовка античных источников. Перевод средневековых арабских источников осуществлен составителем (М.Ю. Роциным) самостоятельно. При переводе отрывков из документов европейских экспедиций и работ английских, итальянских и французских путешественников XIX - XX вв. составителем были учтены цитации из них в работах М.С. Айюба на английском языке.

Особо следует выделить доклад на симпозиуме ливийского ученого Ф. Аль-Ради, посвященный анализу погребальных обрядов гарамантов. Результаты исследования Ф. Аль-Ради учтены в статье на ту же тему, написанной специально для настоящего сборника Е. Циноевой.

Примечания:

1. Здесь и дальше в статье имеется в виду территория современного государства Ливия.
2. Например, один известный поэт родом из римской Северной Африки писал: "Faex Garamantarum nostrum processit in axem piceo gaudet corpore verna niger" ("Грязь наших гарамантов дошла до оси, и черный раб радуется своему черному как смола телу"). *Anthologia Latina*. Ed. F. Buecheler et A. Riese. Lipsiae, 1868, p. 155, No 183.
3. Советский историк Ю. К. Поплинский датирует "формирование гарамантской этнической общности (или гарамантского политического объединения)" периодом после 1400 г. до н. э. (Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира: Гарамантская проблема. М., 1978, с. 115-131).
4. Ayoub M. S. *The Rise of Germa*. Tripoli, 1968, p. 13.
5. Например, есть указания на то, что городом древнеливийского, т. е. дофиникийского, происхождения являлся Лептис Магна, крупнейший из городов Tripolis, в число которых входили также Эя и Сабрата.
6. Wright J. *Libya*. L., 1969, p. 53-54.
7. Айюб М. С. Джерма (мин тарих аль-Хадара аль-Либия). Тараблус, 1969.
8. Daniels Ch. *Garamantes of Southern Libya*. Cambridge, 1970.
9. Law R. C. C. *The Garamantes and Trans-Saharan enterprise in classical times*. - *The Journal of African history*. 1967, vol. VIII, No 2, p. 181-200.

10. Дридзо А. Д. Гараманты (к вопросу о реконструкции истории и культуры).- Страны и народы Востока. Вып. VIII. М., 1969.
11. Mercier G. La langue libyenne et la toponymie antique de l'Afrique du Nord. - Journal Asiatique. Octobre - decembre 1924, p. 280.
12. Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира: Гарамантская проблема. М., 1978.
13. Кобищанов Ю. М. На заре цивилизации (Африка в древнейшем мире). М., 1980; 2-е изд., 1981.
14. Кобищанов Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI-середина VII в.). М., 1980.
15. Берзина С. Я. Археологические памятники как источник по истории Африки.- Источниковедение африканской истории, М., 1977.
16. Corippus F. C. Iohannidos seu de Bellis Libycis. - Monumenta Germaniae Historica. Auctorum Antiquissimorum, III, pars II. Berolini 1878, p. 69.

Гарама (из истории ливийской цивилизации)

Мухаммед Сулейман Айюб (из книги ["Гарамантида \(африканская Атлантида\)"](#))

Феццан находится в северной части Сахары, включающей в себя обширный район от Средиземного моря на севере до африканской саванны на юге, т. е. территорию между 33В° и 20В° северной широты. На востоке Сахара доходит до Красного моря, а на западе - до Атлантического океана. Ливийская пустыня лежит в центре Сахары, и можно сказать, что климат Феццана является типичным сахарским климатом, для которого характерны летняя жара и зимний холод, а также большая разница между ночной и дневной температурами. В Феццане почти не бывает дождей, за исключением северных районов, примыкающих к Средиземному морю, в которых зимой иногда выпадают осадки, вследствие чего вadi переполняются водой. В ряде внутренних районов (например, вadi Шаты и оазисах Себха и Бойнис) зимой иногда бывают дожди. Дождевые облака приходят также с севера, реже дожди приносят экваториальные облака, которые в некоторых случаях достигают южной части Феццана. Следствием этих дождей явилось наполнение в последние годы водой вadi в районе Гата. Но в целом (и это следует подчеркнуть) Феццан лишен осадков на протяжении всего года и его население использует для своих нужд подземные воды¹.

В Феццане преимущественно дуют северные, сухие, умеренной силы ветры. В летнее время нередко дует жаркий ветер, известный под названием "гибли". Он приходит с юга и несет с собой много песка. Иногда он продолжается несколько дней и наносит серьезный ущерб земледелию и животноводству. Гибли засыпает колодцы, что особенно опасно в отдаленных местах.

Тяжелые климатические условия способствовали исчезновению растительности в Сахаре. Здесь можно встретить только некоторые виды трав, приспособленные к жизни в пустыне, и кактусовидные растения. В оазисах, где есть хорошие источники воды, могут произрастать даже эвкалипты. Пальмы с древнейших времен здесь сажали люди. Возможности сельского хозяйства в Феццане крайне ограничены. Оно до сих пор в

основном ведется примитивными методами, несмотря на то, что правительство поощряет земледельцев использовать современную технику. Ячмень, маис и пшеница, а также арбузы, виноград и лук являются главными сельскохозяйственными культурами Феццана.

Из диких животных в Феццане встречаются гиены, волки, лисы, вадданы (дикие бараны), газели, горные кролики, различные виды диких крыс. Из пресмыкающихся распространены вараны и ящерицы. Можно встретить членистоногих, в том числе жуков, скорпионов. Из птиц встречаются орлы, удода, ястребы, грачи, лысухи и клинтухи. Из домашних животных в Феццане отметим верблюдов, коз, овец, ослов, немногочисленное поголовье коров и лошадей.

В Феццане нет рек, но есть небольшие озера и источники, в которых встречаются некоторые виды тропических рыб, небольшие крокодилы. В озере Габроан, находящемся в центре песчаного моря Убари, живут креветки.

Неверно считать, что, поскольку оазисы окружены пустыней, народы, их населяющие, могли сохранить чистоту крови. Через Феццан издавна проходили караванные пути, соединявшие долину Нила с Атлантическим океаном с одной стороны, и Средиземноморье с Центральной Африкой - с другой. В результате этого в Феццане мы сталкиваемся со смешением рас. Этнический тип феццанцев образовался в результате смешения берберов, негроидов и арабов. О чистой расе здесь говорить не приходится, поэтому удобнее делить феццанцев на кочевников и оседлых жителей. Кочевники, в свою очередь, подразделяются на арабоязычных и бербероязычных (необходимо отметить, что в Северной Африке арабами называют не отдельный этнос, а всех тех, кто говорит по-арабски). К арабоязычным племенам относятся как собственно арабские племена, пришедшие из Аравии после мусульманского вторжения в VII в. н. э., такие, как бени хильяль и бени салема (к потомкам этих племен сегодня принадлежат племена валид сулиман, риах, кададфа, хасавна, хотман и другие), так и часть берберских по своему происхождению племен, утративших свой язык (например, варфла и мисурата). Другая группа кочевого населения - туареги, племена которых обитают в Центральной Сахаре. Они до сих пор сохраняют свои традиции и обычаи, своеобразную социальную стратификацию, родной берберский язык и древнюю письменность тифинаг. Кочевниками также являются кушитские племена тубу, сохраняющие свой язык, обычаи и традиции. Смешанное население городов называют феццанцами. Часть из них является потомками арабов. Эту группу горожан называют шувашна. Часть жителей Гата относится к западноафриканскому народу хауса. На гарамантском языке в Феццане больше никто не говорит. Единственное племя, сохранившее этот древний язык (правда, с большой примесью языка туарегов и хауса), проживает вблизи Ниамея, столицы Нигера, и называется джерма.

Особый интерес в Феццане представляет для нас вади аль-Аджаль, причем не только потому, что там находится исторический город Джерма, но и по той причине, что район вади был главным очагом развития гарамантской цивилизации.

Вади аль-Аджаль расположено примерно в центре Феццана. Оно простирается с запада на восток на протяжении приблизительно 200 км между 13°ВВ и 14°ВВ восточной долготы и 30°ВВ и 26°ВВ северной широты. Вади имеет вид постепенно опускающегося вниз оврага, ограниченного с юга каменистым плоскогорьем хамада Мурзук (хамада - каменистая пустыня), а с севера песками пустыни Убари. Ширина долины вади аль-Аджаль местами колеблется от 0,5 до 20 км. Вади богато подземными водами, которые часто выходят на поверхность источниками и ключами. Подземные воды дают возможность развиваться местному сельскому хозяйству. Жители достают воду в

основном традиционными методами, с помощью шадуфа, представляющего собой устройство, в котором бурдюк привязан канатом к вращающемуся блоку, передвигающемуся вдоль пальмового ствола, который, в свою очередь, приподнят в воздух с помощью двух бревен, прикрепленных к краю колодца. Канат одним концом привязан к бурдюку, другим - к животному (ослу или верблюду), которое, передвигаясь, заставляет пустой бурдюк опускаться в колодец и поднимает его наполненным. В настоящее время все шире внедряются современные методы добычи воды. Сельскохозяйственный банк предоставляет местным жителям ссуды для приобретения дизельных моторов.

В вадии аль-Аджаль выращивают ячмень, пшеницу, овощи (в основном лук и помидоры). Основной сельскохозяйственной культурой района являются финики. Особенно часто финиковые рощи встречаются в центре вадии. Сегодня вадия аль-Аджаль пересекает дорога, соединяющая столицу Феццана Себху с Убари, столицей одноименной провинции.

В вадии есть несколько селений. Перечисляем их так, как они расположены в направлении с востока на запад. В восточной части вадии находятся селения аль-Абьяд и Бельхарис, около которого на высоком холме стоит крепость, охраняющая подступы к вадии. Затем идут селения аль-Хамра и Каср-Халиф, за ними лежит населенный пункт аль-Килья, строения которого сложены из камня. В XVI в. здесь находился процветавший город, возникший в эпоху местных правителей Уляд Мухаммед. Дальше на запад лежат руины двух дворцов, недалеко от которых находится кладбище ат-Тенахма, восходящее к III в. н. э., т. е. эпохе гарамантов. Затем идет населенный пункт Раджиба и крепость Лорко, охранявшая горный проход Баб-аль-Макнуса, через который лежал путь из Джермы на юг. Далее на запад расположены селения Такартиба и аль-Каракира, вблизи которого встречаются захоронения с пирамидальными надгробиями; а еще дальше населенные пункты аль-Факкар, Туш, Джерма, аль-Грейфа² и, наконец, Убари, столица южной провинции.

Глава I

Источники и литература

Упоминания о древнеливийских племенах встречаются в древнеегипетских текстах с начала истории династического периода. Египетский историк Манефон писал, что ливийцы восстали против фараона III династии Неферепсе и, как гласит источник, сложили оружие, только испугавшись лунного затмения. Тексты периода правления IV династии говорят о победах фараона над ливийцами, жившими в долине Нила к югу от Мемфиса, главным образом в Фаюме¹.

>В текстах VI династии говорится о нападениях ливийцев племени темху на страну Иам. Херхуф рассказывает: "И послал меня мой правитель третий раз в страну Иам... По пути в оазис Уэт я встретил вождя народа Иам, который направлялся в землю Темех, преследуя темху..."². Этот текст ясно показывает, что племена, обитавшие в пустыне к западу от Нила, достигали западных оазисов. Из него видно, что взаимоотношения между южноливийскими племенами темху, предками современных тубу³, и нубийскими племенами Иам, жившими к югу от второго порога, были враждебными.

В папирусе Харриса сказано, что Рамзес III подарил два камня Темех из страны Вават египетским храмам. Известно, что названием Вават часто обозначали страну Теме⁴. Край, оазисы которого до сих пор называются Вав ан-Намус, аль-Вав аль-Кебир и т. д., находится на востоке Феццана в Южной Ливии⁵. Древние египтяне называли его страной

Темех или земель Темху. Судя по всему, древнеегипетские тексты называли различные племена, обитавшие в Южной Ливии, общим именем "темху". На древнеегипетских фресках южные ливийцы смуглолицы, с заплетенными волосами и в ряде случаев бородаты.

Мы не знаем точно, какую роль играли южные ливийцы во время набегов племен ребу и техну на египетские границы в конце эпохи Рамсесидов. По-видимому, неоднократные поражения этих племен от древних египтян сделали их легкой добычей для племен машаваши, вторгшихся в их страну с запада. Типы мужчин машаваши были запечатлены на стелах египетских храмов. Они были одеты в шкуры, их волосы украшены перьями. Они впервые в истории древней Ливии использовали лошадей и колесницы.

На юге Ливии открыто множество наскальных изображений воинов, украшенных перьями и вооруженных щитами и копьями. Некоторые из них на колесницах, запряженных лошадьми. Эти изображения относятся ко времени появления машаваши⁶.

Названия некоторых ливийских племен упоминаются и в надписях из Куша, они практически не сообщают ничего нового о древних ливийцах и, очевидно, часто заимствуют свои сведения у древних египтян. Рейзнер полагает, что первая царская династия Напаты, являющаяся XXV династией египетских фараонов, древнеливийского происхождения⁷. Однако А. Аркелл оспаривает эту точку зрения, доказывая, что первая налатская династия была очень знатного происхождения⁸.

При раскопках кладбища Кару были обнаружены многочисленные наконечники ливийских стрел, что вызвало предположение о наличии торговых связей между царями Куша и южными ливийцами. На нубийских кладбищах было обнаружено много предметов ливийского происхождения; в то же время документы Куша содержат лишь неясные намеки на присутствие южноливийских племен на западном берегу Нила.

Согласно древнегреческим легендам, гараманты происходили от критян или от других морских народов. Александрийский писатель Аполлоний Родосский, родившийся в 220 г. до н. э., так излагает легендарную историю их происхождения:

Канф, ты же жертвою стал лютых Кер в пределах ливийских
С пасшимся встретился стадом;
во след ему шел управитель;
За своих став овец, тебя, когда ты попытался
Их для друзей, что терпели нужду,
увести, при защите,
Камень метнув, поразил, ибо не
был отнюдь слабосильным
Он, Кафавр, что внуком ведь Фебу
был Ликорею.
Как и дева той Акакаллиде, дочери Миноса,
В Ливии им поселенной и плод в себе бога носившей.
Спелый плод, и она родила Фебу славного сына,-
Все именуют его Гарамантом и Амфитемисом.
Амфитемис же взял за себя
Тритона дочь, Нимфу,
Что родила Насамона ему вместе с мощным Кафавром,
Канфа убившим, когда он при стаде застал сто овчем⁹.

Из карфагенских и финикийских источников до нас не дошло ничего, что указывало бы на отношения между финикийскими городами, включая Карфаген, и Гирамой. Некоторые отрывочные сведения, встречающиеся в римских источниках, были, вероятно, получены от финикийских и карфагенских купцов. Ценнейшие исторические документы, в которых могли содержаться сведения о гирамантах, погибли в результате уничтожения римлянами Карфагена, осуществленного с неслыханной жестокостью, которая поставила это событие в ряд крупнейших трагедий древности.

Сообщения античных историков и географов дополняют средневековые арабские авторы.

Первым арабским хронистом, писавшим о Феццане, был Ибн Абд аль-Хакам¹⁰, скончавшийся в 871 г.н.э. в Египте. Он оставил подробный рассказ о Феццане в своей книге "Футух Миср" ("Захват Египта"), посвященной первому арабскому походу в Северную Африку в VII в. Ибн Абд аль-Хакам сообщил интересные сведения о захвате Феццана мусульманами во главе с Окбой бен Нафи аль-Фахри. "Он (Баср) осадил Триполи и взял его. Там Окба оставил свою армию, а во главе ее - Амра ибн Али аль-Кураши и Зухейра бен Кайса аль-Балави. Он взял с собой небольшой отряд - 400 всадников, 400 верблюдов и 800 бурдюков - двинулся к Ваддану и взял его. Он захватил их (жителей Ваддана) правителя и отрезал у него ухо, а тот сказал: "Зачем сделал это мне? Разве обещал ты так (поступить)?" И сказал Окба: "Сделал так тебе в назидание. Потрогаешь свое ухо, вспомнишь об этом и не станешь воевать с арабами". Он взял с них 360 рабов. И спросил затем их Окба: "Есть ли за вами кто?" Ему ответили: "Джерма - великий город Феццана". Он шел туда 8 ночей из Ваддана и, когда приблизился, призвал их (жителей) обратиться в ислам. Ему ответили, и он остановился в шести милях от города. И вышел их царь, а Окба послал всадников, и они отстранили царя от его свиты и заставили его идти пешком. И когда он пришел к Окбе, то был очень уставшим и плевался кровью и сказал ему: "Зачем сделал это мне? Ведь я пришел к тебе добровольно?" И Окба ответил: "В назидание тебе, чтобы, вспомнив об этом, не воевал с арабами". И наложил на них дань: 360 рабов. И направился оттуда на восток и взял одну за другой все крепости Феццана, встречавшиеся на его пути, пока не достиг его границ. И спросил там: "Есть ли кто за вами?" Ответили ему: "Да, народ хаур и их великая крепость Кавар, лежит она в начале пустыни на вершине горы". И шел он к ней 15 ночей, и, когда подошел к ней, они (жители) укрылись в крепости. Месяц держал он осаду, но не смог ее взять. И оставил он крепость Кавар, и взял он все другие в том краю, и когда взял последнюю, то отрубил у ее правителя палец, и спросил тот: "Зачем сделал это мне?" (Окба) ответил: "В назидание тебе, вспомнишь о своем пальце и не будешь воевать с арабами". И наложил на них (жителей крепости) дань: 360 рабов. И спросил их: "Есть ли кто за вами?" Ответили они: "Не знаем об этом". Тогда Окба ушел из тех мест и возвратился к крепости Кавар, но не угрожал ей и не приблизился. Он шел три дня, и они укрепили город. Он остановился в местности, известной в наши дни под названием "Лошадиный источник", но не было там воды. И охватила Окбу и его спутников сильная жажда. Они оказались на краю гибели. И Окба совершил два раката (Ракат - комплекс религиозных формул и положений тела, являющийся элементом мусульманской молитвы) и воззвал к Аллаху. Его конь стал рыть копытом землю и нашел камень, из-под которого текла вода, и стал конь ее лизать. Увидел это Окба и призвал своих людей рыть землю. Они вырыли 70 углублений и напились, и набрали воды, а место назвали "Лошадиный источник". И вернулся Окба к Кавару другим путем, о чем не подозревали они (его жители), ведь шел он ночью. И застал их в неведении пребывающими в своих семьях. И овладел свободно городом, потомством и богатствами их и убил их воинов. Затем ушел оттуда и достиг места, называемого сегодня Завила. Затем вернулся в свой лагерь после пяти месяцев похода, дал отдых своим воинам и лошадям и двинулся в Магриб, но шел рядом с главным путем и достиг земли Мезата, где взял каждую крепость..."¹¹.

Из арабских географов IX в., писавших о Феццане, следует упомянуть Ахмеда ибн Абу Якуба Исхака ибн Джафара ибн Вахаба ибн Вадиha, известного как аль-Якуби, скончавшегося в 282 г. х. (895 г.н.э.). Этот автор, родившийся в Исфахане (Иран), в своей "Книге стран" описывал и Северную Африку. Приведем из нее следующий отрывок: "К областям Барки (Киренаики) относится и Ваддан. Эта местность лежит по ту сторону пустыни, к ней примыкает область Сирт. Между Сиртом и Вадданом пять переходов. Там живут мусульмане,, называющие себя арабами-йеменитами, но большинство жителей- (берберы) мезата, главное их богатство - финики разных сортов, правит там местный вождь, и они (жители Ваддана) не платят хараджа.

За Вадданом лежит Завила. Население - мусульмане-ибадиты. Все они совершают хадж в Мекку, многие из них - чтецы Корана, они вывозят черных рабов мира, загава, мерави и других черных народов... Мне говорили, что черных продают цари черных. Завила знаменита выделкой кож и пальмами, местные жители выращивают зерно и прочее. Там можно встретить хорасанцев, уроженцев Басры: и Куфы.

За Завилой в 15 переходах лежит город, называемый Кавар. Его жители мусульмане разного происхождения, большинство из них берберы. Они приводят черных [невольников]. Между Завилой и Каваром по направлению к Ауджиле и Аджедабии живет народ, похожий на берберов и называемый лемта; она делают белые лемтийские кожаные щиты.

Народ, называемый феццанцами,- это смешанное население. У них есть вождь, стоящий над ними, много земель и большой город. Они постоянно воюют с мезата.

Из последней области Барки, от места, называемого Таварга, до Триполи 6 переходов. У Таварги оканчивается территория мезата и начинаются земли хавара. Их первое селение Вардаса, затем Лабда, крепость на морском побережье. Хавара утверждают, что они берберы и что мезата и луата от их корня, но отделились от них и покинули их землю, переселившись в Барку и другие места. Хавара говорят, что они йемениты, забывшие свою родословную. Как и арабы, хавара делятся на племена бену лахан, мелила, варстафа и кланы лахан, бену дарса, бену марзабан, бену варфла и бену мисурата"¹².

В X в. о Феццане писал географ Абу-ль-Хасан аль-Масуди, скончавшийся примерно в 956 г. В своей книге "Промывальни золота" он отмечал, что "кроме земель, о которых мы оставили запись, в Магрибе представляют интерес и Загава, и Каукау, и Каракур, и Мадида, и Марис, и Малана, и Куматы, и Завила, и Корма, и Херма. В каждой из этих земель есть свой царь и отдельное царство"¹³.

Средневековый арабский автор из Матриба Абу Абдаллах ибн Абд аль-Азиз ибн Мухаммед ибн Айюб ибн Амр, известный как аль-Бекри, скончавшийся около 1094 г., оставил нам описание политического положения и географии стран Северной Африки и Великой Сахары в XI в. в своей книге "Магриб в памяти африканцев и магрибинцев". Там он писал: "Кто хочет совершить путь от Джебель Нефуса до Завилы, сначала должен достичь города Джаду, затем идти по пустыне и пескам три дня, прежде чем придет в место, называемое Тири. Оно лежит у подножья горы, там много колодцев и пальм. Затем он должен подняться на эту гору и идти по ровной пустыне примерно четыре дня (там не найдешь воды). Затем он встретит колодец, называемый Одри. Оттуда начинаются высокие горы, называемые Таргин; переход их занимает три дня, и путник прибывает в селение Тамерма. Там много пальм, а местные жители - бену фальдин и феццанцы. У них есть странный обычай. Если кто-либо совершит кражу в их краю, они оставляют запись об этом и оповещают друг друга, и вор не найдет себе успокоения до тех пор, пока не

сознается и не вернет то, что взял; о нем забудут только тогда, когда будет уничтожена запись.

От Тамермы до поселения Сабаб два дня пути. Там тоже растет много пальм. Местные жители выращивают растения, из которых получают индиго. Из Сабаба путник выходит и идет два дня по ровной пустыне. Там нет ничего, кроме мягкого песка, который не похож ни на камень, ни на глину. Если путник издалека увидит каменную глыбу, она покажется ему крепостью, а верблюд - человеком. Из этой пустыни до Завилы один день пути и примерно столько же пути до Аджедабии.

Она (Завила) - город без стен посреди пустыни. Далее за ней лежит страна Судан. В городе есть мечеть, баня и рынки. В ней (Завиле) встречаются купцы из разных мест. Там - перекресток их дорог, откуда расходятся они в разные стороны. Там растут пальмы, а местные жители имеют огороды, поливаемые с помощью верблюдов. Когда Омар захватил Барку, он послал Окбу бен Нафи в глубь пустыни и тот дошел до Завилы... В Завиле находится могила Даабали бен Али аль-Хаззай, о котором поэт Бакр ибн Хамад писал:

Смерть оставила Даабали в Завиле,
А Ахмеда ибн Хасиба в земле Барки.

Между Завилой и Аджедабией 14 переходов... В Завилу привозят рабов из Ифрикии и совершают сделки в обмен на одежду из красной ткани. Между Завилой и поселением Канем 40 переходов. Они (жители Канема) живут за пустыней Завила. Почти никто не доходит до них. Они - чернокожие язычники. Утверждают, что некоторые из бени Омейя (Омейядов) пришли к ним после поражения от Аббасидов... От Завилы до города Себха - пять дней пути. Это - большой город, в нем есть мечеть и рынки. От города Себха до города Хель тоже пять дней пути. Это - цветущий город, в нем много пальм и источников воды. От города Хель до Ваддана один день пути, и там укрепленная крепость. Город Ваддан разделен на две части, в которых живут два арабских племени: сахмиты и хадрамиты. Сахмиты живут в Дальбаке, а хадрамиты - в Боси. Мечеть у них общая и находится в центре города. Между обоими племенами часто возникают споры и соперничество, что приводит к столкновениям. У них есть факихи, чтецы Корана и поэты. Главный продукт питания у них - финики, свои поля они орошают.

От города Ваддан до города Тагрифт три дня пути. Это многолюдный город с мечетью, живут в нем вадданцы. Там растет много фиников...

Оттуда дорога идет в город Сирт. От Завилы до Сирта 12 дней пути. От Сирта до Ваддана примерно столько же. Он (Сирт) расположен на середине пути между ними. Завила от него - на западе, в Ваддан - на востоке, так говорил Мухаммед.

Кто приходил сюда, вспомнит, что от Тагрифта до Завилы 14 дней пути самой короткой дорогой, а от Тагрифта до Фустата 29 переходов.

Есть и другой путь от Завилы к Тагрифту. От Завилы надо идти два дня до города Темисса. В нем есть мечеть и рынки. От него до города Зельхи восемь дней пути по пустыне. На середине пути находится дом, принадлежащий вадданцам.

Зельхи - большой город с мечетью. В городе растет много пальм, есть источник воды, живут там мезата. Затем путник идет шесть дней до Махе Баркана и выходит к Харуджу, где лежат руины крепости, возле которой есть колодец и себха (солончак). Оттуда до

Сирта пять переходов и еще один переход до города Аждабаби, от которой до Каср Зидана три дня пути. Затем путник идет четыре дня до города Ауджила. Это - цветущий город, с многочисленными пальмами. Ауджила - название нахии (административного района) и название города. В этой нахии много селений с пальмами и различными фруктовыми деревьями. В городе есть мечети и рынки. Оттуда до Тагрифта четыре дня пути.

Кто ходил из Триполи в Ваддан, шел на юг по земле хавара... С возвышенности открывается вид на Каср Ибн Маймун... Оттуда три дня пути до каменного идола на холме, называемом Керза. Берберские племена, проживающие в той местности, приносят ему жертвы, чтобы он исцелил их от недугов и благословил их достояние. От этого идола до Ваддана три дня пути"¹⁴.

Географические сведения о Сахаре были существенно дополнены арабскими учеными XIII в. Их годовые сообщения содержат много ценной информации о Феццане и других районах Сахары. Так, например, у Шихаб ад-Дина ибн Абдаллаха, известного как Якут аль-Хамави, скончавшегося в 626 г. х. (1229 г.н.э.), в его книге "Алфавитный перечень стран" мы можем прочитать о Феццане следующее: "Феццан - большая область, лежащая между Фаюмом и Западным Триполи в первом поясе. Ее широта - 21°... Там много пальм и фиников, главный город у них Завила, больше всего среди ее жителей чернокожих. Джарир так вспоминал о них в своих стихах:

В пустыне группы страусов подобны
Невольникам [черным рабам], сходящимся вместе в Нубии и Феццане"¹⁵.

Мухаммед ибн Абдаллах, известный как ат-Тиджани, родившийся в Тунисе в 706 г.х. (1275 г.), рассказывает в своей книге о важном периоде в истории Феццана, упадке султаната Завилы в XII в. и его окончательном падении в 1174 г.¹⁶

Период XIII-XV вв. считается одним из самых темных в истории Феццана, так как не сохранилось никаких документов и книг, свидетельствующих о том времени. Затем мы встречаем известного триполитанского историка Ибн Галбуна, описавшего историю Ливии в период первого османского правления. Он рассказывает о событиях, происшедших в Феццане в XVI в., когда шла борьба между османами и семьей потомков Мухаммеда аль-Фаси, правителей Феццана. Борьба завершилась захватом османами страны и окончательным включением ее в эйалет Западный Триполи. Книга Ибн Галбуна "Воспоминания о правителях Триполи и известия о них" является главным источником сведений о той эпохе. Ее естественным продолжением стала работа другого ливийского историка, известного как ан-Наиб, повествующая о событиях вплоть до начала 1835 г. (в Ливии - периода второго османского правления).

В начале XIX в. в Сахаре появляются первые европейские путешественники. Некоторые из них оставили подробные описания Феццана, сопровождаемые зарисовками. В XVIII в. европейские первооткрыватели Сахары не ставили перед собой цель проникнуть во внутренние районы пустыни и ее оазисы, они стремились найти путь к богатым странам африканской саванны, после того как выяснилось, что попасть туда с западного побережья Центральной Африки невозможно. Здесь на пути исследователя вставали джунгли, водопады, его жизни угрожали инфекционные болезни. И тогда европейцы решили проникнуть в глубь Африки через Сахару маршрутом, указанным в свое время Львом Африканским, арабом по происхождению, перешедшим в католичество в XVI в., который написал для папы Льва X книгу о внутренних районах Африки. Его повествование о золоте и богатствах Тимбукту и Ганы возбуждали воображение

европейцев. Считается, что первым из них прибыл в Мурзук в 1798 г. немецкий путешественник Хорнеман, которого финансировало Британское географическое общество. Хорнеман достиг Сахары, направляясь из Каира. Он подробно описал свое путешествие и отправил свой отчет из Западного Триполи в 1799 г. в Лондон¹⁷. К сожалению, после того как Хорнеман вновь достиг Мурзука и пошел дальше в направлении озера Чад, связь с ним была утрачена. Полагают, что он был убит или заболел и умер в дороге.

Организация первых экспедиций в Африку была делом очень сложным. В 1819 г. британское правительство направило в Сахару капитана Джозефа Ричи и лейтенанта Френсиса Лайона. Они дошли до Мурзука, где Ричи скончался. Лайон двинулся дальше один, дошел до Завилы и Гатруна, но вынужден был повернуть назад, так как израсходовал все запасы. Лайон оставил описание Завилы и Мурзука в своей книге, изданной в Лондоне в 1821 г.¹⁸

Следующая британская экспедиция, отправившаяся в Сахару в 1822 г., была хорошо подготовлена. В ее состав входили капитан Хью Клаппертон, врач Уолтер Удни и майор Диксон Денхам. Вначале путешественники столкнулись с некоторыми трудностями, но затем смогли их преодолеть и успешно выполнить намеченный план. Они дошли до района озера Чад, делая остановки в основных оазисах Феццана. Затем той же дорогой в 1825 г. они вернулись в Триполи. Во время обратного пути погиб врач Удни.

Это была первая европейская экспедиция, посетившая древнюю Гараму. Судя по всему, встреча с самостоятельной цивилизацией в Сахаре была для них неожиданной, и они решили, что обнаруженные ими памятники древнеримского происхождения. Вот что писал о посещении мавзолея Гарамы 17 июня 1822 г. врач Удни: "Сегодня шейх Мустафа взялся нам показать сооружение, которое, по его словам, отличается от всего, что можно встретить в этой стране. Когда мы прибыли на место, то, к своему удивлению, нашли, что это строение было возведено римлянами. Никаких надписей не удалось обнаружить, хотя мы тщательно осмотрели ряд камней, разбросанных поблизости, и нашли только некоторые изображения и буквы, грубо выбитые, причем, очевидно, недавно. Мы вообразили себе, что могли бы отметить какое-то сходство с европейскими буквами и предположили, что они могли быть выбиты кем-либо из европейских путешественников в недавнем прошлом. Первая наша мысль была, естественно, о Хорнемане, но у нас не было никаких сведений о его пребывании здесь. По правде говоря, мы не знали, что и подумать об этих буквах, пока позднее не открыли туарегскую письменность. Сооружение было 12 футов в высоту и 8 - в ширину. Оно было построено из хорошо обработанного песчаника, добытого из близлежащих холмов, и внутри было сплошь заполнено мелкими камнями, скрепленными известковым раствором. Оно находится в трех милях от Джермы и в четверти мили от подножия горы. Это - гробница или алтарь".¹⁹

Одним из самых знаменитых путешественников, посетивших Феццан, был немецкий исследователь Генрих Барт. Он совершил свою экспедицию в 1850 году. В его книге "Путешествия и открытия в Северной и Центральной Африке" описаны многочисленные памятники прошлого, обнаруженные в Феццане. Результаты его открытий были позднее использованы при подготовке итальянской археологической экспедиции 1934 г.

Французский путешественник Анри Дюверье в 1859 г. попытался дать полное описание региона. Его книга считается первой научной работой о Феццане²⁰. Дюверье различал гарамантов и племена туарегов. Он скрупулезно собрал сведения по истории Феццана, известные в его время.

Наскальные изображения древних справедливо считаются одним из важнейших источников, позволяющих восстановить картину жизни Феццана в доисторические времена. Его древнейшие обитатели выбивали острым предметом или наносили красками на скалы сцены из своей жизни, различных животных, обитавших в этих краях. Их фрески поражают точностью наблюдений над окружавшим их миром, бережным его воспроизведением. Внимание ученых к наскальным изображениям было привлечено видным немецким исследователем Л. Фробениусом, скопировавшим фрески, обнаруженные им в вади Меттендуш, Верере и Тин-Аббатер, которые впадают в вади Барджудж к западу от Мурзука. Его изыскания были продолжены другим выдающимся ученым, итальянским профессором П. Грациози, который, начиная с 1933 г., посетил различные районы Феццана. Результаты своих многолетних исследований он изложил в книге "Наскальное искусство ливийской Сахары". Проф. Грациози дает следующую периодизацию наскальных изображений:

1. Фрески, созданные в эпоху охотников, изображают диких животных и животных, помогавших человеку того времени охотиться. Охотники на этих изображениях напоминают низкорослых бушменов. Грациози считает, что к древнейшим фрескам относятся те, на которых мы видим гиппопотамов и крокодилов, обитавших в Феццане тогда, когда его климат был похож на экваториальный климат наших дней, т. е. примерно шесть тысяч лет назад²¹.

По мнению проф. Грациози, лучшие образцы наскальной живописи того времени сохранились в вади Меттендуш.

2. Рисунки, созданные в пастушеский период, когда появляются пастухи, пасущие стада длиннорогого скота, сходного с тем, который разводят и сегодня в Судане. Эта эпоха, как полагает Грациози, началась тогда, когда климат в Феццане изменился и стал походить на климат современного Судана²². Пастухи на наскальных изображениях - высокорослы и чернокожи. Они напоминают современных жителей африканской саванны. Очевидно, что низкорослых бушменов сменил новый этнос.

3. Фрески, созданные в эпоху гарамантов, характеризуются изображением колесниц и лошадей, а также людей в форме перекрещивающихся треугольников²³. Грациози скопировал много наскальных фресок этого типа, которые встречаются в различных, часто удаленных друг от друга уголках ливийской Сахары, таких, как вади Зигза и вади Масуда, находящийся севернее вади Шаты, а также в Джебель Бен-Ганима, расположенном на юге Феццана.

4. Фрески, на которых изображены верблюды и всадники, часто сопровождаются надписями на тифинаге. По мнению Грациози, эти рисунки относятся к более позднему времени.

Исследования проф. Грациози были продолжены его учеником доктором Ф. Мори, который обнаружил наскальные изображения в горах Акакуса к востоку от Гата. Эти фрески считаются одним из самых ярких достижений древних художников Феццана. В 1960 г. доктор Мори начал их изучение. В 1965 г. он издал книгу "Тадрарт Акакус", посвященную этим фрескам.

Наскальные изображения позволяют нам представить жизнь древних обитателей, то археологические раскопки, проводимые в Феццане, дают необходимые дополнительные сведения. Первой экспедицией, проводившей раскопки в регионе, была экспедиция 1934 г.

Итальянского королевского географического общества. Главными пунктами ее раскопок были Харайг и Джерма.

[Раскопки экспедиции Итальянского королевского географического общества в 1934 г.](#)

[Французская экспедиция Института тунисских исследований](#)

[Раскопки Отдела ливийских древностей в Феццане](#)

[Раскопки экспедиции Британской королевской академии в 1965 г.](#)

[Раскопки экспедиции Британской королевской академии в 1967 г.](#)

Примечания:

1. Bates O. The Eastern Libyans. L., 1914, p. 211.
2. Breasted I. H. Ancient Records. I. Chicago, 1905, p. 335.
3. Идентификация тубу с древними темху может быть принята весьма условно, поскольку мы не знаем, на каком языке говорили темху. Кроме того, темху II тысячелетия до н.э., если они являются предками тубу, не могли отличаться от тубу и родственных им этносов нового времени (прим. отв. Ред. Ю.М.К.)
4. Bates O. The Eastern Libyans, p. 49.
5. Древняя страна Вават простиралась от нынешней Египетской Нубии на запад. Различные исследователи считают ее западной границей горные области Центральной Сахары, принадлежащие ныне Судану и Чаду. Поблизости, достигая на востоке Нила, находилась страна Иам (прим. отв. Ред. Ю.М.К.)
6. Lhote H. The Search for the Tassili Frescoes. L., 1959, p. 125 ff.
7. Arkell A. L A history of the Sudan. L., 1955, p. 114.
8. Ibid., p. 136.
9. Аполлоний Родосский. Аргонавтика. IV. 1487-1499 (Пер. Г.Ф.Церетели. Тб., 1964).
10. Абд ар-Рахман бен Абдалла бен Абд аль-Хакам родился, в Фостате (Египет), жил в Египте в IX в. Его труд "Футух Миср ва-ль-Магриб" (Завоевание Египта и Магриба) считается главным источником по истории завоевания арабами Северной Африки в VII в.
11. Ибн Абд аль-Хакам. Футух Миср ва-ль-Магриб, с. 262 и ел.
12. Аль-Якуби. Аль-Булдан, с. 97 и ел.
13. Аль-Масуди. Мурудж аз-захаб, ч. II, с. 20 и ел.
14. Аль-Бекри. Аль-Магрвб фи зикр биляд Ифрикия ва-ль-Магриб, с. 10 и ел.
15. Якут аль-Хамави. Муджам аль-булдан, т. VI, буква "фа" Феццан, с. 374
16. Ат-Тиджани. Рихля ат-Тиджани, с. 110 и ел.

17. Hornemann F. Journal of travels... from Cairo to Murzouk. L., 1802.
 18. Lyon G. F. A narrative of travels in North Africa. L., 1821.
 19. Denham D., Clapperton H. and Oudney W. Narrative of travels and discoveries in Northern and Central Africa. L., 1826, p. 70 ff.
 20. Duveyrier H. Les Touareg du Nord. P., 1854.
 21. Graziosi P. Rock Art in the Libyan Sahara. Firenze, 1962, p. 22 ff.
 22. Ibid., p. 25 ff
 23. Ibid., p. 29 ff.
-

В связи с тем, что М. С. Айюб не дает интересных отрывков, посвященных гарамантам в сочинениях Тацита и Лукиана, мы приводим их в примечании (сост. М. Ю. Рощин.).

Тацит. Анналы

IV.23. Этот год (23 г. н. э.) избавил, наконец, римлян от длительной войны с нумидийцем Такфаринатом. Затянулась она по той причине, что воевавшие с ним полководцы, добившись успехов, достаточных, как они полагали, для получения триумфальных отличий, тотчас же оставляли врага в покое. В Риме уже стояли три увенчанные лаврами статуи, а Африку по-прежнему грабил Такфаринат, снова усилившийся благодаря вспомогательным войскам мавританцев. Сын Юбы Птолемей по молодости лет ни во что не вникал, и мавританцы предпочитали отправиться на войну, чем терпеть над собой царских вольноотпущенников и повиноваться вчерашним рабам. Укрывателем захваченной Такфаринатом добычи и его сообщником в грабеже был царь гарамантов; он не действовал во главе своего войска, но посылал к нумидийцам незначительные отряды, численность которых за отдаленностью преувеличивалась молвой.

26 ...Затем прибыли послы гарамантов, которых редко приходилось видеть в Риме; народ, потрясенный гибелью Такфарината, но не знавший за собой вины, направил их, чтобы представить объяснения римлянам. Узнав об усердии Птолемея в этой войне, сенат восстановил старинный обычай и пожаловал его почетной наградой: к нему был послан один из сенаторов, чтобы вручить жезл из слоновой кости и расшитую тогу - принятые в древности подарки сената - и назвать его царем, союзником, другом.

История

IV.49. В описываемое время (70 г. н. э.) легионом, стоявшим в Африке, командовал Валерий Фест...

50. Он заставил жителей Эй и лептийцев (жителей Лептис Магны) прекратить свои распри, начавшиеся со споров между крестьянами из-за украденного продовольствия или скота, а кончившиеся настоящими сражениями, в которых обе стороны выступали в боевом строю и с оружием в руках. Дело в том, что жители Эй, уступавшие противникам численностью, призвали на помощь гарамантов, свирепое племя, своими набегами наводившее ужас на соседей. Положение лептийцев стало критическим: поля и земли их

на огромном пространстве были опустошены, а сами они в страхе сбежались в крепость, под укрытие стен. Появление наших когорт и конных отрядов заставило гарамантов обратиться в бегство и вернуть награбленное; не удалось получить обратно только вещи, которые гараманты сумели унести в свои недоступные становища, а там продали племенам, живущим еще дальше на юге.

Лукиан. Жажда

На юге Ливии глубокий песок, земля выжжена солнцем, по большей части пустынная, совершенно бесплодна, она вся представляет собой равнину без зелени, травы, кустарника и без воды - разве кое-где в углублениях застоится скудный остаток дождевой воды, да и то густой, зловонной, негодной для питья даже человеку, томимому сильной жаждой. Необитаема, конечно, эта страна по причинам, сейчас перечисленным. Да и кто мог бы поселиться в столь суровых, сухих, ничего не производящих местах, иссушаемых мучительным зноем?

Одни гараманты, живущие по соседству, - легко снаряженное, легкое на подъем племя, люди-шатровники, кормящиеся большей частью охотой, - только они иногда проникают в Ливию ради охоты, обычно около зимнего солнцеворота, выждав время, когда Зевс надждит, зной в значительной мере погаснет, песок увлажнится и станет до известной степени проходным.

А охота здесь - на диких ослов, на страусов, похожих на огромных, бегающих по земле воробьев, а главным образом на обезьян и изредка на слонов. Только эти звери способны переносить жажду и выдерживать долгое время томление под обильным, пронзительным солнцем. Но и гараманты, едва израсходуют запасы съестного, приносимые ими с собою, тотчас спешат обратно, боясь, что песок, вновь раскалившись, станет вязким и непроходным для них, и тогда, будто захваченные сетями, сами они погибнут вместе со своей добычей. Ибо нет спасенья, если солнце, разорвав покров влаги, стремительно иссушит страну и в яростном кипении с новой силой начнет метать свои лучи, будто отточив их о влагу: влага ведь пища огню.

. И вообще я никогда не ступал на почву Ливии, в чем и не раскаиваюсь... Друг мой рассказывал, что при возвращении из Ливии в Египет ему пришлось держать путь вдоль Большого Сирта, - да другой дороги и нет.

Лукиан (125-180 гг. н. э.). Собрание сочинений. Т. II. М.- Л., 1935, с. 294-295, 296 (пер. Н. П. Баранова).

Приводим также отрывок, посвященный визиту в Джерму, из книги: **Barth J. Travels and discoveries in North and Central Africa being a journal of an expedition undertaken under the auspices of H. B. M.'s Government in the years 1849-1855 (Centenary Edition in three volumes). Vol. 1. L., 1965, p. 144-146.**

"Страстно желая посетить Старую Джерму и лично убедиться в ее идентичности с Гарамой римлян, я взял на прокат жалкого маленького осла и в сопровождении недалекого юного сына Сбады, нашего караванщика, отправился в путь в восточную часть долины. Держась вдоль южного края долины, покрытого растительностью, и имея справа от себя обрывистый скалистый утес примерно 300-400 футов высотой, я медленно продвигался вперед, пока не достиг юго-западной оконечности Старой Джермы, защищенной четырехугольной глинобитной башней и представляющей весьма любопытное зрелище внутри. Длина окружности города, давно покинутого жителями,

составляла примерно 5000 шагов. Здесь, вблизи города, нигде не было видно римских развалин, зато были видны руины нескольких глинобитных башен. Будучи не в состоянии обнаружить там гробницу, описанную доктором Удни, я был вынужден направиться к Тарвашу, деревне, населенной мурабитунами *.

>Она была разделена на три самостоятельные части: селение туарегов, проживающих в хижинах из пальмовых листьев, предместье, состоящее из разбросанных там и сям глинобитных построек, и маленького четырехугольного центра весьма правильной формы, окруженного земляными стенами, снабженными воротами на востоке и на западе... Здесь мне удалось получить проводника у Хаджа Мухаммеда Саиди, состоятельного человека и владельца почти всех наших верблюдов, и я приступил к осмотру римского памятника, находившегося неподалеку к югу. Я нашел его в достаточно приличной сохранности и сразу же зарисовал его, так как он представлялся мне объектом, имевшим особый интерес как наиболее южная реликвия римского влияния. Разве это не замечательный факт, что за много лет до нашего времени римляне смогли проникнуть так далеко? Памятник высотой примерно в один этаж, и, кажется, никогда не был выше. В этом, очевидно, характерный признак того времени, когда он был построен, и я убежден, что произошло это не позднее эпохи Августа. Высокие шпалеобразные гробницы, которые я описывал раньше, вошли в обыкновение не ранее середины II в. н. э. Размеры фундамента памятника - 7 футов 9,5 дюйма с западной и восточной сторон и, по меньшей мере, 7 футов 4 дюйма с двух других. Под надгробьем расположена просторная погребальная камера. Хотя формы фундамента почти четырехугольны, размеры основного строения отличаются: 5 футов 8,5 дюйма с северной и с южной сторон и 7 футов с западной и восточной. Памятник украшен пилястрами в коринфском стиле и покрыт берберскими надписями, видимо на тифинаге, которые были непонятны не только мне, но и проводнику Али Карамре, семья которого живет в этой части вади в маленькой хижине из пальмовых листьев. Однако, поскольку эти надписи были очень небрежны, а мое время было занято зарисовкой наиболее интересного, я их не скопировал, тем более что они содержали, видимо, только имена. Хотя, конечно, и имена могут пролить какой-то новый свет на историю страны" (пер. М. Ю. Рощина).

*. Мурабитун - слово происходит от арабского корня "рбт" и первоначально было связано с понятием "рибат", означающим "укрепление, населенное мусульманскими воинами-аскетами". "Мурабитун" - это те, кто проживает в "рибате". Впоследствии мурабитунами стали называть племена, поддерживавшие династию Альморавидов (арабское название династии аль-Мурабитун), правившую в Магрибе с XI в. и завоевавшую мусульманскую Андалусию около 1090 г. После падения Альморавидов в XII в. часть племен мурабитун мигрирует на восток, в том числе и на территорию современной Ливии. Представителям этих племен свойственны набожность, аскетизм и религиозная образованность. Некоторые из племен называют себя "мурабитун би-ль-барака" (мурабитунами по благословию) или "мурабитун аль-Фатиха" (мурабитунами Фатихи, начальной суры Корана).- Примеч. сост.

Глава II

Гарама: возникновение и расцвет

Нам до сих пор не известно ни происхождение гарамантов, ни место их исхода, ни время их появления в Феццане. Исследователи, занимавшиеся этой проблемой, выдвинули несколько предположений о том, откуда пришли гараманты и когда они появились на юге

Ливии. Некоторые ученые считают, что история гарамантов начинается с появления средиземноморских народностей с Крита, Сицилии и Сардинии, которые переселились из мест своего обитания после того, как землетрясения XI в. до н. э. уничтожили их города и вызвали погружение под воду части территории этих островов. Эти народности осели на восточных и южных берегах Средиземного моря, в том числе и на берегах Киренаики и Триполитании. Заключая браки и ведя торговлю, они смешались с местными племенами. Из Ливии в X в. до н. э. они напали на древний Египет, но после упорных боев их продвижение было остановлено, а затем египетские армии перешли от обороны к наступлению. Эти племена отступили в сторону Киренаики, однако часть их по непонятным причинам поменяла направление и двинулась в Феццан, где нашла оазисы с плодородными пастбищами и горы, богатые минералами. При этом, что очень важно, по доступным для прохождения дорогам, ведущим через пустыни, они смогли дойти до зоны саванн. В Феццане же они столкнулись лишь со слабым и мирным народом, который с легкостью покорили.

Данная версия относит первое появление гарамантов в Феццане примерно к X в. до н. э.

Другие историки, основываясь на греческих мифах, считают, что, хотя гараманты и насамоны действительно произошли от переселившихся в X в. до н. э. средиземноморских народностей, они обосновались не в Киренаике и Триполитании, а на берегах залива Габес и на острове Джерба¹. Смешавшись с местными жителями, они жили там до прихода в VIII в. до н. э. финикийских колонистов, которые изгнали их с побережья и вынудили уйти во внутренние районы страны. В Феццан они пришли по дороге, ведущей через оазисы Гадамес и Эдри в вادي аль-Аджаль.

По этой версии гараманты появились впервые в Феццане не ранее VIII в. до н. э.

Существует также точка зрения, что гараманты происходят из Сивы. В этом оазисе возникло сильное царство, достигшее своего расцвета в V в. до н. э. Вследствие того, что в нем был воздвигнут большой храм бога Амона, это государство обладало значительным духовным и политическим влиянием на ливийские племена.

Царство Сива оказало сопротивление вторгшимся персам, которые в V в. до н. э. захватили Египет. Этот оазис, отрезанный от мира пустыней, поднял весь старый мир на борьбу с персидским колоссом, распространяя пророчества о грядущем разгроме персов. Особую популярность эти пророчества получили в Греции, население которой увидело в них тот импульс, который помог ему сплотиться, чтобы противостоять персидской экспансии в их стране.

Властитель Персии Камбиз решил, что самым правильным решением будет послать войско и уничтожить этот небольшой оазис, лежащий в глубине пустыни. Огромная персидская армия вышла из Луксора и дошла через оазисы Харга и Дахла до оазиса Фарафра, а затем, по дороге к Сиве, исчезла.

Говорили, что сильная песчаная буря застигла ее в пути и уничтожила. Говорили также, что она сбилась с дороги и погибла. В любом случае ее исчезновение было объявлено одним из чудес бога Амона, хранителя Сивы².

Ясно, что жрецы Сивы почуяли опасность - ведь если бы персидская кампания не оказалась столь неудачной, Сива была бы захвачена и Амон ничем не смог бы помочь поклонявшимся ему. Возможно, чтобы еще раз не подвергаться опасности, жители Сивы решили уйти на запад и послали свою армию в Феццан. Видимо, часть их действительно

покинула свой оазис и обосновалась в Феццане, где и стала известна под названием гарамантов.

Что касается известных нам исторических фактов, то они немногочисленны и мало что дают. Обнаруженные памятники старины в большинстве своем были в плохом состоянии, что было следствием посещения грабителей, а также просто разрушающего влияния времени. До сих пор не обнаружено ни одного письменного документа, который хоть в какой-то степени мог бы пролить свет на происхождение гарамантов.

Мы точно не знаем, каковы были отношения между гарамантами и их соседями - ливийскими племенами, а также греческими и финикийскими колонистами, которые жили в городах на побережье. В древних книгах есть некоторые намеки на наличие торговых связей между Гарамой и этими городами. Так, в одной из античных книг сообщается, что финикийский купец по имени Магон три раза пересекал Сахару вместе с караванами гарамантов ³, а Страбон отмечает, что гараманты бывали в городах на побережье ради торговли и других связей с римским миром ⁴. Не исключено наличие гарамантских солдат-наемников в войсках Ганнибала; возможно, именно гараманты помогли Масиниссе I отнять свой трон у его врага Сифакса ⁵. Они также воевали в войсках нумидийского царя во время битвы при Заме в 202 г. до н. э., битвы, в которой римляне и их союзник Масинисса добились победы над Карфагеном ⁶.

После того как в 146 г. до н. э. Карфаген был стерт с лица земли, север Африки попал под власть нумидийских племен и их царя Масиниссы, владения которого простирались от Сирта на востоке до Алжира на западе. Он основал свою столицу Цирту около современной Константины и застроил ее по карфагенскому образцу.

Цивилизация, расцветшая в Карфагене, переместилась в Цирту, где нумидийцы стали поклоняться финикийским богам, переняли культуру Карфагена и следовали канонам финикийской архитектуры. Нумидийцам стали подражать ливийские племена, жившие в глубине страны, они усваивали навыки и знания жителей Цирты и перенимали их образ жизни. При этом если Нумидийское царство смогло подчинить себе все ливийские племена, жившие к западу от Сирта, то племена, жившие в пустыне, остались независимыми. Самое могущественное из них населяло Феццан и было известно как гараманты.

Стерев с лица земли Карфаген, римляне стремились также уничтожить и Нумидийское царство. Они применили испытанный способ, уже использовавшийся против Карфагена, - начали поднимать смуту и вызывать взаимную ненависть среди членов царской семьи, внуков Масиниссы I. Помимо этого, они стали натравливать на Нумидию другие ливийские племена и, в конце концов, добились уничтожения этого царства, имевшего большие заслуги в деле победы римлян над карфагенянами.

С уничтожением Цирты архитекторы, купцы, ремесленники перебрались в государство, унаследовавшее культуру Карфагена - в Гараму. Гарамы расцвела, и на рубеже нашей эры в ней начался новый подъем.

Все политические события, происходившие в Гараме со времени ее основания и до ее заката, можно кратко изложить следующим образом.

С прибытием греческих колонистов в Киренаику, а финикийцев на берега Триполитании некоторые ливийские племена переселились в глубь страны. Постепенно усиливалась вражда между новоприбывшими и коренными ливийскими племенами, родина которых

сосуществовала с обнесенными стенами городами, воздвигнутыми переселенцами из Греции и Финикии. Так как колонисты сохранили свой язык и свою культуру, то противоречия между ними и ливийцами продолжали углубляться, несмотря на то, что в определенной степени смешение этих двух групп все-таки происходило. Постепенно греческие и финикийские города слабели, что было следствием прекращения притока новых переселенцев с родины, а он для этих городов был жизненно важен.

Затем в этом регионе появились римляне, которые установили там свой протекторат. На самом же деле если бы в конце I в. до н. э. римляне не появились в Ливии, то ливийские племена просто поглотили бы греческие и финикийские города, как иранцы поглотили эллинистические города, основанные Александром Македонским и его союзниками в азиатских странах, лежащих к востоку от Месопотамии.

В результате борьбы между Римом и Карфагеном, закончившейся во II в. до н. э. уничтожением Карфагена, Рим стал властелином Западного Средиземноморья. Последующие события привели к распространению его господства и на Восточное Средиземноморье, после чего римляне начали углубляться в страны, уже не лежащие на побережье Средиземного моря. На востоке они дошли до берегов Евфрата, а на западе пересекли Ла-Манш и вторглись в Англию. Однако их границы в Африке по-прежнему проходили по краю пустыни, лежащей за прибрежными равнинами. Они продвинулись в глубь континента только в Тунисе, Нумидии и Мавритании, где дожди, родники и колодцы дают достаточное количество воды для орошения полей.

Что же касается Ливии, то римляне лишь захватили греческие города в Киренаике и распространили свое влияние на финикийские города в Триполитании, внутренние же районы оставались вне пределов досягаемости их армий вплоть до 19 г. до н. э.

Очевидно, политика Рима на севере Африки сводилась к увековечению слабости ливийских племен с тем, чтобы они не могли соперничать с римским влиянием на побережье этого континента. Но тут Рим обнаружил, что царство гарамантов, если оно продолжит свое развитие по пути, по которому оно пошло после падения Нумидии, вскоре станет угрожать этому влиянию. Поэтому Август в 19 г. до н. э. послал против гарамантов римскую армию, во главе которой встал малоизвестный военачальник Корнелий Бальб, уроженец Гадеса ⁷.

Эта армия выступила из Сабраты и, опустошив по дороге Гадамес, нанесла гарамантам неожиданный удар. Римские источники сообщают, что она взяла Гараму, а также ряд других городов и племен. Вернулась она, скорее всего, не тем путем, по которому пришла, а, видимо, через вадии Зизамет и Мисуллата ⁸.

Эта кампания и сведения о ней остаются предметом споров среди историков. Некоторые из них считают, что сведения, приведенные Плинием, преувеличены, аргументируя свое мнение тем, что в Феццане не найдено ничего, что свидетельствовало бы о посещении его римлянами в столь ранний период. Кроме того, в пустыне нет ни какого-либо обелиска, ни высеченных текстов, ни вообще чего-либо из того, чем римляне обычно увековечивали свои победы в покоренных странах. В римских текстах также упоминается, что гараманты вели войны на побережье Триполитании менее чем через сто лет после кампании Бальбы, а такое невозможно себе представить, если не допустить, что гараманты еще тогда отбросили римлян из Феццана.

> Из сообщений Плиния можно понять, что римлянам после этой кампании не удалось закрепиться в Гараме. При раскопках также не было обнаружено ничего, что бы

указывало на успешное завершение кампании и подчинение Феццана Риму. Видимо, либо после 19 г. до н. э. гараманты смогли изгнать римлян, либо сам Бальб решил, что с тыла ему угрожает опасность, и поэтому отступил в Лептис другой дорогой - через вадии Зизамет и горы Мисуллата.

Помимо этого, из сообщений Плиния можно понять, что существовали определенные сомнения относительно множества побед, приписываемых Бальбу. Кампания Корнелия Бальба была небольшой, и ее результаты были незначительны. Римский историк Страбон, современник этой кампании, о ней не упоминает.

Разумнее всего было бы считать, что война между римлянами и гарамантами действительно началась в 19 г. до н. э. кампанией Бальба, но она продолжалась до правления императора Веспасиана, когда в 70 г. н. э. войска Гарамы пришли на помощь городу Эй, воевавшему с Лептисом.

Жители Лептиса обратились за помощью к римлянам, и те прислали своего полководца Валерия Феста, который не только смог отбросить гарамантов от стен Лептиса и захватить Эй, но и углубился на юг до холмов, лежащих в местности, известной сейчас как аш-Шувейреф, которую Плиний назвал областью, лежащей за малой вершиной.

На некоторых мозаиках, найденных в одном из предместьев Лептиса, мы видим изображения нескольких жалких гарамантов, которых бросают на съедение львам на аренах города.

> Тем не менее римляне не смогли продвинуться южнее этого района, так как гараманты перерезали их линии снабжения и засыпали за собой колодцы. Тогда Рим решил построить в горном районе, тянущемся от Гирзы до Джаду и Гарьяна, линию крепостей, которые защищали бы их владения на побережье. Очевидно, отношения между Римом и гарамантами оставались враждебными вплоть до правления Домициана.

К концу I--началу II в. н. э. и римлянам, и гарамантам надоели эти войны, которые не приносили решающей победы ни одной из сторон. Видимо, поворотным пунктом оказались политические события, последовавшие за началом вооруженных столкновений между римлянами и насамонами - соседним с гарамантами племенем, которое раньше имело дружественные отношения с римлянами и, возможно, помогло им в борьбе против гарамантов. Эти события привели к тому, что римляне заключили с гарамантами перемирие. В то же время эта война истощила силы гарамантов, закрыла для гарамантской торговли рынки Лептиса, Сабраты и Эя. Кроме того, сахарские племена, жившие южнее гарамантов, перерезали караванные пути и даже, возможно, совершали набеги на границы их царства. Сопротивления они почти не встречали - ведь гараманты были заняты войной на севере. В результате всех этих бедствий, обрушившихся на них, гараманты посчитали лучшим для себя запросить мира у римлян при условии, что они согласятся на сохранение их независимости и суверенитета.

> Один из римских источников сообщает, что ливийский царь по имени Мрсис выехал во главе посольства для встречи с императором Домицианом в Рим и что ливийский государь не нашел императора в Риме и отправился дальше, пока не встретился с ним в Галлии (на юге Франции). Этот же источник утверждает, что ливийский царь был главой племени насамонов, но я считаю, что римский автор спутал вождя насамонов и царя Гарамы - это частая ошибка римских авторов. Более вероятно, что царь, встретившийся с римским императором, был гарамантом, а не насамоном, потому что в то время, когда состоялась эта встреча (89 г. н. э.), насамоны и римляне враждовали. Эта вражда началась с распри

между несколькими насамонами, жителями Сирта, и римскими солдатами. В результате ее насомоны захватили римский военный лагерь и перебили его гарнизон. В руки им попали все запасы, бывшие в лагере, в том числе и кувшины с вином, которым они напились до бесчувствия. Неожиданно появившийся римский отряд под командованием Септимия Флакка, или, как его называет другой источник, Суэлия Флакка, перебил пьяных⁹. Затем римский командир пошел на столицу насомонов, судя по всему Зеллу, и разрушил ее, а потом преследовал отступавших через пустыню до гор Тибести, а возможно, и еще дальше.

Именно на основе этой кампании Флакку приписывают завоевания в стране эфиопов, как римляне называли страну, где жили темнокожие. Арабы называли ту же страну Суданом, также имея в виду, что у ее жителей черные лица¹⁰.

Римский император заявил в сенате, что насомоны уничтожены, а через несколько недель после этого состоялась его встреча с одним из ливийских царей. Разумнее было бы считать, что это был царь Гарамы, а не вождь насомонов.

Есть этому и археологические подтверждения. При раскопках четвертого слоя могил на кладбище Саният Ховеиди в Джерме была найдена керамика, известная как санийские сосуды, сделанная в Лизо¹¹. Производством этих сосудов славилась Галлия (где состоялась встреча), и вполне допустимо, что кто-то из свиты царя гарамантов купил их там и привез в Гараму. Можно также допустить, что некоторые купцы, сопровождавшие царя, договорились с горшечниками Лизо о вывозе этой великолепной керамики в Гараму.

Существуют также исторические данные, подтверждающие точку зрения автора о том, что человеком, встречавшимся с римским императором, был царь Гарамы. Результатом этой встречи было соглашение между Римом и ливийцами, согласно которому римский гарнизон в Лептисе должен был помочь гарамантам очистить от банд эфиопов караванные пути на юг. По существовавшему положению дел, насомонский царь не мог потребовать чего-либо подобного этой просьбе, а отсюда можно сделать вывод, что именно царь гарамантов присутствовал на этой встрече.

И действительно, договор был выполнен, и в Гараму прибыл римский военачальник Юлий Матерн, который выступил вместе с царем гарамантов с целью очистить дороги и пути, связывающие Гараму с Центральной Африкой, от разбойников, сделавших невозможным движение по ним. После этого они вместе пошли дальше на юг и через четыре месяца пути прибыли в страну, которую Птолемей назвал Агисимбой и которую он описывает как место, где водятся носороги, слоны и бегемоты¹².

Многие писатели считают, что Агисимба находится в Дарфуре в Судане или же в районе озера Чад, другие же утверждают, что она находится в Нигерии.

Я считаю, на основании подсчета расстояния, которое прошла экспедиция на юг от Гарамы, и на основании исторических данных, накопившихся в Феццане с раннеисламских времен, что слово Агисимба - это искажение названия Агадес в Нигере. В исламские времена этот район был известен как Кавар¹³ и он имел древние связи с Гарамой. Из его столицы Хаур ходили караваны через нагорье Тассили в Гараму. Старый путь проходил через барханы, известные сейчас как пустыня Мурзук. В первые века нашей эры на их месте была твердая каменистая почва, которую тогда еще не поглотил песок и по которой без труда двигались кони и колесницы гарамантов. Эту дорогу охраняли две крепости - Шараба и Каср Мара.

Когда примерно в V в. н. э. этот путь преградили пески, гараманты изменили маршрут своих караванов, и они пошли через твердую каменистую почву гор Эмсак, соединяющихся с Тассили и тянущихся к западу от старой дороги.

В Нигере, в том месте, до которого дошел царь Гарамы и Матерн, до сих пор живет племя, называющее себя гарамантами. Это потомки солдат гарамантов, оставшихся там в I в. н. э.

Именно благодаря гарамантам римская керамика попала в глубинные районы Африки, в том числе и в древнее государство Мероэ в Судане, где при раскопках царских могил было найдено большое количество подобной керамики, сделанной на севере Африки. Гараманты же, в свою очередь, возможно, переняли у мероитов пирамидальную форму гробниц ¹⁴.

Очевидно, успех гарамантов в сохранении своего контроля над караванными путями зиждился на договорах с народами, по территории которых проходили эти пути, а также на дружественных отношениях, которые они поддерживали со своими соседями. В результате объем торговли между странами Средиземноморья и Черной Африкой, шедшей через Гараму, увеличился, а в саму Гараму стало проникать римское влияние. За два века Гарамы стала крупным городом в пустыне, подобно ее сестре Пальмире.

[Гарамы \(из истории ливийской цивилизации\)](#)

Примечания:

1. Аполлоний Родосский. IV.
2. Геродот. III, 25-26.
3. Warmington B. H. Carthage. L., 1964, p. 66.
4. Страбон. XVII, 3, 19.
5. Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. Vol. V.P., 1908, p. 199.
6. Сирий Италик. Пуника.
7. Плиний. V. 36
8. Там же. V, 36-38.
9. Bates O. The Eastern Libyans, p. 234.
10. Слово "Судан" происходит от араб. корня "сауда" - "быть черным" (прим. переводчика).
11. Отчет о раскопках в Саният Ховеиди пока не опубликован. Найденная в ходе раскопок керамика хранится в настоящее время в музее г. Себха, регистрационные номера 4 и 5.
12. Птолемей. I, VIII.

13. Ибн Абд аль-Хакам. Футух Миср, с. 262 и ел.

14. Caputo. Scavi Sahariani, p. 363.

Глава III

Общественно-политическая жизнь

И Страбон¹, и Мела² сообщают нам, что гараманты брали себе много жен, и у каждого из них было много детей. Ясно, что во времена гарамантов количество жителей в Феццане зависело от многочисленности гаремов у мужчин. Множество женских, могил на царском кладбище и тот факт, что число их больше числа мужских захоронений, показывают, что у каждого царя было немалое число жен и наложниц. Такой обычай распространен в большинстве царств древнего мира. Но это вовсе не означает, что гарамантские мужчины не ценили женщин или что женщины считались по сравнению с мужчинами низшими существами. Судя по тому, что им воздвигались роскошные гробницы на царском кладбище, и по украшениям, найденным в этих гробницах, мы можем сделать вывод, что по своему положению женщина была равна своему супругу. Поклонение богине (а не богу) Тиннит и то, что она считалась главой богов, также свидетельствует о том, что женщина в Гараме пользовалась уважением.

Однако главенствовал в обществе, существовавшем в Феццане в эпоху гарамантов, мужчина. Именно он воевал, именно он водил караваны через пустыни и ущелья, ему приходилось выполнять самые тяжелые работы. Женщина же занималась домашним и сельским хозяйством.

В тех немногочисленных строках, которые оставил о гарамантах Плиний, мы читаем, что люди здесь делились в принципе на оседлых и кочевников³. Оседлые жили в городах и оазисах, где были источники воды, посевы, пальмы, рынки, где жизнь была сравнительно легче. Для защиты от набегов эти города и оазисы, как правило, были окружены стеной, или в них была крепость, выполняющая ту же функцию. Правитель или наместник, обычно владеющий самым большим караваном, жил в этой крепости или замке - развалины таких крепостей до сих пор часто встречаются в оазисах Феццана. Простолюдины же жили либо в маленьких домах из необожженных кирпичей, либо в соломенных хижинах, либо в шатрах из шкур животных.

Что касается кочевников, то это были в основном пастухи, переходившие со своим скотом с места на место в поисках пастбищ. Возможно, кочевники были потомками гамфазантов, которые были коренными жителями Феццана и которых покорили переселившиеся в эту область гараманты.

Помимо этих двух классов или слоев существовал и третий слой - рабы. Он состоял из военнопленных, а также из людей, похищенных или поработанных гарамантами. Цвет кожи не играл при этом никакой роли.

Царь был главой государства, а возможно, и верховным жрецом. Поклонение Гараме (мифическому предку гарамантов.- Примеч. пер.) было не более чем поклонением лично царю или вождю. По роскошным гробницам царей видно, что они считали себя властителями не только в этой, но и в загробной жизни. Это явствует из того, что они строили свои гробницы на высоком месте, откуда могли бы наблюдать за своими подданными, могилы которых располагались на дне долины.

По всей вероятности, цари Гарамы были средиземноморского происхождения. Однако в Феццане они смешались с негроидами и стали темнокожими⁴. Царь был верховным правителем, он обладал исполнительной властью и был предводителем в военных походах. Мы не знаем точно, был ли он верховным жрецом, но у ливийских племен Триполитании вожди являлись одновременно и религиозными и светскими правителями⁵.

Разница между гробницами царей и наместников провинций показывает, что последние не обладали верховной властью, их действия направлялись указаниями сверху. У каждого наместника был свой дворец, в котором он жил, и особое кладбище, на котором хоронили его и членов его семьи. Некоторые из этих кладбищ по великолепию и пышности сравнимы с кладбищами царей. Наместники были не только правителями, но еще и владельцами торговых домов; их караваны ходили через пустыню из средиземноморских стран в страны Центральной Африки и обратно. Эта торговля обогащала их настолько, что они воздвигали посреди пустыни дворцы не менее роскошные, чем дворцы римских богачей в Средиземноморье.

А простые люди жили трудом; среди них были караванщики, пастухи, землепашцы и ремесленники; небольшое число людей все еще жило охотой⁶.

Рабы же прислуживали во дворцах, в городах, работали на полях, ухаживали за пальмами, пасли лошадей и коров, занимались всякой другой черной работой.

Гараманты издревле славились своей воинственностью, поэтому не вызывает удивления то, что они служили добровольцами или наемниками в войсках Ганнибала, сражались в войсках Масиниссы, помогали городам и племенам, восставшим против римлян, посылая к ним отряды воинов. Армия гарамантов в целом делилась на конницу и пехоту. Конница состояла из всадников и возничих колесниц, вооруженных мечами и копьями. Видимо, в армии существовал также особый отряд, в задачи которого входило засыпать колодцы, закрывать дороги противнику, перерезать его линии снабжения⁷. О численности войска гарамантов данных нет.

К сожалению, мы очень немного знаем о финансовой системе гарамантов. Известно, что они не чеканили своей монеты, а использовали различные товары для меновой торговли: золото, серебро, бирюзу, соль, медь. В некоторых случаях они использовали и морские раковины. Вместе с тем обширная торговля, которую они вели на территории, в четыре раза превышающей территорию Средиземноморья, вынуждала их устанавливать точную систему меновой торговли и расчетов. К сожалению, мы все еще не знаем, каким образом они справлялись с этой проблемой. Возможно, гарамантам была известна налоговая система. Налоги могли поступать из нескольких источников, основными из которых были подати на домашних животных, на пальмы и, конечно, сборы с караванов. Видимо, часть этих налогов отправлялась центральной власти в Гараме, а другую часть наместники провинций оставляли себе.

Мы не можем уверенно говорить о границах царства гарамантов, пустыня препятствовала проведению точных границ между этим государством и его соседями. На севере границы этого царства, видимо, примерно совпадали с линией, проведенной от Бу Нджема на востоке до Гадамеса на западе. Римляне выстроили на этой линии цепь крепостей, однако эта граница в разные века передвигалась то немного севернее, то немного южнее, в зависимости от политической обстановки. На юге, востоке и западе границы были неизвестны, потому что с этих сторон близ Гарамы не было сформировавшихся государств, подобных Римской империи. То, что все это пространство занято пустыней, также не способствовало установлению четких границ. Однако известно, что крепости,

построенные гарамантами для охраны дорог, доходили до Тассили на юге и до Куфры на востоке.

[Гарама \(из истории ливийской цивилизации\)](#)

Примечания:

1. Страбон. XVII, 3, 19.
2. Мела. I, 8.
3. Плиний. V, 36-38.
4. Ayoub M. S. Excavations in Germa, p. 12.
5. Bates O. The Eastern Libyans, p. 117.
6. Ibid., p. 93.
7. Плиний. V, 38.

Глава IV

Культура

Судя по всему, гараманты не были склонны записывать что-либо. Видимо, они, как купцы и караванщики, не слишком заботились о том, чтобы увековечить свою историю. Во время немногих раскопок, которые были проведены до сегодняшнего дня, было найдено очень мало письменных документов, и большинство из них - это надписи на черепках. По существующим данным можно с уверенностью сказать, что письменность гарамантов полностью отличалась от письма тифинаг, известного сейчас. И до сих пор ни один ученый не пытался исследовать эту письменность или расшифровать ее знаки¹.

До нас не дошли ни литературные источники, ни предания гарамантов, кроме одной легенды о том, как один из свергнутых царей Гарамы прибег к помощи стаи заколдованных собак, чтобы вернуть себе трон².

Что касается искусства, то пустыня сохранила своего рода наскальную летопись, в которую древние заносили наблюдения из своей повседневной жизни.

С незапамятных времен, когда русла рек, высохшие сейчас, были заполнены водой, еще до возникновения пустыни, когда горы, сейчас бурые и лишенные растительности, были покрыты лугами и лесами, когда пустынная и унылая сейчас местность была раздольем для слонов, носорогов и бегемотов, еще тогда охотники с точностью зарисовывали свои каждодневные занятия - охоту, добычу; изображали самих себя, одетых в шкуры животных со свисающими сзади хвостами³. Они рисовали примитивные сети, которые они расставляли, охотничьи сцены, самих себя на охоте. Они надевали маски из голов антилоп, чтобы поближе подойти к стаду⁴. Оружие, которым они пользовались, было крайне примитивно - всего лишь дубинки и луки со стрелами⁵.

Искусство пастухов было более совершенным, чем искусство охотников. Их художники изображали животных в цвете и передавали движения животных и человека. Судя по цветным изображениям в горах Акакуса, эти пастухи были высокорослыми и темнокожими; они владели большим количеством скота и находились на более высокой ступени развития, чем охотники⁶. Высшим достижением искусства пастухов являются изображения в вадии Ташвинат (Акакус, к востоку от Гата).

Изображения, выполненные гарамантами, которые относятся к началу их цивилизации, неумелы и незрелы по сравнению с творчеством пастухов. В Феццане есть три места, где это примитивное искусство отражено полностью. Во-первых, это рисунки, изображающие колесницу, и лошадей в вадии Зигза. Художник изобразил их пересекающимися линиями⁷. Второе такое место - это вершина горы Зинкекра, где на вертикальной поверхности скалы изображено несколько сцен. Одна из них показывает человека, сажающегося на лошадь, причем его тело изображено двумя пересекающимися треугольниками, конечности - прямыми линиями, а голова имеет форму наконечника стрелы⁸. Грациози определил это геометрическое искусство как гарамантское⁹.

Я считаю, что эти изображения, нарисованные прямыми линиями и геометрическими фигурами, представляют собой геометрическое искусство гарамантов на ранней стадии их развития. В последующие эпохи гарамантское искусство продолжало развиваться, пока не достигло того же уровня, который до них уже был достигнут пастухами - они смогли изображать тела при помощи красок и начали передавать движение. На одной из фресок с цветными рисунками из Ташвината можно увидеть сцену, изображающую колесницу с запряженной в нее парой мчащихся лошадей и возничего, который с кнутом в руках пытается их остановить. На колеснице стоит девушка, возможно, спутница возничего - она из всех сил старается сдержать яростный бег коней¹⁰.

Если сравнить эту фреску с рисунками в вадии Зигза или в Джебель Бен-Ганима¹¹, также изображающими колесницу и лошадей, то мы увидим, что художник, создавший фреску из Ташвината, смог передать движение и жизненность фигур, чего не хватает в других рисунках.

Высокой ступени развития достигло искусство портрета, о чем можно судить по лицу гараманта, изображенному на склоне горы Зинкекра¹².

Показ движения и жизненность фигур являются отличительными чертами искусства эпохи расцвета. Сравнивая и изучая рисунки, легко определить те фрески, которые были созданы в этот период. Мы можем сказать, например, что фреска No 140 из книги "Tadrart Asacus" доктора Мори, на которой изображены убегающий дикий баран и позади него стоя охотничьих собак¹³, относится к эпохе расцвета. К этому же периоду относится и фреска No 137 из той же книги, изображающая колесницу, которую тянут кони, мужчин, вооруженных луками, и женщин, закутанных с головы до ног. Эта фреска находится в вадии Кесси в Тассили¹⁴. Художник с большим реализмом передал движение группы людей и животных.

Возможно, наиболее яркий пример передачи движения демонстрирует фреска No 1 из Айн-Айди, которая изображает бегущего страуса. Человеку, смотрящему на него, кажется, что эта птица вот-вот спрыгнет со скалы¹⁵. На фреске No 3 из Уэйбен Махуджедж изображена убегающая газель, задние ноги которой оторваны от земли и как будто летят по воздуху¹⁶. Все эти фрески являются наглядным примером того, что эпоха расцвета гарамантов дала прекрасные образцы искусства, достигшего высокой ступени развития.

В древней Гараме было найдено лишь небольшое число обломков статуй, и, судя по ним, все эти статуи были меньше натуральной величины. Были ли они выполнены в Гараме, или же их привезли из других мест, определить не удалось. Но вполне можно допустить, что торговые наклонности гарамантов не способствовали созданию прекрасных статуй - ведь купец в большинстве случаев стремится приобрести вещь, обладающую большой материальной ценностью, а не произведение искусства¹.

В качестве примеров обломков скульптур можно привести два куска из нубийского песчаника, один из которых изображает торс человека в тунике, а другой - часть руки и плеча той же скульптуры. Оба этих куска были найдены во время археологических раскопок в Гараме. Также существует обломок, представляющий собой голову от бронзовой скульптуры какого-то важного человека с торжественным, выражением на тонком и благородном лице. Его курчавая борода (возможно, она была накладной) спускается на грудь, а корона похожа на корону Сераписа или бога морей Посейдона. Видимо, эта скульптура изображала не просто вождя или царя, а бога, возможно Гараму, предка всех гарамантов, сына Аполлона¹⁷.

Судя по данным археологии, мы можем сказать, что в Гараме кроме жилых зданий были бани, рынки, улицы, возможно, стадионы и театры, развалины которых все еще покоятся под землей, существовала сложная система дренажа. Гараманты больше заботились о своих домах, чем о могилах.

Уже после того, как была возведена древняя Гарама, гараманты продолжали хоронить своих умерших так же, как они это делали прежде: в маленьких круглых могилах, колени умерших были подогнуты к груди. Несмотря на влияние Карфагена, пришедшее из Нумидии, гараманты не использовали для захоронений мавзолеев как гробницы, а применяли их только как надгробные сооружения или же как место для проведения погребальных церемоний.

Царское кладбище в Гараме является древнейшим образцом таких сооружений в Феццане, роскошные гробницы этого кладбища - квадратные и двухступенчатые, состоящие из двух мастаб, одна из которых возвышается над другой. На соответствующей глубине под такой гробницей выкапывалась погребальная камера. Вожди и наместники провинций, подражая царской династии, копировали эти гробницы - надгробия аналогичной архитектуры мы находим в вадии аль-Аджаль в Таджелте¹⁸, Раджибе¹⁹ и Тенахме²⁰.

Гараманты придавали большое значение установке на могилах надгробий определенной формы. Они ориентированы на восток или на запад. Эти надгробия либо представляли собой обелиск высотой не более двух метров, высеченный из местного камня (нубийского песчаника), либо напоминали по форме рога или же ладонь. Некоторые из обнаруженных надгробий-obelisks напоминают гробницы карфагенян в Тунисе. Надгробия в форме рогов, возможно, изображают полумесяц - символ богини Тиннит. Ладонь руки также являлась одним из ее символов.

Феццан был не только местом встречи различных народов и перекрестком торговых путей, но и местом встречи религий различных стран. С Востока пришли древнеегипетские верования, и важнейшим из них был культ бога Амона. Сами его истоки - ливийские. Возможно, он проник в Египет вместе с первыми ливийскими переселенцами, осевшими в долине Нила еще до эпохи фараонов, а затем слился с образом одного из верховных богов Египта и стал во времена фараонов главой египетских богов. Его положение укрепилось после неудачной попытки передать верховную власть богу Атону. Амону был воздвигнут огромный храм в оазисе Сива, а из этого оазиса культ

Амона распространился в пустыне и достиг даже Киренаики. После захвата персами во главе с царем Камбизом большого храма Амона в Карнаке храм Амона в Сиве стал основным святилищем этого бога. В V в. до н. э. этот храм стал пользоваться особым почетом в греческих городах, так как отсюда исходили предсказания победы греков над их врагами персами (они называли его храмом "Аммона-Зевса").

Кульст Амона распространялся не как культ бога плодородия, каковым он считался в Египте²¹. Он приобрел новые черты и стал оракулом²², к которому обращались купцы и караванщики, чтобы спросить его о своих делах. Амон стал указывать путь заблудившимся в пустыне и, если им угрожали зной и жажда, направлять их к родникам и колодцам. Он стал покровителем жителей оазисов, беспомощных перед мощью разросшейся империи фараонов, которая стала угрожать небольшим княжествам и царствам в Сахаре. Бог Амон обладал магической силой вызывать ураганы и бури, уничтожать многочисленные армии. Так он поступил с армией персидского царя Камбиза, посланной захватить Сиву.

У карфагенян древним богом был финикийский по происхождению бог Ваал или Баал-Хаммон, который, однако, постепенно приобрел черты египетского бога Амона²³. Как и Аммон-Зевс, Хаммон изображался почтенным старцем с бараньими рогами на голове²³.

Из греческих городов в Киренаике появлялись статуи этих богов с греческой внешностью. А в Триполитании египетский бог Амон, после того как он приобрел некоторые черты богини-матери Исиды, преобразился в бога Гурзила и изображался в виде быка. Он также получил некоторые черты богини Солнца, и его стали изображать и как солнечный диск между двумя большими бычьими рогами²⁴. Этому богу поклонялись пастухи, приводившие к нему скот, чтобы он своей силой исцелил его от болезней²⁵. С развитием национального духа у племен гор Мисуллата, Нефуса и Гарьяна их жрецы, подобно жрецам Иерны, стали и военачальниками²⁶.

Помимо египетских богов, олицетворяющих землю и плодородие, существовали и другие боги неизвестного происхождения, их некоторые черты связаны с морем. Их, по всей вероятности, принесли с собой средиземноморские племена. Западное побережье Триполитании и юго-восточное побережье Туниса были первыми местами на севере Африки, где поклонялись этим богам.

К этому же региону, который греки называли Тритонидой, восходит происхождение многих греческих морских богов, например Посейдона²⁷, являвшегося богом морей. Древнейшие греческие мифы говорят, что этот бог происходил с Крита, а родиной его было место, известное сейчас как залив Габес. Помимо Посейдона в том же районе жил и другой бог, возможно, им был тот же Посейдон, но под другим именем. Этим богом был Тритон, который помог аргонавтам отплыть от мелководного побережья, к которому пристал их корабль. У Тритона была сестра Тритония, впрочем, возможно, что Тритония была лишь другим именем Тритона, которого описывали как гермафродита. Геродот отмечал, что в этом регионе существовала и другая богиня, и по греческому обычаю он дал ей греческое имя - Афина. Геродот писал, что жившие там племена устраивали ежегодные празднества в честь этой богини. Самая красивая девушка, одетая в воинские доспехи, садилась на боевую колесницу и объезжала празднество. Затем девушки, участвовавшие в этом празднестве, делились на две группы и начинали забрасывать друг друга камнями²⁸.

Некоторые греческие мифы утверждают, что Афина не была дочерью Зевса, а что Зевс, отец богов, удочерил ее после того, как она попросила у него убежища, поссорившись со

своим отцом Посейдоном. И Афина, происходящая с острова Джерба, стала покровительницей города, носящего то же имя, что и она³⁰.

В этом же регионе появлялись и другие, второстепенные боги, которые, возможно, были вождями и героями, получившими особую известность среди ливийских племен. Среди них - и прародитель гарамантов бог Гарама, сын бога Аполлона и царицы Акаалис, дочери мифического правителя Крита царя Миноса.

Греческие мифы рассказывают, что царица полюбила бога Аполлона и забеременела от него. Отец был вынужден, чтобы скрыть позор, послать ее на берега Тритониды, где она и родила сына Гараму. После того как Гарама вырос, он, в свою очередь, полюбил гермафродита Тритонию, и она родила ему Насамона, прародителя насамонов²⁹.

Видимо, культ Гарамы был перенесен гарамантами, когда они переселились с берегов Триполитании и залива Габес в Феццан. То же произошло и с культом Насамона, принесенным насамонами, когда они переселились восточнее, к заливу Сирт.

Некоторые классические авторы отмечают, что среди ливийцев был широко распространен культ предков и что ливийцы пытались узнать будущее, вызывая духов предков. Историк Помпоний Мела пишет, что желавший вызвать духов ложился спать на могилу предка. Во время сна ему приходило видение, в котором раскрывались предстоящие события, и, таким образом, он узнавал, что принесут ему дела, к которым он собирался приступить³⁰.

Помимо иноземных и местных богов в Феццане существовала верховная богиня, пользовавшаяся особым влиянием и уважением среди людей. Это была Тиннит, владычица пустыни, и днем и ночью указывающая путь караванам и сотворяющая источники воды. А так как обилие воды - символ жизни и бессмертия, то карфагеняне увидели в ней воплощение финикийской богини Астарты. Ее взял себе в жены их бог Хаммон³¹.

Имя Тиннит связывалось с именем египетской богини Нейт, которой поклонялись в городе Саис (Саальхаджар), лежащем в дельте Нила, на его рукаве, известном как рукав Рашид. Город этот назывался Хат-Нейт, то есть дом богини Нейт. Ее звали там матерью Солнца и коровой, несшей Солнце меж своих рогов. Рисунок, изображавший такую корову, был найден в Маядиб, в горах Триполитании. Символом богини Нейт были два скрещенных копы - а это боевой символ. Возможно, поэтому ливийские племена, воевавшие под знаменами Иерны, в качестве боевого значка несли изображение быка с солнечным диском меж рогов. Возможно, также именно по этой причине на празднике богини Афины (она же Тиннит) девушку одевали как воина, и праздник принимал воинственный характер. На нем изображался бой между девушками, отмечавшими день своей богини-воительницы Тиннит³².

Известно, что в греческих городах Киренаики существовала большая и активная еврейская колония. Евреев и берберов связывали хорошие отношения, что приводило к заключению браков между ними и сближению их обычаев. Иудаизированные берберы помогали своим собратьям-евреям во время крупного антиримского восстания, вспыхнувшего в Киренаике в 115 г. н.э.³³ В Триполитании же еврейские общины существовали со времен появления финикийцев. Большая колония евреев жила в Джаду и в горах Нефуса. Им удалось иудаизировать часть берберов, живших по соседству с ними. Евреи из Джаду были предприимчивыми купцами, и в фольклоре некоторых племен побережья сохранились упоминания о связях между отдельными племенами, живущими

сейчас в Феццане, и евреями из Джаду. Не исключено, что именно торговые дома евреев Джаду снабжали деньгами племена погонщиков верблюдов, в первую очередь племя мезата, жившее в горах Нефуса, а также помогали им пересекать пустыню и отвоевывать господство над караванными путями у гарамантов.

Несмотря на то что христианство появилось в Северной Африке вскоре после его возникновения, оно не получило распространения в пустыне. На ливийском же побережье большинство принявших христианство были жителями городов, потомками греков, финикийцев и римлян. В то же время большинства берберов в Ливии продолжало оставаться язычниками.

По-иному обстояло дело на территории других современных североафриканских стран. В Алжире, Тунисе и Марокко, включая горные районы, примыкающие к побережью, большинство жителей приняли христианство в трактовке Доната³⁴.

Это было движение, порожденное спорами священников по вопросу об отношении Церкви к тем, кто передавал святое писание и священные реликвии язычникам во время преследований христиан. Идеи терпимости и всепрощения, к которым призывала Римская Церковь, натолкнулись на сильное сопротивление христиан из числа североафриканских берберов. Это сопротивление породило новое направление в христианстве, которое возглавил епископ Донат. Постепенно стало ясно, что берберы нашли в этом движении способ выражения своего протеста против римской власти. Несмотря на то, что римское гражданство официально предоставлялось всем жителям империи, на деле это положение оставалось чисто теоретическим и отношение властей к римским и греческим колонистам и их потомкам, а именно они населяли прибрежные города на севере Африки, было совершенно иным, чем отношение к берберам. Последние, а вместе с ними и другие люди восточного происхождения, такие, как потомки карфагенян и в какой-то степени евреи, оставались по социальному положению намного ниже потомков римлян.

После того как правительство выслало вождя антиримского движения Доната в Европу, в Галлию, где он и умер, протест начал принимать насильственные формы. Всюду в Северной Африке толпы черни, а вместе с ними и берберские племена начали нападать на поместья и дома богачей. Эти банды были известны под названием циркумцеллионов (бродящие вокруг деревенских хижин. - Примеч. пер.). Движение это подтолкнуло вождей берберов на вооруженное восстание против Рима. Выступления берберов начались с бунта алжирского вождя Фирма в конце IV в. н. э. Его восстание потерпело поражение, так как некоторые его родственники выступили против него. За этим последовало восстание его брата Гильдона³⁵, которое также не имело успеха по той же причине.

В V в. н. э. вандалы, т. е. германские племена, пришедшие с юга Испании, пересекли Гибралтар и заняли Северную Африку. Завоеватели принесли с собой новую разновидность христианства - арианство, отличавшееся как от донатизма, так и от ортодоксального христианства^{IV}. Правление вандалов не было длительным, так как Юстиниан снова отвоевал Северную Африку и включил ее в состав Восточной Римской империи, столицей которой был Константинополь.

Юстиниан попытался внедрить на севере Африки христианство по византийскому образцу, используя для этого как проповедь, так и силу, но, несмотря на это, христианство не получило широкого распространения среди берберских племен, большинство которых долго продолжали оставаться язычниками даже после завоевания арабов. В Сахаре христианство также завоевало крайне небольшое число приверженцев. Существуют неясные сведения, что гараманты в ответ на призыв императора Юстиниана приняли

христианство^V, однако до нашего времени не дошло никаких материальных подтверждений этого³⁶. И в любом случае нельзя на основании декоративных элементов орнамента, напоминающих крест, делать вывод, что племена Сахары приняли христианство, ведь этот знак, напоминающий крест, был известен еще до появления христианства³⁷.

Та быстрота, с которой после исламского завоевания в пустыне исчезло христианство, свидетельствует о том, что оно не укоренилось в душах жителей Сахары, и их вера не была такой же сильной, как у египетских коптов или нубийцев.

[Гарама \(из истории ливийской цивилизации\)](#)

Примечания:

1. О письменности гарамантов и попытках ее расшифровки см. Милитарев А. "Глазами лингвиста: Гарамантида в контексте североафриканской истории".
2. Плиний. VIII, 142.
3. Graziosi P. Rock art in the Libyan Sahara, pi. 34.
4. Ibid.
5. Ibid., pi. 8.
6. Mori F. Tadrart Acacus. Torino, 1965, pi. 86.
7. Graziosi P. L'arte rupestre della Libia. Firenze, 1956, p. 94 ff.
8. Ayoub M. S. Zinkekra rock arts (рукопись).
9. Graziosi P. Rock Art in the Libyan Sahara, p, 29 ff.
10. Mori F. Tadrart Acacus, p. 209, pi. 139.
11. Graziosi P. L'arte rupestre della Libia, p. 96.
12. Ayoub M. S. Zinkekra rock arts.
13. Mori F. Tadrart Acacus, p. 209, pi. 140.
14. Ibid., p. 208, pi, 137.
15. Ibid., p. 196.pl. 116.
16. Ibid., p. 169, pi. 78.
17. Ayoub M. S. Excavations in Germa, p. 22 ff.
18. Caputo G., p. 387 ff.

19. Ibid., p. 377 ff.
20. Ibid., p. 376 ff.
21. Bates O. The Eastern Libyans, p. 190 ff.
22. Ibid.
23. Ibid., p. 199.
24. Ibid., p. 198.
25. Аль-Бекри. Магриб, с. 10 и далее.
26. Bates O. The Eastern Libyans, p. 187.
27. Геродот. IV, 180.
28. Геродот. IV. 180, 188.
29. Аполлоний Родосский. IV.
30. Мела, I, 8.
31. Warmington B. H. Carthage, p. 156.
32. Bates O. The Eastern Libyans, p. 203 ff.
33. Ibid., p. 233.
34. Донат стал епископом в Casae Nigrae в Нумидии в 305 г. н.э. Он учил, что недостойный священник, нарушивший церковные обеты, не имеет права выполнять священнические обязанности. Таинства, совершаемые таким пастырем, не имеют силы. Епископ Донат и его сторонники заново крестили тех, кто отступил от веры в период языческих гонений или был крещен недостойными священниками. Донатисты заново освящали оскверненные язычниками храмы. Вселенской церковью того времени ригоризм был осужден как ересь (прим. переводчика).
35. Claudian. De Bello Gildonico.
36. Diehl Ch. L'Afrique Bysantine. P., 1896, p. 327.
37. Bates O. The Eastern Libyans, p. 209.

Примечания отв. редактора Ю. М. Кобищанова

I. Автор не принимает во внимание не только эстетические потребности доисламских купцов, но и их религиозные верования. Между тем древние скульптуры, как правило, имели религиозно-ритуальное значение. Владельцами статуэток иноземного производства могли быть купцы-иностранцы, поклонявшиеся в Гараме своим богам, изображения которых они возили с собой в своих торговых путешествиях. Культовые изображения

могли быть также военными трофеями, захваченными гарамантскими воинами в городах Средиземноморья.

II. В Фиваиде (Верхний Египет) III-середины II тысячелетия до н. э. существовал культ местного бога Амона (Амуна) в образе барана с солнцем между рогами. Значение культа Амона возросло с приходом к власти XII династии (ок. 2000-1785 гг. до н. э.), четыре фараона которой носили имя Аменемхет, включавшее в себя имя Амона. Расцвет этого культа относится к эпохе Нового Царства. Среди имен фараонов XVIII династии мы находим четырех Аменхотепов (букв. "Амон доволен") и Тутанхамона ("Тот - жизнь Амона"). В это время близ Фив - тогдашней столицы Египта - был построен посвященный Амону величайший в мире храм Карнак. Культ Амона распространился также в египетских владениях в Палестине, Финикии, Нубии. Жрецы Карнака и других храмов Амона разработали сложную теологию синкретизма, согласно которой различные боги выступали как ипостаси Амона. Сам образ Амона Фиванского, провозглашенного верховным богом, приобрел черты солнечного бога Ра ("Амон-Ра"), богини Исиды и других египетских богов. Это был важный шаг на пути развития монотеизма, которое в конце XVIII династии привело к так называемой амарнской реформе, когда был запрещен политеизм, а монотеизм бога Солнца Атона был объявлен государственной религией. После отмены амарнской реформы и восстановления старой религии Амон продолжал почитаться как верховный бог Египта. Имена фараонов и принцев XIX династии включали в себя имя Амона (фараон Аменмес и др.). В дальнейшем культ Амона сохранял свое ведущее значение в системе древнеегипетской религии вплоть до конца Нового Царства и позднее, при персидском и македонском господстве. Когда Египет и Нубия были объединены в одно государство царями древнего Мероэ (XXV династия Египта, конец VIII-VII в. до н. э.), культ Амона пережил новый расцвет. Храмы Амона в Фивах, Напате (главном религиозном центре Мероитского царства, где находился знаменитый пещерный храм Амона Абу-Симбел) и в Мероэ были крупнейшими религиозными святынями Мероитско-Египетского государства. После изгнания мероитов из Египта (середина VII в. до н. э.) культ Амона в Судане постепенно все более синкретизируется, хотя местные жрецы (особенно в Напате и Мероэ) поддерживали связи со своими собратьями в Карнаке.

В Финикии насаждавшийся здесь фараонами Нового Царства Египта культ Амона также синкретизировался с местными верованиями и обрядами. В результате появился синкретический образ и культ финикийского бога Баал-Хаммона (библейский Ваал). Переселение финикийцев в Северную Африку привело к появлению храмов Баал-Хаммона в Карфагене и других финикийских колониях этой части света. В период расцвета Карфагенской державы этот культ подвергся влиянию эллинизированного, родственного по происхождению культа Зевса-Аммона.

Путь последнего в Карфаген и другие афро-финикийские (пунические) города можно представить в виде следующей схемы: Египет - оазис Сива - Кирена (а также Барка и европейская Греция) - Триполитания - Карфаген. На каждом этапе образ и культ Амона синкретизировался с местной религией. В оазисе Сива египетский Амон превратился в восточноберберского бога Аммона, владыку пустыни. В Кирене он стал полугреческим Зевсом-Аммоном. Расцвет культа Аммона и его широкое распространение в эллинистическом мире отчасти было следствием того внимания, которым почтил Аммона Александр Македонский, посетивший оазис Сива и принеший здесь жертвы Аммону (перед тем Александр побывал в Карнаке и Луксоре).

Некоторые ученые предполагают влияние культов, прямо или косвенно восходящих к египетскому Амону, на некоторые религии Западной Африки.

III. Происхождение культа греческой Афины с острова Джерба (ныне в Тунисе) маловероятно. Скорее и в Аттику, и на Джербу этот культ пришел с восточного берега Эгейского моря. С другой стороны, в оазисе Гат, на северо-востоке страны туарегов, еще в XX в. ежегодно устраивались ритуальные "девичьи бои", похожие на те, которые описал в Тритониде Геродот, хотя в исламизированном Гате они и не посвящались берберской Афине.

IV. Анализу этих событий посвящена книга советского историка Г. Г. Дилигенского "Северная Африка в IV-V вв." (М., 1961).

V. О христианах в Гараме упоминают в VI в. Косма Индикоплов и сирийские источники (Иоанн Бикларский и др.).

Глава V

Экономика

Север Африки - это побережье Средиземного моря. Южнее лежит пустыня, тянущаяся от восточного побережья континента до западного. Она состоит из песчаных морей и ряда возвышенностей. В ней мало населения, мало воды и почти не бывает дождей. Пустыня разделила древние цивилизации, возникшие на берегах Средиземного моря, и богатые природными ресурсами области африканской саванны.

С древнейших времен человек стремился преодолеть это препятствие с помощью караванов. Издавна было известно, что наиболее подходящим маршрутом для пересечения пустыни являются пути, начинающиеся в ливийских портах, лежащих на побережье залива Большой Сирт, и пересекающие Феццан по дороге к Нигеру и Чаду. Причин тому было несколько. Одна из них та, что в этом месте море дальше всего вдавалось в глубь континента; это сокращало расстояние между прибрежными городами и странами, лежащими к югу от Сахары. Другая причина - обилие оазисов и колодцев и близость их друг к другу на всем протяжении пути в Центральную Африку. Третья причина заключалась в том, что скальные породы и твердая почва покрывали весь путь от побережья до Гарамы в центре Фецкана и оттуда дальше через нагорья Тассили, Ахаггар, Тибести, Эннеди, Дарфур, Аир и другие, что обеспечивало передвижение вьючным животным - ведь это происходило еще до появления верблюдов.

Скорее всего важнейшей сахарской дорогой, по которой караваны гарамантов ходили из Гарамы в страны африканской саванны и обратно, был путь, ведущий из Гарамы в Тесау, где найдены развалины крепости гарамантов и их кладбище, затем в город Шарабу, затем, пересекая район, известный ныне как пустыня Мурзук (тогда она была горным районом, а не морем песка, поглотившим ее позднее), к горам Тибести, оттуда к холмам Кавара (средневековую страну Кавар большинство исследователей идентифицирует не с плато Аир, а с группой оазисов Кавар на севере нынешнего Чада) и Агадесу, а оттуда - к берегам реки Нигер. Существовал другой путь, связывавший Гараму с районом озера Чад. Он шел из Гарамы в Тесау, там сворачивал на восток, в Бедир и Траген, далее шел в Вават и Куфру, а оттуда поворачивал на юг к Увейнат и приводил наконец в район озера Чад. Существовал еще один путь, который вел из Увейнат в Селиму около Бухейна (старая Вади Хальфа), а также еще одна дорога, ведущая из Эннеди в Джебель Майдуб (в Кордофоне, Судан) и затем оттуда - в Мероэ.

Три дороги связывали Гараму с побережьем: одна - дорога из Гарамы в Эдри через пустыню Убари, оттуда в Гадамес и затем в Сабрату. Другая вела из Гарамы в Тикритию

(в 40 км восточнее Гарамы), пересекала пустыню Убари, через оазис ад-Девада к Барджину, оттуда черед вадии Зигза и Масуду шла в аш-Шувейреф и через Гарьян приходила в Эю. Третья дорога вела из Гарамы на восток через вадии аль-Аджаль в Себху, оттуда в Дебдеб, лежащий в вадии аш-Шаты, примерно в 25 км восточнее Брака и через вадии Зизамет - в Гирзу, а затем в Лептис.

Существовала древняя дорога, связывавшая берега Нила с побережьем Атлантического океана. Это - та дорога, вдоль которой, по словам Геродота, тянется цепочка колодцев, и каждый из них отстоит от другого на десять дней пути¹. Она использовалась до начала нашего века. В исламскую эпоху она называлась "дорогой хаджа", потому что по ней шли караваны паломников на их долгом пути из стран Магриба в Мекку.

У всех этих дорог был ряд отличительных черт. Одна из них - близость друг к другу источников воды, что помогало в пути как людям, так и животным. До появления верблюдов запастись питьевой водой было во время путешествия большой проблемой. Лошади и ослы не очень хорошо переносят жажду; в то же время караваны не могли везти с собой большие запасы воды, так как это вело, во-первых, к уменьшению полезного груза, а во-вторых, к снижению скорости движения. Близость друг к другу колодцев и источников помогала справляться с этой сложной проблемой. Характерной чертой многих родников и колодцев на этих дорогах было обилие дичи вокруг них - там водились газели, дикие бараны, что отчасти решало проблему снабжения путешественников продовольствием². Особенностью этих дорог было и то, что они проходили через каменистые районы, где повозки, лошади и ослы могли легко передвигаться, в песках же ноги этих животных вязли.

Таким образом, несмотря на то, что эти дороги не были кратчайшими, так как они проходили по каменистой почве и, следовательно, петляли, они были самыми удобными и подходящими путями.

Для охраны этих дорог и маршрутов устанавливали укрепленные пункты. Они, как правило, представляли собой крепости, обнесенные высокой стеной с башнями, и возвышались над каким-либо вадии, использовавшимся обычно как хранилище для дождевой воды, а также как пастбище для вьючных животных. В центре крепости находился колодец с питьевой водой. В качестве примеров таких укрепленных пунктов можно привести развалины крепостей в Ай-Ванкенан и Ай-Масраджан в районе Акакуса и цитадели Каср Мара, лежащей в 113 км западнее Мурзука. Могилы гарамантов вокруг этих крепостей свидетельствуют, что в них находились постоянные гарнизоны.

Эти крепости строились в первую очередь ради охраны дорог, связывавших Гараму со странами африканской саванны. В их задачи также входило оказывать гостеприимство караванам, давать отдохнуть лошадям и вьючным животным или же сменять их по дороге.

Вокруг некоторых укрепленных пунктов оседали племена, продававшие что-либо проходящим мимо караванам или покупавшие у них необходимые вещи. Одним из городов, возникших вокруг крепости, охранявшей дорогу, была Шараба. Развалины Шарабы сейчас находятся примерно в 140 км юго-западнее Мурзука, на южном берегу вадии Шараба, тянувшегося с запада на восток. Немного южнее его лежит пустыня, известная как пустыня Мурзук. Как уже упоминалось, эта пустыня, до того как барханы поглотили скалы и она стала песчаной, была покрыта каменистой почвой и окружена долинами и горами. Через нее проходили дороги на Кавар, и, видимо, именно по одной из этих дорог в I в. н. э. царь Гарамы и Юлий Матери дошли до Агисимбы, а в VII в. н. э. Окба бен Нафи достиг Кавара. По развалинам Шарабы можно заключить, что город этот

занимал площадь примерно в 8 кв. км и был окружен стеной и рвом. Здания в нем строились из обтесанных каменных блоков, в городе были улицы и переулки, а в центре его возвышалась цитадель, высокие стены которой стоят до сегодняшнего дня. На расстоянии примерно 3 км от города находится огромное кладбище с большими круглыми могилами. Возможно, что название Шараба - это искаженное Циллаба - гарамантский город, упомянутый Плинием.

За всю свою долгую историю Сахара видела тысячи караванов, пересекающих пески и нагорья, лежащие между берегами Средиземного моря и странами Судана. Эти караваны ходили постоянно и довольно часто даже до появления в Сахаре верблюдов. Если не считать дикого верблюда, исчезнувшего с севера Африки очень давно, то впервые верблюды появились в Египте в V в. до н. э., вместе с персами. Несколько верблюдов с войсками Александра Македонского дошли до оазиса Сива, но затем этот оазис на долгое время стал западной границей распространения этих животных³.

В одном из римских военных отчетов упоминается, что в 46 г. до н. э. Цезарь захватил на севере Африки 22 верблюда в качестве военной добычи. Такое небольшое их количество говорит о том, что тогда верблюды использовались редко и что их численность в Северной Африке к тому моменту была невелика.

Если не считать жителей Лептиса, который к IV в. н. э. стал одним из важнейших центров торговли верблюдами⁴, то первыми, кто начал вывозить и использовать этих животных, были жители Джебель Нефуса. Разведением верблюдов прославились племена мезата, луата и хавара. Они использовали этих животных для перевозки грузов в караванах, а также во время военных действий. Один из вождей, по имени Кабаон, во время войны с вандалами расположил своих верблюдов так, что их тела образовали ограждение. В Сахаре племена мезата и хавара были первыми, кто углубился на своих верблюдах в пустыню. Племена хавара принадлежит заслуга открытия новых караванных путей, пересекавших моря песка.

Легенды хавара утверждают, что они перекочевали из своей столицы Зеллы, лежащей к югу от Сирта, в знаменитый город Завилу в IV в. н. э. Возможно, этимология названия верблюда в Северной Африке ("зайля") связана со словом "Зелла", с жителями которой эти животные впервые появились в Сахаре. В легендах туарегов рассказывается, что царица Тин Хиннан, считающаяся прародительницей племени кель-ахатгар, самого благородного из туарегских племен, первая приехала на нагорье Ахаггар⁵ на верблюде.

Возможно, Тин Хиннан жила в IV в. н. э., т. е. в то время, когда хавара начали покорять Сахару¹.

Лошадь появилась в пустыне задолго до верблюда, но не ранее чем к XVII в. до н. э., когда она пришла в Египет вместе с азиатскими гиксосами⁶. Из Египта же лошадь, естественно, распространилась по Ливии и остальной Северной Африке.

Иной точки зрения придерживается Риджвей. Он считает, что родиной лошади была Ливия или, конкретно, Киренаика. Свое мнение он обосновывает тем, что перстни с Крита, на которых изображена лошадь, относятся к первому доминойскому периоду, т. е. к XIX в. до н. э.⁷ Известно, что народы, основавшие на Крите неолитическую цивилизацию в первый доминойский период, были переселенцами из Киренаики. Предполагается, что они привезли с собой лошадей.

В этой теории есть ряд недостатков. Если лошадей в Киренаике разводили еще в XIX в. до н. э., то вместе с кочующими ливийскими племенами они попали бы в Египет и стали бы известны там до XVII в. до н. э., когда лошадь впервые появилась в долине Нила после нашествия гиксосов. Кроме того, в текстах Древнего и Среднего царств в Египте нет ничего, что позволило бы сделать вывод о том, что у ливийских племен, с которыми сталкивались египтяне, были лошади.

Судя по всему, стела Пианхи, находящаяся в Египетском музее, является первым свидетельством наличия лошадей у ливийских племен. В ней говорится, что царь Куша Пианхи понес большие потери от атаки конницы ливийского вождя Немарода во время осады города⁸.

В Сахаре же лошади появились только с приходом гарамантов⁹.

До появления лошадей в караванах, ходивших через пустыню, использовались ослы. В египетских текстах есть несколько сообщений о том, что караваны, составленные из этих животных, проходили тысячи километров по Сахаре. Хирхуф написал на стенах своей гробницы в Асуане, что он дошел до стран Иам и Вават, используя ливийские караваны, и что в них было более 300 ослов. Геродот пишет, что в его время ослов использовали для перехода через пустыню. Он рассказывает историю, в которой несколько насамонов пересекли Сахару от берегов Сирта до Центральной Африки верхом на ослах¹⁰.

На многих наскальных рисунках мы видим, что не все животные, тянущие колесницы, кони. Некоторые из них, несмотря на нечеткость рисунка, малорослые и имеют длинные уши, что более характерно для ослов, чем для лошадей¹¹. Историк Афиней пишет, что иногда караваны гарамантов состояли из большого числа ослов, а один из карфагенских купцов, по имени Магон, с их помощью три раза пересекал пустыню.

Судя по всему, в караванах, ходивших через пустыню, использовались также и быки. И если в Сахаре их наверняка перестали использовать вскоре после начала нашей эры, то в Дарфуре и в Западном Кордофоне (в Судане) они применяются для поездок между близлежащими городами по сей день. В Сахаре было найдено несколько рисунков, изображающих оседланных быков.

Итак, мы можем нарисовать картину передвижения по Сахаре следующим образом.

До начала засушливого периода в пустыне для перевозок использовались быки, а затем их место постепенно стали занимать ослы. Так обстояло дело до появления племен гарамантов с лошадьми и колесницами, что привело к активизации торговли и постройке крепостей для охраны дорог, связывавших побережье Средиземного моря со странами, лежащими к югу от Сахары. Разведение лошадей помогло гарамантам установить свое господство над пустыней¹².

В IV в. н. э. появились два новых фактора - один из них природный, а другой торговый, - которые начали подтачивать это господство. В результате длительного использования некоторых колодцев и источников запасы воды в них истощились и количество подземных вод в Сахаре уменьшилось. Это привело к тому, что многие оазисы погибли и расстояния между пунктами, где можно было пополнить запасы пресной воды, увеличились. Особенности же организма лошадей и ослов накладывают ограничения на длительность переходов, которые они могут совершать, не получая воды.

Одновременно с этим гибель оазисов и растительного покрова в них способствовала тому, что пески пустыни пришли в движение и поглотили много древних путей и дорог, перекрыв по ним движение. Барханы и моря песка стали преградой на пути караванов из лошадей и ослов.

Экономический же фактор заключался в том, что берберские племена, известные как "верблюжьи", владея большим количеством верблюдов, осваивали пустыню. У верблюда есть две отличительные черты: способность переносить жажду и способность пересекать пески и барханы. Это, в сочетании с тем, что он мог нести более тяжелый груз, чем лошадь или осел, привело к возникновению на краю песчаных морей новых городов, принимавших и снаряжавших караваны. Эти города заняли место древних городов, стоявших на перекрестке каменистых путей, дорог для лошадей и ослов. Так возникли Завила, Гат и исчезли древние Гарамы и Шараба.

Караваны гарамантов везли из средиземноморских портов самые разные товары, в том числе растительные масла и вина. Их обычно заливали в большие амфоры и перевозили на повозках с отверстиями, в которые вставлялись эти сосуды. На этих же рынках покупались различные ткани как шерстяные, так и шелковые. Гараманты очень любили носить римские туники, сделанные из кожи. Но более всего они стремились купить железное оружие, считая его важнейшим приобретением. Гараманты старались купить разнообразные керамические изделия - как для собственного использования, так и на продажу. Во время раскопок на кладбище Саният Ховеиди около Гарамы было найдено большое количество разных стеклянных и керамических изделий, в том числе амфоры, сделанные в Лептисе и Сабрате, стеклянные сосуды, изготовленные в Александрии, бутылки производства тунисских мастеров. Было найдено большое количество знаменитых сосудов Terra Sigillata самых различных форм. Санийские сосуды, изготовленные в Лизо на юге Франции, являются самой важной находкой, сделанной на этом кладбище. В их числе есть сосуд за номером 4Н - это большая чаша, по внешнему краю которой идет повторяющийся орнамент из следующих друг за другом рядов, изображающих различные виды растений и животных, а также людей.

В той же могиле было найдено несколько глиняных светильников с печатями, на которых изображены герои древнегреческих и римских мифов.

Гараманты не чеканили монет, а использовали для обмена на нужные им товары драгоценные металлы (золото и серебро) и камни - например, бирюзу. В древней Гараме было обнаружено несколько римских монет, но, видимо, они использовались только для торговли на рынках Лептиса, Сабраты и других городов, подчиненных Риму.

Вероятно, основным источником дохода, на котором основывалось богатство страны, была зеленая бирюза. Этот камень в древнем мире считался драгоценным, и стоимость его примерно соответствовала стоимости алмаза в наше время. Бирюза была известна со времен фараонов¹³, в древнем Египте она называлась "камни Темху из Вавата". Такое название она носила потому, что древним египтянам ее продавали темху (предки тубу).

В римском мире бирюзу называли "карфагенским камнем", так как карфагеняне были посредниками в этой торговле, через них бирюза попадала в Средиземноморье¹⁴. Вторая часть названия - "из Вавата" - указывает на место добычи этих камней. Известно, что страна темху занимала значительную часть Сахары и тянулась от западного берега Нила к югу от Асуана до Джебель Бен-Ганима в Феццане и от южных границ египетских оазисов в Ливийской пустыне до края саванны в Чаде. Здесь мы видим, что древнеегипетский текст уточняет место добычи этих камней в обширной стране племен темху и говорит, что

оно находится в районе, называемом Вават, лежащем "у самого западного края неба¹⁵". Это означает, во-первых, что Вават лежит на западе и, во-вторых, что он находится далеко от Нубии, то есть где-то в районе Куфры, Ребьяны или Феццана. Если мы посмотрим на этот район, то обнаружим, что там есть несколько оазисов, которые их жители из племени тубу называют Вав - например, Вав аль-Кебир и Вав аль-Намус. А было ли около этих Вавов месторождение зеленой бирюзы?

Французская научная экспедиция, проводя изыскания в районе, лежащем между оазисом Куфра и восточной областью Феццана, наткнулась на месторождение зеленой бирюзы в районе к востоку от Вав аль-Кебир и Вав аль-Намус, в холмах, называемых холмы Иги-Зома¹⁶. В результате исследований было выяснено, что это то самое место, где тубу добывали зеленую бирюзу, которую затем они продавали фараонам, а также гарамантам.

Плиний пишет, что карбункул (бирюзу) привозили из месторождения на горе Гири¹⁷. Гири - это ни что иное, как искажение или ошибка в произношении настоящего названия - Иги, а второе слово, добавляющееся к Иги или к Гири и связанное с наличием бирюзы в этом месте, было словом "Зома", что на языке тубу означает "бирюза".

Наряду с бирюзой доходы золотом приносила гарамантам торговля солью - ведь в странах африканской саванны соли не было. Возможно, именно соляная торговля была основной причиной, побудившей их царя Мрсиса попросить помощи Юлия Матерна. Одной из целей кампании гарамантов были знаменитые соляные рудники в Агадесе в Каваре, так как на рынках Нигера соль продавалась на вес золота.

Африканские рынки расплачивались с гарамантскими купцами различным сырьем и необработанными товарами. Важнейшими среди них были шкуры животных, слоновая кость, страусиные яйца, благовония, пряности, золото, серебро. Гараманты везли это либо в Гараму для обработки, либо на рынки Лептиса, Эй и Сабраты на продажу.

Во времена гарамантов земледелие в Феццане в значительной степени базировалось на орошении подземными водами. Известно, что количество подземных вод в прошлом было большим, чем сейчас, и поэтому можно считать, что посевы в древности занимали большие площади. Мы ничего не знаем о сельскохозяйственных культурах, но, видимо, среди них были лук, злаки и индиго, использовавшийся как краситель. У гарамантов было много плодоносящих пальм, которые обеспечивали жителей оазисов хорошими финиками. Было у них и достаточно пастбищ для животных, важнейшими из которых были лошади, коровы, бараны, козы.

Гарама прославилась тонкими ремеслами, среди которых видное место занимало изготовление украшений, в частности золотых. Были найдены изделия, свидетельствующие о высоком качестве работы гарамантских ювелиров по обработке золота и серебра, а также по полировке зеленой бирюзы и изготовлению из нее красивых и оригинальных предметов.

В истории Сахары гараманты сыграли ту же роль, что финикийцы в истории Средиземного моря. Им принадлежит заслуга приобщения к цивилизации африканских народов, живших южнее их, путем передачи им знаний, умений и техники цивилизованного мира. Им также принадлежит заслуга ознакомления римских и других писателей с Африкой южнее Сахары. Они дали им сведения, которые географы римского мира занесли в свои книги. Эти сведения имели большое значение для европейских путешественников в эпоху географических открытий на Африканском континенте.

Примечания:

1. Геродот. IV, 181-183.
2. Геродот, II.32.
3. Bovill E. W. The Golden Trade of the Moors. Oxf., 195в, p. 4L.
4. Haynes D. E. L. An Archaeological and historical guide to the pre-Islamic antiquities of Tripolitania. Tripoli, 1959, p. 67.
5. Ахаггар (Хоггар) - название исторической области в Центральной Сахаре. Ахаггар - название области на языке туарегов кель-ахаггар; Хоггар - название той же области на арабском языке (примеч. сост.).
6. Breasted J. H. A history of Egypt. L., 1959, p. 17.
7. Ridgeway W. The Origin and influence of the thoroughbred horse. Cambridge, 1905, p. 216 ff.
8. Bates O. The Eastern Libyans, p. 28.
9. Arkell A. J. A history of the Sudan, p. 122.
10. Bovill E. W. The Golden Trade of the Moors. Oxf., 1968, p. 18.
11. Breasted J. H. Ancient Records, I, 335.
12. Страбон. XVII, 3, 19.
13. Graziosi P. L'arte rupestre, p. 96.
14. Страбон. XVII, 3, 19.
15. Breasted J. H. Ancient Records, IV, 373.
16. Bates O. The Eastern Libyans, p. 48-49.
17. Плиний. V, 37.

Примечания составителя

I. Тин-Хиннан - мифическая прародительница туарегов кель-ахаггар. Находка ее гробницы в 1927 г. французским археологом де Пророком стала сенсацией. В этой связи мы приводим довольно значительный отрывок из книги Ю. К. Поплинского "Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема". М., 1978, с. 141-147.

"...Можно считать, что в первом приближении, еще очень, смутно, невнятно, в несформулированном виде, гарамантская проблема встала перед наукой в самом начале нашего века. Она как бы слегка намечалась на фоне различных данных, полученных в результате изучения Северной Африки в то время, и давно известных исторических свидетельств, отношение к которым оставалось еще в высшей степени скептическим. Однако прямое формулирование ее было тогда еще преждевременным (вспомним, в частности, что раскопки Джермы в Феццане и другие исследования в стране гарамантов дали первые результаты только к 30-м годам XX в.). Тем не менее проблема, как мы сказали, уже в основном была очерчена. В высшей степени интересна и показательна та форма, в которой она прозвучала впервые. Она имела, так сказать, экстранаучный характер и художественное воплощение и связана с появлением книги, весьма далекой от какого-либо научного жанра. Размышляя об этой книге, убеждаешься еще раз в том, что судьба некоторых из них бывает поистине удивительной. Написанные пером мечтателя и фантазера, они могут на много лет предвосхитить появление строго академических творений серьезных исследователей, доказывающих со скрупулезной точностью на огромном научном материале важную проблему (из любой области знания - физики или биологии, космологии или истории), которую с легкостью и виртуозностью, занимательностью и беспечностью, основываясь лишь на интуиции и художественном воображении, нарисовал романист.

К таким книгам относится нашумевший при выходе и бывший долгие годы весьма популярным у читателей роман П. Бенуа "Атлантида", выпущенный в 1919 г., переведенный на многие языки и разошедшийся большими тиражами.

Сюжет романа прост и сложен, как сюжет всякого приключенческого романа; безусловно увлекателен и фантастичен. Схематическое его изложение не займет много места. Два французских офицера, отставшие во время перехода по Сахаре от конвоя, после долгих блужданий по раскаленной пустыне, обессиленные жаждой и зноем, неожиданно попадают в оазис, где возвышается гигантский фантастический замок, сложенный из циклопических камней, в окружении неприступных и причудливых скал. Замок оказывается обитаемым. Утомленных и отчаявшихся французов гостеприимно встречает их давно пропавший без вести соотечественник, который показывает им поразительные помещения дворца, роскошную библиотеку с сочинениями античных авторов и - главное - царственную и загадочную хозяйку этого дома. Следуя за неожиданными поворотами сюжета книги, читатель вместе с героями романа узнает, что поразившая его воображение прекрасная дама - последняя владычица знаменитого и неизвестного народа - атлантов (описанных Платоном в диалогах "Тимей" и "Критий" как погибший в стародавние времена народ великанов, создателей величайшей цивилизации древности, страну которых поглотили волны океана), царица сказочной Атлантиды - Антинейя. В конце концов, коварная дочь атлантов - королева Ахаггара - губит обоих французов.

Обратившись к теме, которую на протяжении многих веков внимательно изучало не одно поколение ученых, знакомых с описанием Платона, П. Бенуа предложил свое решение, поместив последних из спасшихся атлантов в неприступных горах сахарского Ахаггара, в окружении необъятных пространств горячих песков величайшей пустыни.

Разумеется, ученый мир никак не прореагировал на абсолютно фантастическое сочинение известного романиста, который к тому же вовсе не претендовал на научность своей гипотезы. Лишь одно обстоятельство было отмечено учеными. Конец XIX и начало XX в. ознаменовались весьма пристальным вниманием исследователей к изучению Африки в целом и Сахары в частности. Многочисленные путешественники совершали многомесячные странствия и научные экспедиции по этим неизвестным европейцам и

труднодоступным местам. Да и вопрос об Атлантиде Платона время от времени также вставал в научных трудах. Именно эти два научных сюжета, обсуждавшиеся в академических кругах, обратили на себя внимание П. Бенуа, который использовал их в своем приключенческом романе. Это и было (без особого энтузиазма) замечено академической корпорацией.

Между тем широкая публика с восторгом приняла роман именно за то, что он давал - пусть фантастический - но все же ответ на ее вопросы о неизвестной и пугающей пустыне и о судьбе множества отважных путешественников, пропавших без вести в ее песках, а также увлекательно рассказывал о сказочной Атлантиде. Тем большей для всех неожиданностью была публикация материалов раскопок барона де Пророка, известного археолога и серьезного ученого. Его экспедиция проводила в 1927г. (т. е. через восемь лет после выхода в свет романа П. Бенуа) раскопки в Западном Ахаггаре, неподалеку от Абелессы, примерно в тех же местах, где происходит действие романа. Удачливый и опытный археолог де Пророк в занесенной песками скалистой местности обнаружил развалины значительного по величине комплекса древних сооружений, среди которых особенно выделялся сохранностью и необычностью древний могильник. Он представлял собой большую площадку, сложенную циклопической кладкой с кольцеобразно расположенными 12 могилами. Чуть поодаль от этого места из огромных тщательно пригнанных каменных глыб возвышался монумент, от которого довольно протяженная колоннада вела к храмовому сооружению. Из круглого в плане внешнего двора через небольшой прямоугольный передний дворик можно было попасть в центральное помещение, которое, по-видимому, было собственно храмом. В скальной задней стене храма находился вход в гробницу. Пол в ней был затянут остатками кожаного ковра, подняв который Пророк обнаружил каменную плиту, закрывавшую вход в подземный склеп, высеченный в толще скалы. Вскрыв гробницу, де Пророк нашел здесь женское захоронение, которое, судя по всему, могло быть могилой какой-то очень высокопоставленной особы. Инвентарь гробницы поражал своим разнообразием, богатством и великолепием. Среди обнаруженных вещей были римские и местные, североафриканские, изделия: ожерелья из прекрасных камней, золотые украшения, зеркала, страусовые перья, предметы мелкой пластики (в том числе палеолитические статуэтки), сосуды с благовониями, вазы и т. п. Но самой существенной главной находкой, не поражающей ни обработкой, ни ценностью, была маленькая золотая монета. Именно эта находка позволила де Пророку датировать найденный им памятник. Монета принадлежала к эпохе римского императора Флавия Валерия Константина I (306 - 337 гг. н. э.), т. е. погребение этой знатной особы (царицы или жрицы) было совершено перед началом арабского периода в североафриканской истории и относится к первой половине IV в. Де Пророк не сделал в своем сообщении о раскопках никаких предположений о том, кто был захоронен в этой гробнице.

Однако почти сразу после опубликования его сообщения вспомнили роман Бенуа. "Гробница Антиней - царицы Атлантиды" - только так называла широкая пресса находку де Пророка в Ахаггаре. Ажиотаж публики достиг апогея, и было выпущено очередное издание "Атлантиды".

В ученых кругах между тем пытались дать более правдоподобное объяснение находке экспедиции 1927 г. В поисках отождествления останков обнаруженной в гробнице владычицы или жрицы IV в. н. э. вспомнили ставшую сравнительно недавно известной африканистам легенду туарегов - исконных обитателей Сахары - племени кель-ахаггар. Легенда эта относится к разряду генеалогических и повествует о мифической (легендарной) прародительнице туарегов кель-ахаггар - Тин-Хиннан.

Записанная несколькими исследователями (среди них прежде всего следует назвать Л. Фробениуса, наиболее точно и полно передавшего ее), эта легенда, к сожалению, приобрела с течением времени несколько иной (в сравнении с предполагаемым первоначальным) вид. Известно, что особенно в жанре генеалогической легенды легко происходят трансформации, связанные с тенденцией спекулятивных пересмотров традиций о происхождении, в которых их создатели всегда стремились подчеркнуть свою филиацию от особо могущественных и престижных родоначальников, возводя собственное происхождение через героизированных предков к покровителям и богам. Смены династий в историческое время, изменение конфессиональной ориентировки, резкие повороты политической ориентации - все эти причины в разных ситуациях приводили к перелицовке генеалогической традиции. Так, в Северной Африке (включая Сахару и всю зону арабской экспансии) особенно сильным фактором в трансформации генеалогических (точнее, генетических) преданий была тенденция привязать собственных предков - родоначальников к исламской традиции. Само по себе это явление вполне закономерно и хорошо объяснимо, так как арабизация и исламизация в большей или меньшей степени затронули всех автохтонов этого региона. Поэтому мотив о приходе предка из Аравии или из других районов Ближнего Востока особенно широко распространен здесь.

В Северной Африке и Западном Судане за более чем тысячелетний период с момента арабской экспансии помимо чисто идеологического и культурного арабского влияния на автохтонное население произошли также заметные этногенетические изменения. Местные ливо-берберы, близкие в расовом отношении к арабам (европеоиды средиземноморской малой расы), активно смешивались с пришельцами, в результате чего образовался сравнительно широкий и однородный арабо-берберский субстрат.

Неудивительно, что во многих своих версиях и легенда о Тин-Хиннан - прародительнице туарегов кель-ахаггар - насыщена мотивами исламского характера. Безусловно, при ее интерпретации следует учитывать это обстоятельство, имеющее ясную историко-идеологическую причину. Но в легенде туарегов (в отличие от подавляющего большинства аналогичных легенд других исламизированных народов Африки) на редкость явственно сохранено ее доисламское ядро: в частности, до сих пор почти во всех версиях осталось указание на берберское происхождение Тин-Хиннан.

Вкратце содержание ее таково. Дочь вождя, Тин-Хиннан, берберка благородного происхождения, изгнанная своим племенем из страны, вместе со своей наперсницей и служанкой Такамат на двух белых верблюдах прошла через всю пустыню и, ведомая своим предназначением, достигла страны Ахаггар. Путь ее был труден. Настал день, когда кончилась еда и иссякли силы. Но помощь преданной Такамат, родившейся в пустыне, позволила им насытиться зернами, спрятанными в муравейнике, который по следам муравьев в песке отыскала служанка Тин-Хиннан. В Ахаггаре путницы осели. Здесь Тин-Хиннан стала родоначальницей благородных туарегов кель-ахаггар, а Такамат - прародительницей зависимого от кель-ахаггар вассального племени, которое туареги называют имрад.

По некоторым деталям легенды видно, что служанка Такамат была родом из Ахаггара и происходила из местного племени иссабатов. Когда Тин-Хиннан пришла в Ахаггар, это племя было единственным хозяином страны, в которой, как говорит легенда, в те времена росли деревья, зеленели пастбища и текли реки. Иссабаты пасли скот и охотились на диких зверей. Они не знали земледелия, а орудия охоты изготавливали из камня. Туареги именно иссабатов считали создателями многочисленных в этих горах наскальных изображений. Покойников иссабаты хоронили под каменными насыпями - холмами. Об

этом также повествует легенда туарегов, когда описывает смерть вождя иссабатов, Аккара, великана и силача, неистового охотника, истребившего всех муфлонов, за что он и был убит своими соплеменниками, которые насыпали над ним, пока он спал, камней. Этот холм-могилу Аккара до сих пор показывают туареги в уезде Таремут в Ахаггаре".

Заключение

Упадок Гарамы

Анархия, в которую погрузилась Северная Африка в VI в. н. э., побудила императора Юстиниана предпринять шаги по включению ее в состав Восточной Римской империи. В 533 г. туда был послан его полководец Велизарий, легко захвативший страну, население которой приветствовало его как освободителя от гнета правителей-вандалов. Север Африки, подчинился новому властителю скорее на словах, чем на деле. Византийские части стояли только в укрепленных городах, а сельская местность и провинция подчинялись берберским племенам и их могущественным вождям, молчаливое одобрение которых византийские наместники покупали золотом.

В действительности положение византийцев здесь было гораздо слабее, чем положение римлян. Последние создавали свои колонии в городах и сельской местности, и колонисты были лучшей опорой римским гарнизонам. Византийцы же в Северной Африке не жили. У Римской Церкви в этом регионе были свои сторонники, в то время как у Византийской Церкви их не было. Император Юстиниан пытался навязать североафриканцам восточный обряд, а также искоренить язычество, но обе эти попытки натолкнулись на активное сопротивление населения¹.

На берегах Триполитании жило множество племен, в том числе племена лота, они же лотофаги, жившие вокруг городов Эя, Сабрата и Сахль ад-Джафара с древнейших времен, зената в западной части Джебель Нефуса, мезата в районе Маздух и. Джерза, хавара на берегах залива Большой Сирт, основавшие свою столицу в Зелле. Эти племена постоянно враждовали друг с другом из-за пастбищ, воевали с Римской империей, а затем и с вандалами.

Первое столкновение между византийцами и берберами произошло во время одного из празднеств, проходившего в Лептисе в середине VI в. н. э. Между византийским наместником Сергием и несколькими вождями лота произошла стычка, во время которой охрана наместника перерезала берберских вождей, присутствовавших на празднике. Это злодеяние послужило причиной восстания берберов, в ходе которого один из их вождей, Антала, взял Лептис, разрушил его, убил Сергия в бою и уничтожил еще одну византийскую армию под командованием Соломона. В результате этой победы все берберские племена двинулись на помощь лота, и византийский полководец Троглита смог удержать в своих руках только узкую прибрежную полосу в районе Туниса, оборона которой была сопряжена с большими трудностями².

Угроза со стороны берберских племен стала очень серьезной для Византийской империи - берберы не только нападали на оазисы в Ливийской пустыне в Египте, но и подошли близко к Александрии. Тогда византийская армия, выступившая в поход, стала подавлять со всей жестокостью это восстание, разрушая поселения и дома, уничтожая колодцы и деревни. Этот террор вынудил берберов отступить к своим пастбищам - в то время они разводили множество верблюдов и все чаще использовали их для путешествий или в ходе военных действий. Преследуемые византийцами, они отступали все дальше и дальше в пустыню, пока не встретились в гарамантах. Тут берберские племена оказались

зажатыми между двумя врагами - с одной стороны, византийцами на морском побережье и, с другой стороны, гарамантами в пустыне. Берберам, чтобы выжить, необходимо было пробить себе путь, и они предпочли атаковать слабейшего из противников. Между племенами мезата и гарамантами началась война, закончившаяся захватом мезата района хамада аль-Хамра и Джебель Хасуна. Они также захватили Ваддан³, а затем и вади Шаты. Ваддан стал центром их царства. Хавара же, отступая перед византийцами, оставили им Зеллу и углубились в пустыню, где они основали небольшой город и назвали его Завилой - уменьшительной формой от названия их древней столицы Зеллы. Они не обнесли свою новую столицу крепостной стеной, полагаясь на ее отдаленность⁴. Так область, находящаяся на востоке Феццана, перешла из рук гарамантов в руки хавара.

Видимо, племена Нигера также усилились. Они перестали подчиняться гарамантам и основали свою столицу в Каваре⁵. Таким образом, из всех владений гарамантов остались лишь вади аль-Аджаль и вади Мурзук. Царство Феццана уменьшилось настолько, что в него входили только эти две долины и местность между ними.

В то же самое время произошло ощутимое изменение климата: участились засухи, подземных вод стало меньше, а песчаные барханы пришли в движение и поглотили многие из старых дорог и путей. Повозки и лошади лишь с трудом передвигались по старым твердым каменистым дорогам. Одновременно появились берберские племена со своими верблюдами, для которых, в силу их способности переносить жажду и пересекать песчаные барханы, эти трудности были вполне преодолимы. Поэтому для племен мезата и хавара не представляло особого труда захватить господство над пустыней, потеснив гарамантов.

Гарама слабела, а следы упадка мы видим в архитектуре зданий, построенных в VI в. н. э. и после. Эти здания возводились беспорядочно, для их постройки из старых домов вынимались камни и колонны, чтобы использовать их вторично.

Ибн Абд аль-Хакам отмечает, что арабы завоевали Северную Африку в ходе двух кампаний. Первая из них состоялась в правление халифа Османа ибн Аффана, во главе ее стоял Амр ибн аль-Ас, и его армия дошла до Триполи.

Вторую кампанию возглавлял прославленный полководец Окба бен Нафи, сын сестры Амра ибн аль-Аса. В 669 г. Окба вышел из Мамедаса, небольшого городка около Сирта, с армией, состоявшей из 400 кавалеристов, 400 всадников на верблюдах и 800 носильщиков воды и припасов. Окба осадил Ваддан, и, по сообщению историка, после слабого сопротивления город сдался. После этого Окба двинулся на Гараму, царь которой сдался ему без боя (впоследствии он был сослан на восток). Однако другие гарамантские крепости оказали ему сопротивление, несмотря на капитуляцию царя, что заставило Окбу покорять каждую из них в отдельности.

Ибн Абд аль-Хакам пишет, что Окба возвратился другим путем, возможно через Гатрун и Завилу. Арабский историк отмечает, что Окба вернулся к своим основным силам через пять месяцев⁶, но я сомневаюсь, что за этот срок Окба смог совершить все эти завоевания. Такая значительная кампания, как эта, неизбежно должна была продолжаться дольше, чем это указано. Однако, видимо, кампания Окбы не положила конец царству гарамантов.

Из немногих строк, оставленных нам о Гараме известным арабским географом аль-Масуди, мы можем сделать вывод, что и в X в. Гарама продолжала существовать. У аль-Бекри, исторические сочинения которого охватывают и XI в., есть неясное замечание о все еще существующей Гараме. Скорее всего под упомянутым им городом Тамерма он

имел в виду Гараму, в особенности потому, что он говорит, что в нем живут бену⁷ Феццан.

Вполне возможно, что это название было просто искажено в процессе передачи или записи. Из того, что пишет аль-Бекри, мы можем прийти к заключению, что в Гараме были архивы по типу личных досье, что существовало постоянное сообщение между различными областями царства и что государство обеспечивало порядок и безопасность в стране. Однако текст аль-Бекри отмечает возрастание влияния Завилы и указывает на то, что этот город был столицей Феццана и даже стал известен как "великий феццанский город".

Нет никаких свидетельств в пользу того, что династия Ибн аль-Хаттабов, а именно она правила Завилой, начиная с X в. н. э., захватила Гараму, однако есть данные, указывающие на то, что Гарам находилась по отношению к Завиле в подчиненном положении.

Захват Завилы в 1174 г. (569 г. хиджры) Каракушем Армянским, одним из офицеров Салах ад-Дина аль-Айюби (известного в Европе как Саладин. - Примеч. пер.), положил конец династии Ибн аль-Хаттабов. Все началось с того, что отношения между Салах ад-Дином аль-Айюби и его сюзереном султаном Нур ад-Дином, правителем Дамаска, испортились настолько, что Салах ад-Дин начал обдумывать план отхода из Египта в Йемен или в Африку и для осуществления замысла захватить север Африки обратился за помощью к своему брату Туран-шаху. Все эти проекты, однако, были заброшены после того, как отношения между Салах ад-Дином и Нур ад-Дином вновь приобрели спокойный и дружественный характер. Такой исход дела не удовлетворил нескольких офицеров, стремившихся к завоеваниям, и они ушли из Египта вместе со своими солдатами. Среди них был армянский офицер по имени Каракуш. У него был отряд конницы, с помощью которого он покорил Сиву, затем Ауджилу, оттуда двинулся на Завилу и захватил ее. Царь Завилы по имени Мухаммед ибн Хаттаб погиб под пытками⁸. Затем Каракуш пошел на Ваддан, захватил его и оттуда направился в Триполи, где он осел и начал править. Каракуш оставался правителем, пока против него не выступили его враги. Они осадили его в Ваддане, где в 1212 г. (609 г. хиджры) он сдался и был убит.

После смерти Каракуша Феццан остался без властителя, что соблазнило его соседей. Племя загава, жившее на севере Чада, в XII в. н. э. основало свое царство в Канеме. Его границы начали проходить возле Феццана, а его цари стали экономически зависеть от свободы движения по караванным путям, ведущим в Триполитанию. И, когда правление Каракуша окончилось, загава, известные также как канури, захватили Феццан и сделали город Траген резиденцией своего правителя. Абу аль-Феда в своей книге "Таквим аль-Булдан" ("Географический справочник") пишет: "К востоку от Гадамеса лежит Ваддан, остров пальм... К востоку от него лежит Феццан, это также остров пальм и воды. Городов и возделанных земель в нем больше, чем в Ваддане. Все это теперь подчиняется царю Канема"⁹.

Канури недолго пробыли в Феццане, потому что вскоре в вади аль-Аджаль появились хорманы. Несмотря на то, что некоторые современные историки считают хорманов арабским племенем, известно, что это не так. Шейх Фалех, написавший комментарии к истории Ибн Галбуна, говорит о них: "Они родом из берберов, известны как хорманы и живут в вади аль-Аджаль"¹⁰. В народных преданиях говорится, что они пользовались лошадьми, а не верблюдами и что они вели жестокую войну с туарегами. Все это свидетельствует о том, что хорманы были не туарегами, не канури и не арабами. Так кто же такие хорманы?

Все путешественники и археологи, побывавшие в Джерме, считали, что Джерма гарамантов, т. е. времен римлян, - это развалины, известные под названием Старая Джерма. Это большой город, все здания которого построены из необожженных кирпичей, в нем с западной стороны есть большой дворец. Город окружает овальная в плане стена. В нем есть три мечети, до сих пор еще не полностью развалившиеся. Такое представление оставалось господствующим до начала раскопок в 1962 г., в ходе которых выяснилось, что существует другой город, лежащий под домами, построенными из кирпичей. Выяснилось также, что этот нижний город был построен из огромных каменных блоков правильной формы, в нем были найдены колонны, арки, капители. Все это говорит о том, что этот город являлся одним из центров древней греко-римской культуры. Дополнительные изыскания привели нас к следующим историческим заключениям.

Начиная с VII в. н. э. древний город Гарама слабел, но, борясь со временем, он продолжал существовать до IX в., когда был полностью покинут. Песок и земля поглотили его, и люди стали возделывать землю и сажать пальмы над древними развалинами. В XIII в. люди вернулись, чтобы вновь поселиться на старом месте, однако на этот раз свои дома и мечети они возводили из необожженных кирпичей. Очевидно, удар, нанесенный Завиле Каракушем, удар, уничтоживший царство хавара, ослабил берберские племена, которые своими постоянными набегами подтачивали силу Гарамы.

Видимо, появление армии канури еще более ослабило берберов-хавара так, что они предпочли вовсе оставить Феццан и переселиться на запад, в Ахаггар. Тем самым они освободили место гарамантам для восстановления их могущества.

Однако Гарама, жители которой стали мусульманами, забыла свои языческие и христианские традиции, как забыла она и величественный римский тип зданий, на смену которым пришла маттибинская сахарская архитектура. По образцу африканских дворцов канури был построен западный дворец с квадратными башнями и высокими стенами. Минареты мечети Гарамы были выстроены в стиле, характерном для магрибинской архитектуры. Очевидно, простым изменением начальной буквы в названии, случайным или умышленным, стала отличаться мусульманская Харама от прежней христианской Гарамы.

Несмотря на свою исламизацию, гараманты, или хорманы, продолжали оставаться преданными животному, которое их предки привезли вместе с собой в Феццан, - лошади. Кавалерия была основной ударной силой армии хорманов.

Сфера влияния Харамы расширялась, пока не достигла Завилы на востоке и Сокны на севере. В нее входил даже Гадамес, но, когда Харама захотела распространить свою власть на район Гата и окружающие его области, она столкнулась с туарегами, новой силой, только появившейся. А кто такие туареги и откуда они пришли?

Археологические и особенно антропологические исследования, затрагивающие этот вопрос, до сих пор немногочисленны. Туареги сейчас проживают в Сахаре на площади почти равной площади Европы, что делает попытку проследить их историю трудным делом. Вдобавок туарегские племена до настоящего времени продолжают оставаться кочевниками. До сих пор ни один ученый не написал их историю.

Исходя из уже проделанных исследований, мы можем выдвинуть следующие предположения. С древних времен в районе, лежащем между западными берегами Нила и Атлантическим океаном, жила большая группа племен. По своему происхождению эти племена представляли собой смесь средиземноморской и негроидной африканской расы.

Пропорции смешения были различные в разных местах. На севере выше была доля средиземноморской крови, на юге более отчетливо проявлялись негроидные черты. Эти племена говорили на одном языке, относящемся к берберо-хамитскому семейству, но на разных диалектах. Разница между диалектами иногда была такова, что одно племя могло не понимать диалект другого. Эти племена жили в Сахаре со времен фараонов, продолжали существовать там во времена и греческого, и римского, и византийского владычеств. Они оставались на своей родине до начала исламского завоевания. Они легко меняли районы своего обитания, переходя с одного места на другое в поисках пастбища или же во время набега или отступления в ходе междоусобных войн.

Эти племена делились на две основные группы: северную, жившую около побережья, и южную, жившую в Сахаре. Гараманты принадлежали к последней.

По различным экономическим и политическим причинам северная группа начала углубляться в Сахару и оказывать давление на южные племена, жившие в Феццане, пока не добилась окончательной победы над ними и не обосновалась в их оазисах. Однако начиная с VII в. н. э. в этом регионе появилась новая сила, арабы, которые в течение VIII-X вв. постепенно оседали на севере Африки. Они, в свою очередь, стали выталкивать северные берберские племена, жившие в оазисах на севере Феццана, дальше на юг. А когда накатилась новая волна арабов, больше всех предыдущих, она отбросила северных берберов на юг, за Феццан. Они осели на нагорьях Ахаггар и Тассили в Сахаре, но вскоре небольшие оазисы, в которых они жили, уже не смогли обеспечивать пропитание все возрастающего населения. В этом факте мы можем найти историческое объяснение возникновения государства Альморавидов, которое, объединив туарегские племена на юге Сахары, расширялось, пока его границы не достигли Испании на севере и Египта на востоке. Однако эта империя быстро распалась, а Альмохады уничтожили ее. Туареги и другие берберские племена вернулись к кочевому образу жизни, при котором каждое племя было независимо и возглавлялось шейхом или вождем.

У туарегов нет единого общего предка, так как они различаются по происхождению. Они представляют собой смесь нескольких берберских племен, таких, как хавара, мезата, зената, лемтуна и др. Все эти племена были связаны друг с другом родством по крови и общим языком или же похожими диалектами. Ибн Халдун (известный арабский историк конца XIV в. - Примеч. пер.) писал по этому поводу: "Поначалу хавара, а также связанные с ними родством баранис и симогр жили в Триполитании и соседних областях Киренаики, как и упоминают аль-Масуди и аль-Бекри. Некоторые из них пересекли пески и оказались в стране бедности. При этом они прошли через Лемту, где племена закрывают свое лицо, затем через граничащую с Лемтой страну Каукау в Судане и углубились в Африку, где они стали известны как хукара"¹¹. В другом месте он пишет: "У второй группы санхаджа, закрывающей свое лицо, не было в Магрибе ни царя, ни государства. Эта группа санхаджа закрывает свое лицо, они живут в бедности за песками пустыми на юге. Они были там изолированы задолго до исламского завоевания. Происхождение их неизвестно. Они направились в пустыню от побережья, нашли там природные богатства и переселились с холмов, покинув их. Они заменили свою пищу молоком и мясом верблюдов, отойдя от цивилизации, привыкнув к одиночеству... Они поселились по соседству с деревнями эфиопов и стали барьером между страной берберов и Суданом. Они начали закрывать свое лицо, и это стало отличать их от других народов. В этой стране они жили и размножались"¹².

Как мы уже говорили ранее, вначале туареги были конгломератом различных племен и каждое племя возглавлял его вождь. Когда же им угрожала опасность, они объединялись

под началом одного и этих вождей, которому присваивался титул амгара, что означает военачальник или султан.

Видимо, такая коалиция племен осела рядом с поселением Баркат около Гата. Этот оазис, лежавший на полпути между Средиземным морем и странами Черной Африки, занимал отличную стратегическую и экономическую позицию, и в нем обычно останавливались караваны, чтобы отдохнуть от тягот и забот долгого путешествия. Эти племена решили, что лучше всего для них было бы основать где-нибудь поблизости рынок, место купли-продажи. Эта идея нашла себе сторонников в лице купцов Гадамеса, увидевших, что эта затея принесет им обильные прибыли.

Для осуществления этого замысла племена, жившие в этом районе, а это были ихадженен, кель-гафса, кель-тарт, кель-телак и имакамазин, заключили соглашение о строительстве города Гата неподалеку от оазиса Баркат. Каждое племя взяло себе определенный участок города, застроило его и поселилось там. Были также построены рынок и квартал для чужестранцев.

Был установлен порядок управления городом - исполнительная власть была отдана совету шейхов, представлявших пять союзных племен. Деятельность этого совета контролировалась тремя улемами, обладавшими правом вето в случае, если постановления совета противоречили шариату или же традициям и обычаям туарегов.

У города была своя небольшая символическая армия, состоявшая из добровольцев-туарегов. Они жили вне Гата. Их возглавлял офицер, носивший титул амгара. Город, однако, охраняло не это символическое войско, а протекция сильных племен аураген, которые, согласно договору, должны были защищать Гат от любого нападения извне. За это город платил им большую дань. Племена аураген жили на нагорье, окружающем Гат. Они обязались не вмешиваться во внутренние дела города, обеспечивать безопасность всех караванов, идущих в Гат или из него, и не чинить им никакого зла.

С ходом времени значение Гата возросло настолько, что Ибн Халдун и Ибн Баттута, два магрибских путешественника, посетили его и жили в нем.

С ростом Гата в нем увеличивалось число купцов из Триполи, Гадамеса, Сокны и Туата. Они селились там и брали себе в жены местных девушек. Постепенно к ним начала переходить власть, и, в конце концов, совет стал состоять из потомков этих купцов. Из них же стал назначаться и амгар. Такое положение дел неизбежно привело к охлаждению отношений между населением Гата и племенами аураген, однако последние не предпринимали никаких действий, опасаясь, что им перестанут выплачивать дань за охрану.

Как раз в это время войска Харамы выступили в поход и смогли легко захватить Гат. Однако жители Гата, опасаясь, что переход власти к хорманам означает смертный приговор для их города, решили обратиться за помощью к туарегам. Они позвали на помощь племена аураген, и те откликнулись на призыв. Началась ожесточенная битва между ними и хорманами, в которой туареги победили. Гат вновь перешел в их руки. На этот раз вождь аураген хотя и покинул город, чтобы в нем осуществлялось самоуправление в форме совета купцов, но он взял себе титул амгара и стал именовать себя султаном.

Примерно в 1500 г. туареги двинулись на Феццан. Они захватили Гадамес и установили в нем свои порядки по образцу Гата, а затем вторглись в вадии аль-Аджаль, где развернулись

жестокие бои между ними и хорманами. В какой-то момент они чуть не захватили Старую Джерму - их отряд под видом купцов проник в город и укрылся в мечети. Однако муэдзин понял, кто они, и предупредил правителя города, который приказал их схватить. Выяснилось, что туареги решили штурмовать город, и что этот отряд должен был перебить стражу и открыть ворота. Эти несчастные были казнены, и штурм провалился. Тем не менее среди стариков Джермы ходят легенды, которые они слышали от своих отцов и дедов, в которых говорится, что в результате нескольких удачных набегов туарегов Джерма была разрушена и покинута жителями.

В конце концов туарегам удалось разрушить основные гарамантские крепости. Налетчикам помогли и эпидемии, особенно малярии, которые опустошили Джерму и довершили ее гибель.

Позднее в этом районе возникло государство потомков шерифа Мухаммеда аль-Фаси из города Феса, который возглавлял караваны паломников, ходившие из Магриба в Мекку. Хитростью он смог создать свое собственное государство и с середины XV в. правил Феццаном. Власть султана Мухаммеда и его сыновей простиралась в том числе и на вадии аль-Аджаль, и он управлял ею, как и остальными частями Феццана.

Из хроники Ибн Галбуна видно, что хорманы не были довольны правлением потомков Мухаммеда аль-Фаси, и около 1622 г. они восстали против их власти¹³. В легендах стариков Джермы говорится, что Хорма или Джерма была осаждена и взята штурмом, однако некоторым вождям восстания удалось бежать в Триполи, где они укрылись у османского наместника Рамадан-деи и его зятя Мухаммеда аль-Джазаири.

Османское правительство послало в Феццан армию на помощь хорманам. Султан ат-Тахир бежал и был убит во время бегства одним из своих сподвижников. Турки поставили наместником Феццана одного из хорманов, по имени Ахмед бен Ховеиди аль-Хормани. Однако султан Мухаммед Джахим, преемник ат-Тахира, вернулся со своими солдатами из Чада, осадил Мурзук, и после нескольких стычек между турками и потомками Мухаммеда был заключен мир, согласно которому последние правили Феццаном за дань, которую они выплачивали Триполи.

В эпоху Юсефа-паши захватил Феццан аль-Караманли Мухаммед-бек аль-Мукни и казнил в 1811 г. султана Джахима, последнего султана из дома потомков Мухаммеда аль-Фаси, и окончательно включил Феццан в состав эялета Западный Триполи.

Сама же Джерма оставалась погрязшей в нищете, лишениях и разрухе, в ней процветали болезни. Так обстояло дело вплоть до того момента, когда она была окончательно покинута в 1936 г.

[Гарама \(из истории ливийской цивилизации\)](#)

Примечания:

1. Император Юстиниан стремился возродить Римскую империю и восстановить ее в границах до раздела на Восточную и Западную в V в. При поддержке части романского населения и западного духовенства он присоединил к своей империи вандальские, вестготские и остготские владения в Северной Африке, Испании и Италии (примеч. отв. ред. Ю. М. К.).

2. Diehl Ch. L'Afrique Byzantine. P., 1896, p. 339 ff.
3. Аль-Якуби. Аль-Булдан, с. 97 и сл.
4. Аль-Бекри. Аль-Магриб фи зикр биляд Ифрикия ва-ль-Магриб, с. 10 и сл.
5. Ибн Абд аль-Хакам. Футух Миср ва-ль-Магриб, с. 262 и сл.
6. Там же.
7. Слово "бену" - частый компонент названий арабских племен и буквально означает "сыновья", возможно также значение "обитатели" (примеч. пер.).
8. Ат-Тиджани. Рихля ат-Тиджани, с. 111 и сл.
9. Абу-ль-Феда. Таквим аль-булдан.
10. Ибн Галбун. Ат-Тизкар, с. 102 и сл.
11. Ибн Халдун. Аль-Ибар, т. 6, с. 284.
12. Там же, с. 370.
13. Ибн, Галбун. Ат-Тизкар, с. 102 и сл.

Гараманты Южной Ливии

Чарльз Дэниэлз (из книги ["Гарамантида \(африканская Атлантида\)"](#))

>

Предисловие

Этот очерк - пересмотренная и расширенная версия записки, написанной для выпущенного в 1969 г. полевого путеводителя Общества нефтяной разведки в Ливии.

При переработке я включил в нее последние результаты полевых исследований, пересмотрел принципы датировки, предысторию и данные отчетов Бальба и римских купцов, списка Плиния и берберских обычаев. При этом я, среди прочего, руководствовался целью сделать монографию доступной и информативной как для специалистов, так и для широкого читателя. В последних двух частях книги многое было неизбежно и беззастенчиво заимствовано у Бейтса, классический труд которого "Восточные ливийцы" по-прежнему имеет первостепенное значение по данной проблеме. Кроме этой книги работы Бовилла и Капуто необходимо отнести к числу основных по вопросу о гарамантах.

Хотелось бы поблагодарить Ливийский отдел древностей, в особенности д-ра Мухаммеда Айюба и его сотрудников, а также многих бескорыстных помощников в Ливии и Англии.

Несколько лет назад Диоле писал: "...название "гараманты" в действительности является не чем иным, как обозначением нашего невежества. Его прилагают к малоизвестному народу, неопределенной территории, мифическому царству, неясно ограниченному

периоду времени. Захоронения, колесницы, наскальные фрески - все это называют "гарамантским" по происхождению от одного края Сахары до другого, от Джебель Уэйнат до вадии Матендуш. Примерно то же самое получилось бы, если бы в Средиземноморском бассейне мы называли "римским" не только Колизей, но и Парфенон и добавили бы к ним Карфаген, Рас Шамра и Карнак. Здесь еще предстоит все проверить; это будет длительная проверка, которая займет немало времени".

Это суждение по-прежнему справедливо, несмотря на недавние новые публикации по данной проблеме. В последующем изложении я попытался показать, что следование фактам не менее драматично и плодотворно, чем романтизация, и в значительно большей степени обогатит знаниями читателя, который сможет, надеюсь, почувствовать, что тщательная проверка началась.

Гараманты

Среди африканских племен, упоминаемых древними географами и историками, гараманты занимают особое место. Далекие и полуполюгендарные, как блеммии, сатиры, эгиппаны и гимантоподы, но энергичные и выносливые, полные желания принять участие в делах прибрежных провинций, они неизбежно вошли в конфликт с Римом. Когда это случилось, отдаленность их столицы не спасла их от точно рассчитанного возмездия, хотя военные экспедиции, посланные на юг, чтобы наказать их, были сами окутаны легендарной дымкой, которая возникала в результате героических переходов, совершавшихся в тяжелейших условиях отсутствия воды, в жару, через пустыни, не нанесенные на карты.

Позднее гараманты, похоже, стали более мирными и открыли свои земли для римского влияния, торговли и технической помощи, но даже тогда удаленность их столицы и всего царства придавала им в народном воображении и творчестве поэтов образ самой южной части ойкумены.

Скупые записи античных авторов и ограниченное число надписей на памятниках являются нашими единственными источниками о гарамантах, а из этого следует, что мы, к сожалению, можем составить о них самое общее впечатление. Иногда, однако, эта информация может быть восполнена результатами археологических раскопок.

Свыше столетия Гараму, столицу гарамантов, идентифицировали с ныне покинутым жителями городом Джермой в вадии аль-Аджаль. Сравнительно недавние раскопки, начатые в 1930-х годах, постепенно пролили некоторый свет на историю народа, его культуру и экономический строй, а позднее удалось получить определенные указания о том, насколько велики были размеры древнего царства в Фецфане.

Картина по-прежнему грешит неполнотой, но основные контуры теперь видны.

География и общее описание

Геродот¹, писавший примерно в 445 г. до н. э., рассказывает нам, что в десяти днях путешествия к западу от Аммона (Оракул Зевса-Аммона в Сиве в Западном Египте) находятся Авгилы (оазис Джало), а в десяти днях путешествия от Авгил - "опять соляной холм с источником и множеством плодоносных финиковых пальм". Там живут гараманты, "весьма многочисленное племя. Они насыпают на соль землю и потом засевают". Он продолжает: "...гараманты охотятся на пещерных эфиопов на колесницах, запряженных в четверку коней. Ведь пещерные эфиопы самые быстроногие среди всех людей, о которых нам приходилось когда-либо слышать". Гараманты, отмечает Геродот, разводили

знаменитых быков с загнутыми вперед рогами. "В земле гарамантов есть также быки, пасущиеся, пятясь назад. Пасутся же они, пятясь назад, вот почему. Рога у них загнуты вперед, а из-за этого-то они и пасутся, отступая назад; вперед ведь они не могут идти, так как упираются в землю рогами. В остальном они ничем не отличаются от прочих быков, только кожа у них толще, и на ощупь (мягче)²". Такова Геродотова информация.

[Карта 1. Африка по данным Геродота](#)

Колесница, запряженная четверкой лошадей, была известна также в Киренаике, где греки переняли искусство езды на колесницах от местных жителей и достигли в нем больших высот³. О таких колесницах в Феццане известно из наскальных изображений и литературы, причем некоторые надписи и рисунки значительно древнее литературных источников. Часть из них скорее напоминает повозки, чем колесницы. Открытие этих изображений вызвало большой интерес и неизбежно привело к появлению различных предположений, как научного, так и ненаучного характера, включая романтическую гипотезу о дороге для колесниц сквозь Сахару от берегов Средиземного моря до Нигера. Изображения колесниц встречаются на севере, в Тибести, Тассили и горах Хоггара и на юге, в Оране, Мавритании, Южном Марокко и даже в западной части Высокого Атласа; но это должно больше указывать на широко распространенный способ передвижения, чем на существование единой сети сахарских дорог. В частности, изображения "летающего галопа", которыми, по мнению Лота, намечается дорога Триполи - Гао, встречаются почти исключительно в Тассили. Правда, есть несколько в стороне группа изображений в Хоггаре, и только эпизодически за пределами этого района.

Географы, писавшие между V в. до н. э. и I в. н. э., не добавляют ничего нового к сведениям Геродота, даже звучные строфы Вергилия говорят нам больше об Августе и величии Римской империи, чем о гарамантах, земли которых теоретически вошли в ее состав:

Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так часто:
Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова
Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле
Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет,
Индов край покорив и страну гарамантов, в те земли,
Где не увидишь светил, меж которыми движется Солнце,
Где небодержец Атлант вращает свод многозвездный.⁴
(Перевод С. Ошерова.)

Только Плиний Старший, писавший полвека спустя, сообщил нам подробности об экспедиции, распространившей власть Рима на Сахару, которую, вероятно, и имел в виду Вергилий. Во времена Плиния вторая экспедиция дошла до Гарамы и обратно, а вместе с ней и новая, более полная информация. Отчет Плиния⁵ полнее, чем Геродота. Начиная с земель, находящихся между побережьем и гарамантами, он перечисляет в порядке движения на юг "Фазанию, где живет племя фазанийцев, города Алеле и Циллабу и в направлении Сабраты Цидам", затем Черные Горы, "у которых вид то ли пострадавших от огня, то ли опаленных солнцем", а за ними - пустыню.

Прежде чем продолжить список, нужно отметить, что идентификация "Цидама" с Гадамесом (в той степени, в какой она доказана)⁶ следует из того, что подразумевает Плиний: Фазания и фазанийцы находятся северней, а не южней Черных Гор. Фазания Плиния протекает от Черных Гор на востоке вдоль северного края хамада аль-Хамра до Гадамеса на западе. Был ли этот район гарамантским, - как считал Орик Бейтс и

некоторые другие, - не очевидно из текста, но тот факт, что Плиний называет его жителей фазанийцами и гарамантов помещает дальше на юг, подсказывает, что нет. Это помещение Фазаний на север и отделение ее от гарамантов сохраняется и в более поздних источниках. Южнее Плиний располагает Черные горы (Джебель Сода), а затем пустыню (Серир бен Афен/Рамла аль-Кебира), за которой следуют гараманты "с городом, называемым Телги, а также Дебрисом с источником, в котором от полудня до полуночи вода кипит, а за то же количество часов до полудня охлаждается, и весьма знаменитым городом Гарамой - столицей гарамантов".

Источник Дебриса и Гарама пленили римское воображение и жили в латинской литературе в отличие от Телги. Только эти три города безусловно были гарамантскими, тогда как список Плиния перечисляет все города, племена, реки и горы, отмеченные во время триумфа Корнелия Бальба (см. ниже). То, что этот список включал в себя все области и племена, завоеванные в период кампании, а не только входившие в царство гарамантов, очевидно, так как в нем указаны Цидам-Гадамес и Черные Горы, а мы знаем, что они лежали за пределами территории гарамантов.

Названия в том порядке, в каком их перечисляет Плиний, приводились во время триумфа Бальба (кроме Гарамы и Цидамы). Вот их перечень: "Город Табудий, народность нитериев, город Мильгис Гемелла; народность или город Бубей; народность энипи; город Тубен; гора под названием Черная; города Нитибр, Рапса; народность висцера; город Декри (Дебрис), река Натабур; город Тапсаг; народность тамиаги (или наннаги); город Бонн; город Перге; река Дазибари; затем один за другим города: Барак, Булуба, Алазит, Галса, Балла, Максалла, Цизания, гора Гири, где рождаются драгоценные камни".

Текст Плиния представляет трудность в том отношении, что не существует никаких независимых источников для проверки правильности произношения указываемых им имен, а в результате мы имеем множество вариаций в различных рукописях, и по поводу идентификации географических названий долго продолжались бесплодные споры. Лишь в некоторых случаях можно довериться объяснениям: Рапса, вероятно, Гат, Бонн, возможно, Бу Нджем, а Барак может быть Брак или Брек. Помимо этого, можно выдвинуть всего несколько разумных предположений: название реки Натабур является, по-видимому, однокоренным со встречающимся в других местах этнонимом "натабры". Вариант чтения для этнонима "нитерии" есть "нитибры", и делалось предположение, что город Нитибр есть другая форма того же названия. Наконец, один поздний автор⁷ дает нам дополнительный ключ, когда он, говоря о народности, проживавшей на юге Триполитании, называет ее гетулы-натабры. Здесь, вероятно, мы имеем подлинный берберский этноним и топоним, который может быть идентифицирован и, наверное, даже локализован⁸. Территория гетульской конфедерации лежала к западу от современной Триполитании в районе Ауресских гор в Алжире или еще дальше на юге: даже если гетульский в отношении натабров используется только как географическое определение, их земли должны были находиться на западе, на территории современного Алжира.

Однако большинство из названий Плиния идентифицировать практически невозможно, хотя это не предотвратило подобных попыток: висцера, например, помещали в западный Тассили, а также в Бискру, в Тобне видели Тубен⁹. Циллабу, которую Плиний указывает на той же широте, что и Цидам (Гадамес), идентифицировали с Завилой, находящейся вблизи Мурзука, а Лот заходил даже так далеко, что видел в реке Дазибари Нигер, полагая, что Бальб пересек Сахару¹⁰.

Последним античным автором, заслуживающим внимания, является Птолемей¹¹, писавший во II в. н. э. Он был прежде всего математиком, пытавшимся определить точные

широту и долготу для каждого места, указанного им. Однако ценность его источников неравнозначна, а его определения часто неточны, особенно когда речь идет о внутренних районах Африки: он иногда допускает немыслимые ошибки. Среди городов в этой части Африки он перечисляет: Гелан, Ваний, Сабы, Боуата, Бедир, столицу гарамантов и Тумелиту, некоторые из них несомненно были гарамантскими. Сабы идентифицировали с Себхой, что было бы вполне вероятно, Ваний с Бонном (Бу Нджемом), но характер птолемеевского метода делает возможность идентификации весьма умозрительной. Кроме того, Птолемей дважды упоминает гарамантский *pharanx* - *Garamanticae Fauces* по латыни (овраг, ущелье или узкий проход). Г. Паче¹² доказывает, что он*, может быть идентифицирован с Зинкекрой, но это кажется невозможным, так как слово означает узкий проход или овраг, но никак не мыс (или даже крутой склон), и это скорее узкая долина вади аль-Аджаль, окруженная морем песка на севере и вертикальными обнажениями пород на юге, извилистая в особенности между аль-Абьядом и Убари. По сравнению с характером местности к югу и к северу от нее она действительно представляет собой узкий проход, и этот термин здесь очень подходит.

Полевые работы, хотя и не в состоянии существенно помочь в деле идентификации городов списка Плиния, тем не менее раскрывают пределы расселения в древности, предположительно охватывавшего территорию гарамантов. Вади аль-Аджаль безусловно был центром племенных земель со столицей в Гараме (Джерме). Капуто насчитал¹³ 59686 захоронений между Тин Абундой и аль-Абьядом в результате продолжительной работы, которая подсказывает, что на самом деле их может быть раза в три или четыре больше. На интенсивное земледелие указывают сотни миль фоггаров, подземных водных каналов, пролегающих от обнажений пород к центру вади. Их тоже больше всего между аль-Абьядом и Тин Абундой. В одном месте они сходятся так близко, что можно насчитать свыше 60 фоггаров на расстоянии в 6 км¹⁴.

Но аль-Аджаль - только центр района вади и оазисов, который включает в себя вади аш-Шаты на севере и район вади Барджудж с низменностью Хофра на юге. Они образуют три крупные линии феццанских оазисов, которые тянутся с востока на запад между границами, создаваемыми хамада аль-Хамра, песчаиной пустыней Убари и песчаной пустыней Мурзук. На юге фоггары встречаются у восточного края вади Барджудж и вокруг Завилы, Тербу и Умм-аль-Адам в восточной Хофре. Кладбища, подобные тем, что находятся в аль-Аджаль, при раскопках которых можно обнаружить римскую посуду, часто встречаются и в других местах вокруг Завилы, Годдуа, Дуджаль и ас-Сбетата в вади ан-Нашуа и около-Шарабы и Бир-Багира в вади Барджудж. Другие находки в районе Хофра - вади ан-Нашуа, несомненно, еще будут сделаны. На севере в вади аш-Шаты проводилось меньше полевых работ, но обилие воды там почти наверняка означает, что там жили гараманты¹⁵.

* Паче переводит греч. *pharanx* итал. словом *voragine* "обрыв".

Гараманты Южной Ливии

Примечания:

1. Геродот. IV, 183.
2. Ср.: Плиний. Естественная история. VIII, 178.

3. Геродот. IV. 170, где он говорит, что асбисты были лучшими наездниками на колесницах.
4. Энеида. VI. 791-797.
5. Плиний. V, 34 и сл.
6. Основано на реконструкции надписи CYJDAMIS.- *Inscriptions of Roman Tripolitania* (British School at Rome, 1952), 907, фрагмент из Гадамеса, в настоящее время находится в Тунисе.
7. Orosius. *Historiarum adversum paganos*. I, 2, 44.
8. Даже здесь, однако, существует некоторая неопределенность, так как есть другая племенная группа, находившаяся к юго-западу от Гуэльмы (Алжир) вблизи от вادي Шерфа, которую называли наттабутами.
9. Lhote H. *The Search for the Tassili Frescoes*. L., 1960, p. 129 и Вертелло, цитируемый в: Merighi A. *La Tripolitania antica*. I. Verbania, 1940, p. 186.
10. Lhote H. *Tassili Frescoes*, p. 130-2.
11. Птолемей. *Руководство по географии*. IV, 6. *passim* (особенно 3-6, 12 и 30).
12. Pace G., Sergi S., Caputo G. *Scavi Sahariani*, p. 183.
13. *Ibid.*, p. 212.
14. Т. е. рядом с аль-Гераей, как могут вспомнить те, кому приходилось сталкиваться с ними на старой дороге.
15. Scavi, p. 184; Merighi, I, p. 174.

История

Наше знание истории гарамантов весьма несовершенно. Геродот свидетельствует, что они существовали в V в. до н. э.¹, но сообщает о них немного. Разумеется, были обнаружены археологические следы до-Геродотова времени. Каменные орудия, датируемые ашельской и атерской культурами (100-30 тыс. до н. э.), были найдены во многих местах в Феццане, и наверняка еще большее их число ждет своего открытия. Наскальные изображения встречаются в изобилии, хотя научные оценки не позволяют их датировать ранее неолитической эпохи.

Перемещение древнего местного населения по северо-восточному краю Сахары, ранее описывавшееся как происшедшее во II тысячелетии до н. э.², должно быть, вероятно, отодвинуто дальше в древность, так как анализ находок в Хауа Фтеах (Киренаика) показывает значительные изменения в типах каменных орудий, которые представляют намного более ранний период, что свидетельствует о прибытии сюда следовавших одна за другой волн берберских племен³. Гараманты, как описывали их Геродот, Плиний и другие античные авторы, были почти наверняка берберами, хотя те, за кем они охотились на своих колесницах, запряженных четверкой лошадей, могли быть другими. Древнейшее поселение гарамантов, открытое на склонах Зинкекры, было неолитическим по своей

культуре и должно быть отнесено к I тысячелетию до н. э. (более точная датировка невозможна)⁴.

Карта 2. Африка по источникам первых веков нашей эры

Геродот дает нам первое письменное свидетельство о гарамантах, после которого мы опять встречаемся с пробелом, продолжающимся вплоть до отчета Плиния о походе Корнелия Бальба в глубь Сахары. Этот поход был одним из тех, которые военачальники Августа регулярно совершали на аравийских и африканских границах империи. Две предшествующие южные кампании, в Аравии и Египте, прошли с ограниченным или переменным успехом. Эта же экспедиция, напротив, достигла многого. Ее возглавлял проконсул Африки, Луций Корнелий Бальб-Младший, проверенный, энергичный, безжалостный и удачливый солдат Цезаря, который был одним из немногих членов партии Цезаря, сумевших вкусить свою долю славы при Августе. Как бы мы мало ни знали о Бальбе как человеке и как бы мы ни симпатизировали гарамантам, нас не может не впечатлять та решимость, сила и смелость, с которой надо было двинуть армию с побережья почти на 500 миль (примерно 800 км) в глубь Сахары, целиком положившись на довольно редкие колодцы и местных проводников, а затем вернуть ее назад, захватив пленных и многочисленные трофеи. Список завоеванных мест, племен и городов показывает, что это было не молниеносное нападение, а кампания, продолжавшаяся целый сезон. Одно только расстояние, пройденное легионерами, потребовало бы времени сроком свыше 90 дней при условии пеших переходов по 20 миль в день⁵, что в принципе невероятно, если учесть исключительно жаркий климат. Кроме того, необходимо было время для сражений, осад и отдыха. На обратном пути пленные гараманты и трофеи, вероятно, замедлили быстрое возвращение отряда Бальба.

Неизвестны даже точные сроки кампании, но триумф праздновался 27 марта 19 г. до н. э. Бальб был единственным иностранцем (он был уроженцем Гадеса), удостоившимся этой чести⁶. Впервые римская армия проникла в глубь Сахары, и, если мы взвесим опасности и трудности, которые необходимо было преодолеть во время похода, нам станет ясно, что триумф Бальба был заслуженным. Его хорошо помнили еще столетием позже. Список покоренных племен и городов сохранился на табличках, специально изготовленных для триумфа.

Событием, вызвавшим конфликт между Римом и гарамантами, было восстание Такфарината, которое нарушило мир в римской Африке в период 17-24 гг. н. э. Тацит сообщает нам, что гараманты укрывали захваченную добычу и участвовали в набегах, беспокоивших римскую армию⁷.

После окончательного поражения и смерти Такфарината они послали своих представителей - "редкое зрелище в Риме"⁸ - просить прощения за свои преступления, так как их поразил разгром Такфарината. Однако через 40 лет они опять приняли участие в конфликте на побережье Триполитании. В 68-69 гг. между Лептисом и Эей началась война. Жители Эи, которых было меньше, позвали на помощь гарамантов, "неуправляемое племя, постоянно совершавшее набеги на своих соседей"⁹. В результате окрестности Лептиса были опустошены, а его жители в страхе укрылись за городскими стенами. Если мы вспомним, что значительная часть богатства Лептиса заключалась в его оливковых плантациях, то сможем оценить огромный ущерб, нанесенный набегами.

Вероятно, это был второй случай нападения на Лептис, так как во время войны с Такфаринатом римляне там размещали свои войска, чтобы блокировать дорогу, "которую враг использовал для нападения на жителей Лептиса и по которой возвращался назад в

страну гарамантов"¹⁰. Чтобы наказать гарамантов за их нападение на имперский город и, наверное, для того, чтобы показать свои способности новому императору Веспасиану (которого он сначала не поддерживал), Валерий Фест, талантливый и беспринципный легат Нумидии, по-видимому, вновь двинулся на юг. Плиний отмечает изменения по сравнению с прежними условиями, когда "дорога к гарамантам была непроходима, так как разбойники из этого племени засыпали песком свои колодцы (их не надо копать глубоко, если обладать знанием местности)". На этот раз был открыт новый четырехдневный путь, названный "Мимо скальной вершины". Относительно этой дороги, шедшей прямо с севера на юг, велось немало дискуссий, но она и сегодня не может быть идентифицирована, по крайней мере срок в 4 дня слишком мал, чтобы быть правильным. Однако очевидное значение замечания Плиния состоит в том, что с этого времени был проложен прямой маршрут между римской провинцией и гарамантами¹¹.

Эта кампания, а возможно, открытие нового пути обеспечили мир между гарамантами и Римом. Во всяком случае, две последующие экспедиции на юг носили совсем другой характер. Птолемей¹² говорит о них в примечаниях. Во-первых, Септимий Флакк (вероятно, то же лицо, что и некий Суэллий Флакк, командовавший 3-м легионом примерно в 80 г. н. э.) предпринял экспедицию на юг из Гарамы к эфиопам¹³. Во-вторых, некий Юлий Матерн из Лептиса совершил путешествие на юг из Гарамы вместе с царем гарамантов, и через 4 месяца они достигли "эфиопской страны, называемой Агисимбой, где собираются носороги". Вероятно, оба путешествия имели место вскоре после 100 г. н. э. или, возможно, чуть раньше. Наиболее удаленное место, до которого доходили экспедиции, обычно помещали в Тибести, Аире, у озера Чад или даже на Нигере. Все аргументы в пользу этих мест носят спекулятивный характер, и, поскольку ни один из них не может быть изложен достаточно кратко, мы их здесь не приводим. Вопрос об идентификации легендарной Агисимбы по-прежнему остается неразрешенным. Цель обоих путешествий определить, вероятно, немного легче: второе из них, по-видимому, было торговой, а не военной экспедицией; первое также могло выполнять скорее торговые задачи. Сама возможность таких длительных путешествий вместе с гарамантами указывает на изменение взаимоотношений с Римом. Мир между двумя сторонами, по-видимому, был продолжительным. Однако в конце II в. н. э. император Септимий Север, уроженец Лептиса, был призван восстановить "полную безопасность Триполиса... разгромив наиболее воинственные племена"¹⁴. В число последних могли быть включены и гараманты, так как Север закрепил свои победы строительством крепостей в Бу Нджеме, Гадамесе и Гериат аль-Гарбия у основных путей, ведущих на юг¹⁵.

Затем история забывает о гарамантах. В IV-V вв. набеги совершают другие. Гараманты вновь становятся всего лишь синонимом южных границ ойкумены. Принимают ли они участие в восстаниях против византийской администрации в VI в. н. э., неизвестно. Упоминание их Клавдианом могло быть вызвано образным строем его поэзии. Трудно быть уверенным в реальности его свидетельства, так как он описывает их как людей, пивших нильскую воду, что в данном случае представляется невероятным¹⁶. С другой стороны, гараманты наверняка существовали, причем имели собственную государственность, когда первые арабские завоеватели вторглись в Феццан и захватили его в 40-е годы VII в. н. э.¹⁷.

Хотя об экспедиции Валерия Феста в Гараму в 70 г. н. э. известно очень мало, археологические находки показывают нам, что, начиная с эпохи Флавиев (примерно 70-75 гг. н. э.), римская керамика, светильники, стекло и кувшины с вином проникают на юг. В это же время или чуть позже впервые появляется тесаная каменная кладка в районе Гарамы. Тонкость работы и обработка камня представляют собой заметный контраст с грубой сухой кладкой стен и саманными кирпичами, применявшимися раньше. Трудно

избежать вывода о том, что в вадии аль-Аджаль работали квалифицированные мастера с побережья.

Римская керамика II в. представлена в изобилии. Третье столетие, наоборот, обращает на себя внимание отсутствием керамики этого времени, что может быть указанием на изменение условий в результате политики Септимия Севера. Необходимо, однако признать, что так может быть и потому, что мы до сих пор не научились выделять характерные особенности изделий III в. с той же легкостью, с какой мы идентифицируем керамику I или II в.!

Несмотря на волнения в Африке в IV в., импортные римские изделия продолжали проникать на юг, среди них были лучшие образцы красной керамики и стекла, производившиеся в то время. Было найдено определенное количество предметов V и VI вв.

Наконец, нужно отметить, что в том, о чем нам известно, нет никаких указаний на постоянное подчинение гарамантов римлянам в какой бы то ни было период. Попытка держать гарнизоны на юге, отделенном огромным расстоянием от пограничных крепостей в Гериате - Бу Нджеме - Гадамесе, неизбежно бы окончилась катастрофой. От Гериата до Гарамы примерно 270 миль (около 450 км) по прямой и около 400 миль самой короткой проходимой дороги. Ни один римский военачальник не решился бы создать новую сеть пограничных крепостей с такими растянутыми линиями коммуникаций. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является полное отсутствие каких-либо намеков на римскую крепость, постоянную или временную, в стране гарамантов: действовать иначе и оставить у них свой гарнизон означало бы превратить его солдат в потенциальных заложников.

[Гараманты Южной Ливии](#)

Примечания:

1. Примерно 450 г. до н. э.
2. McBurney C. B. M. The Stone Age of Northern Africa. Harmondsworth, 1960, p. 84.
3. См.: McBurney C. B. M. The Haua Fteah (Cyrenaica) and The Stone Age of the South-Eastern Mediterranean. Cambridge, 1967.
4. Образцы углерода 14 были подвергнуты анализу, но результаты его в настоящее время автору пока неизвестны.
5. Расстояние Лептис - Джебель Сода - вадии Шаты - Джерма - Гат - Тинрхерт (гора Гири) - Гадамес - Налут - побережье составляет примерно 1900 миль (3000 км), полностью исключая серьезные вылазки в прилегающие районы.
6. Fasti Capitolini (Corpus Inscriptionum Latinarum. I. 2nd ed., p. 50); Плиний. V, 36.
7. Тацит. Анналы. IV. 23-4.
8. Там же, IV. 26.

9. Тацит. История. IV. 50.
10. Тацит. Анналы. III. 74.
11. Плиний. V, 38.
12. Птолемей. J.VIII, 4.
13. Desanges J.- Latomus. Revue des etudes latines. Bruxelles. 23 (1964), p. 713-725; Inscriptions of Roman Tripolitania, 854.
14. The Augustan Histories. Severus XVIII. 3.
15. Inscriptions of Roman Tripolitania, 907, 908 and 913-6; Libya Antiqua. Supplements vol. II (1966), 107-111.
16. Claudianus. De Consulate S.Wichonis. I. CTK. 255 и 355; Minor Poems XXVIII. CTK. 20.
17. Ibn Abd el-Hakim. Conquete de l'Afrique du Nord et de l'Espagne. Alger, 1948, p. 63.

Антропология и обычаи

Геродот сообщает нам, что гараманты были "очень крупным народом". Они отличались физическим здоровьем: "...по правде говоря, нам неизвестны люди более здоровые, чем ливийцы"¹. В расовом отношении народ относился к хамитам, но что касается более подробных деталей, то мы до сих пор ограничены теми находками, которые обнаружила экспедиция Паче - Серджи - Капуто². Не больше 29 скелетов (причем часть из них не сохранилась полностью) было обследовано С. Серджи.

С. Серджи полагал, что гараманты родственны туарегам. Паче относил их к белой средиземноморской расе со свойственной ей смуглой кожей. Кроме того, Серджи выделял некоторые негритянские или негроидные вкрапления, появившиеся в "римское время", но ставшие более заметными позднее. Эти аргументы, особенно последний пункт, оспаривались другими учеными, и в настоящее время необходимо провести новое исследование, которое бы включало в себя тщательный сбор материала. С другой стороны, говоря об этом, не хотелось бы принижать значение работы Серджи, бывшего пионером подобных исследований. Вероятно, все же в основном она была правильной.

Бычий и более поздние периоды фресок Тассили, выделенные Лотом, прямо касаются нашей темы (особенно период колесниц и последующий), так же как и аналогичные изображения в других местах. Изображения людей, встречающиеся на них, отличаются большим разнообразием: от стройных, напоминающих птиц, богинь египетского типа, атлетических воинов-охотников с непропорционально маленькими головами, исключительно красивых и изящных юношей и девушек до полных татуированных негритянок и странных белых фигур, иногда орнаментированных, раскрашенных или покрытых татуировкой. Гарамантские типы и сцены вполне могут быть представлены среди этого изобилия, но где именно, определить трудно. На рис. 1 видны сцены позднейших периодов. Мы видим воинов, колесницы и быков. Возможно, это и есть гараманты.

О социальных обычаях и установлениях гарамантов известно очень мало. Почти все античные авторы пишут о свободе половых отношений среди африканских племен. Например: Насамоны имеют много жен, а их совокупление с женщинами носит беспорядочный характер, так же как и у массагетов. Женщины гиндинов одевают много ножных браслетов из кожи потому, что они прибавляют новый всякий раз после совокупления с новым мужчиной³. Гараманты не вступают в брак, но живут со своими женщинами беспорядочно, так что дети не знают своих родителей, а родители - кто их дети⁴. Такого рода замечания всегда делали моногамные греческие и латинские авторы о местном ливийском населении - и, как отмечает Бейтс, это, вероятно, указывает лишь на непонимание полигамии у ливийских племен, которая коренным образом отличается от беспорядочности. О полигамии среди ливийцев говорят древнеегипетские надписи. Об этом же свидетельствует ответ мавров византийскому военачальнику Соломону, угрожавшему убить мавританских заложников: "Это вам, кому нельзя иметь более одной жены, следует беспокоиться о своих детях. Мы же, если захотим, можем иметь по 50 жен каждый, и мы не боимся, если наши дети погибнут"⁵. Вероятно, социальный обычай гиндинских женщин близок к обычаю племени улед наиль, девушки которого зарабатывают на приданое проституцией до замужества. Если это так, то можно говорить об известном равноправии полов, примером чего могут служить изречения из Мединет Хабу (Египет), на которых мы видим женщину, одетую в мужское платье. Повсеместно на древнеегипетских рельефах ливийские женщины богато украшены личными орнаментами, как и их соотечественники-мужчины, а в одном случае женщина даже носит карнату (см. ниже)⁶.

У нас нет оснований предполагать, что у гарамантов одежда существенно отличалась от той, которую носили другие племена (рис. 2). Греческие и латинские авторы часто называют эти племена "голыми гарамантами" или "обнаженными насамонами"⁷, однако на самом деле все не так просто. Это подтверждает Лукиан, называющий гарамантов легко одетыми⁸. Знатные ливийцы носили длинные одеяния, перевязанные у плеч (рис. 2, А и С). В эпоху поздней античности они могли быть вытканы из хорошей материи. Их часто украшали золотые пряжки. В более древние времена они изготовлялись наверняка из кожи или из львиных, леопардовых или медвежьих шкур и иногда были отделаны бахромой по краям⁹. Это подтверждается находками кусков кожи и ткани, обнаруженных в гарамантских захоронениях. Поверх этой одежды они иногда носили плащ, а под ней или тунику, опоясанную у талии и спускающуюся до колен, или ничего, кроме пояса, с которого свисал узкий, покрытый орнаментом футляр, нечто вроде шарфа, укрывавшего и предохранявшего половые органы (рис. 2, В)¹⁰.

Как широко ношение одежды было распространено, неизвестно: один рельеф (рис. 2, С) изображает вождя, его меченосца и его лучника, каждый из которых одет, но третий сопровождающий обнажен. На других изображениях обычно встречаются воины без одежды, носящие только пояс и футляр, но часто украшенные лентами, перевязанными на плечах и груди (рис. 2, В). Женская одежда нам известна меньше, чаще всего встречается длинная юбка, спускающаяся с талии ниже колен (рис. 2, А).

Следует отметить два других обычая. Это - нанесение татуировки. Татуировка хорошо видна на руках и ногах, а иногда и на теле. Однако очевидно, что право ее ношения среди мужчин было социально регламентированным. Таким образом, вождь на уже упоминавшемся нами рельефе покрыт татуировкой, а его три спутника - нет (рис. 2, С).

Вторым обычаем является украшение волос. Страбон сообщает нам, что члены одного из мавританских племен "стараятся украсить свою внешность, заплетая волосы на голове и отращая бороды, носят золотые украшения, начищают зубы и стригут ногти"¹¹. Но египетские рельефы и другие источники показывают, что такая практика была широко распространена вообще среди ливийцев. Очень часто встречаются изображения, на которых видны люди с небольшими остроконечными бородами, с зачесанными назад волосами, иногда заплетенными в маленькие косицы, с челкой впереди и характерными локонами по бокам (рис. 3).

Такая манера украшения волос изображена на одной из злитенских мозаик, находящихся сейчас в Триполитском музее. На ней, как было доказано¹², изображены пленные гараманты, вышедшие к диким зверям на арену (фото 1). Благодаря особенностям украшения волос мы в состоянии отличить гарамантов, хотя и не только их. Различия в украшениях волос между племенами отмечали античные авторы, которые сообщают нам, что во многих случаях по этому признаку можно идентифицировать то или иное племя.

О. Бейтс собрал подобные описания: "Женщины Адирмахиды отращают длинные волосы"; маки "стригут волосы на голове, оставляя чубы: на макушке они отращают волосы, а по сторонам сбривают до самой кожи"; махлии и авсеи "носят длинные волосы, но махлии отращают их на голове сзади, а авсеи - спереди"; максии "отращают волосы на правой стороне головы и стригут их на левой". Последняя манера ухода за волосами наиболее часто встречается на древнеегипетских изображениях¹³. Древние ливийцы нередко носили для украшения перья страуса в волосах. Наскальные фрески в аль-Аджаль свидетельствуют об этом как о характерной черте облика гараманта, хотя такие украшения встречались не только у них; например, древнеегипетские рельефы часто изображают ливийцев с большими перьями в волосах, а насамоны прикрепляли птичье крыло на макушку как знак того, что они путешествуют¹⁴.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о религии гарамантов. Об особенностях их верований и религиозной практике мы знаем мало, но кое-что можно сказать о верованиях и обычаях других ливийских племен, и нет оснований полагать, что гарамантские отличались от них радикальным образом. Насамоны занимались гаданием, посещая могилы своих предков, где они молились, а затем спали, воспринимая свои сны как указание о будущем¹⁵. Мела рассказывает во многом то же самое о жителях Авгил, одного из оазисов насамонов¹⁶. Орик Бейтс настаивает на том, что такая "практика, существующая среди многих берберских племен сегодня, восходит прямо к насамонам", и в качестве примера он приводит женщин Гадамеса и азгарских женщин вади Ауджидит, до сих пор придерживающихся этого обычая¹⁷. Возможно, необычное захоронение, расположенное недалеко от гарамантского мавзолея в аль-Аджаль, с примыкающим атриумом с главной восточной стороны использовалось для этой цели, как предполагал Г. Капуто¹⁸.

Говоря о божествах, Геродот отмечает, что кочевники (ливийцы на западе до Шотт Джерида) поклонялись Солнцу и Луне. Он так описывает способ их жертвоприношения: "Сначала у жертвы отрезают кусок уха как начаток и бросают его через свой дом, а затем свертывают шею животному"¹⁹. Однако если о лунном культе у нас мало сведений, то о солнечном - более чем достаточно. Ибн Халдун²⁰ утверждает, что в древние времена

большинство берберов поклонялось Солнцу. Археологами были обнаружены надписи, посвященные Deus Invictus (Непобедимому Богу) и Sol Invictus (Непобедимому Солнцу). Мы также знаем о боге-Солнце, который являлся в образе Быка. Поздний латинский поэт Корипп²¹ рассказывает нам, что, когда леваты шли на битву с византийцами, они брали с собой изображение их бога Быка Гурзила. Еще в XI в. аль-Бекри²² отмечал, что многие племена Триполитании, в том числе хавара, молились идолу Гюрзе из раскрашенного камня, помещенному на вершине холма, чтобы он сохранил их стада. Возможно, что происхождение этого имени то же, что и название современной Гирзы в-вади Земземе. Гюрза (Gurza²³) - так назывался город (теперь Кала Кебира, находящийся недалеко на северо-запад от современной Сусы), который мог быть Гурзой (Gourza) Птолемея²⁴ или Горзой (Gorza) Полибия²⁵. Другим указанием на имя того же бога может быть племя гузаритов, упоминаемое Геродотом²⁶. Наконец, отметим наскальное изображение в Дайя Диб (30 км к югу от Мизды в вади Марсит), на котором виден большой бык, держащий Солнце на своих рогах, примерно так же это делают солнечные быки древнего Египта²⁷. Мы должны также вспомнить о табу на употребление говядины среди ливийцев, в особенности среди женщин Кирены и Барки²⁸. Принимая все это во внимание, трудно не предположить, что гараманты со своими пятящимися назад быками вполне могли бы поклоняться богу-Солнцу в образе быка.

Говоря о погребальных обрядах, мы находимся на более твердой почве. Многие надгробия вади аль-Аджаль имеют простую пирамидальную или овальную форму и не содержат каких-либо погребальных предметов. Умершие чаще всего преданы земле в согнутом положении. Захоронения периода до появления римской посуды разбросаны по низким склонам разломов. Наиболее развитой формой ранних надгробий следует считать так называемые couchets, которые встречаются по всей Северной Сахаре и являются основной, характерной формой берберского захоронения²⁹. Во многих из ранних пирамидальных надгробий и couchets не обнаружено никаких погребальных предметов, хотя иногда попадаются грубо обработанные полые каменные вазы и тонкие вертикальные каменные плиты, расположенные напротив восточной внешней стороны. В нескольких случаях найдены горшки либо местного производства, либо привозные грубой выработки.

Кладбища, на которых встречается римская посуда (часто керамика тонкой выделки и стекло хорошего качества), как правило, компактно сгруппированы и чаще лежат на вершинах разломов, чем на их склонах, иногда они находятся в центре вади. На погребениях мы находим хорошо известные, характерные вертикальные стелы и жертвенные столики, обычно устанавливаемые на восточной стороне захоронения (фото 2 и 2а). Мертвых хоронили иногда в согнутом, иногда в выпрямленном положении. Было обнаружено только два случая кремации вблизи так называемого гарамского мавзолея. Там останки мужчины и женщины были помещены в две амфоры у его подножия³⁰.

Пирамидальные надгробия на кладбищах эпохи ввоза римской керамики имеют ряд характерных черт. Овальные надгробия грубой формы наиболее распространены, но иногда погребения находятся на небольшой глубине в могиле, обозначенной вертикальной стелой и столиком без овального надгробия. Couchets встречаются и в это

время. Иногда попадаются и более крупные памятники сходного типа на тех же самых кладбищах. Они состоят из couchets со ступенчатыми ярусами (иногда их называют мастабами или ступенчатыми пирамидами), которые накрывают шахту или грубо выкопанную погребальную камеру под землей. На царском кладбище в Гараме³¹ эти ступенчатые памятники, все из грубого камня, скреплены белым известковым раствором, а жертвенные столики и вертикальные стелы находятся на низких платформах напротив восточной стороны.

Кладбища такого типа, иногда состоящие из многих сотен захоронений, есть в Зуаве, Раджибе, Таглите и Джерме, отдельные ступенчатые памятники попадаются на обычных кладбищах в Зинкекре, Твеше и Харайге. Несомненно, еще много подобных мест ждет первооткрывателя.

Известны три кладбища с настоящими пирамидами. Они состоят из четырехугольных пирамидальных структур, сделанных из необработанных саманных кирпичей, возведенных над могильными шахтами. Одно такое кладбище лежит у подножия разлома в Харайге; два других были открыты в 1959 г. вблизи аль-Хатира в центре вади. Кроме того, отдельные небольшие пирамиды встречаются в центре вади. Там же можно увидеть могильные шахты, покрытые платформами из грубых саманных кирпичей, часто напоминающими ступенчатые надгробия типа тех, из которых состоит царское кладбище. Похожие надгробные памятники есть на кладбищах в Твеше, а также в Годдуа в вади ан-Нашуа.

Последний тип надгробного монумента - это знаменитый мавзолей в Гаср Ватуат, так называемый тарамский мавзолей (фото 3). Долгое время он считался единственным свидетельством римского проникновения в Сахару, однако недавние раскопки показали, что он просто единственный сохранившийся из пяти подобных мавзолеев в окрестностях Джермы. В других четырех случаях памятники были сильно разрушены и от них мало что осталось. Эти мавзолеи отличаются от встречающихся в предпустынных районах тем, что под ними нет погребальных камер или шахт; нет указаний и на то, что такая камера есть под монументом в Гаср Ватуат. Кроме того, как кажется, в основании тех мавзолеев гарамантов лежали маленькие платформы, выступавшие с восточной стороны, а крыша была на фронте. Все эти элементы сильно отличны от тех, которые мы встречаем в мавзолеях, построенных в укрепленных поселениях предпустынных районов. Наоборот, в этих элементах мы видим классический римский архитектурный стиль нумидийского или нумидийско-пунического типа, встречающийся по всему Тунису и частично в Восточном Алжире, наиболее яркий образец которого - знаменитый мавзолей в Дугте. Переход от четырехугольной пирамиды к фронтовой крыше - типичный пример римского влияния, подтверждающий деятельность римских мастеров в Гараме. По-видимому, памятники вади аль-Аджаль не являются настоящими мавзолеями, так как ни в них самих, ни под ними нет погребальных камер, но и их назначение как усыпальниц, представляется нам, подчеркнуто тем, что они окружены кладбищами, а кроме того, кремированные останки в амфорах явно связаны с мавзолеем в Гаср Ватуате. Точной датировки указанных памятников пока не существует, но достаточно надежно можно предполагать конец I - начало II в.

[Гараманты Южной Ливии](#)

Примечания:

1. Геродот. IV. 187.
2. Pace G. Scavi, pp. 443-534, 186-190.
3. Геродот. IV. 172, 176.
4. Помпоний Мела. О положении земли I. 8.
5. Procopius. Vandal War. IV. XI. 13.
6. Bates O. Eastern Libyans, p. 113.
7. Lucan. Pharsalia. IV. 334 и XI. 42.
8. Lucian. Dipsades (Жажда) 2.
9. Страбон. География. XVII, 3. 7, с. 828 о ливийцах вообще. Геродот. IV, 189.
10. Так называемая карната или penistasche (футляр для пениса).
11. Страбон. XVII. 3. 7.
12. Pace G. Scavi, p. 490-4; Aurigemma S. I mosaici di Zliten, Milano, 1932.
13. Bates O. Eastern Libyans, p. 133-4. Орик Бейтс цитирует Геродота (IV. 168, 175, 180, 191).
14. Haynes D. E. L. Antiquities of Tripolitania, p. 21.
15. Геродот. IV. 172.
16. Помпоний Мела. I. 8.
17. Bates O. Eastern Libyans, p. 178-9.
18. Caputo G. Scavi, p. 289-91.
19. Геродот. IV. 188.
20. Ibn Khaldun. Kitab al-Ibar. VI, p. 89.
21. Corippus. Iohannis (особенно IV. 699 и 1139).
22. El-Bakri. Description de l'Afrique septentrionale. P., 1913, p. 31.
23. Corpus Insc. Lat. VIII, 68 и 69.
24. Птолемей. IV. III. 10.
25. Полибий. I, 74.

26. Геродот. IV. 194.

27. Haynes D. E. L. Antiquities of Tripolitania, p. 23.

28. Геродот. IV. 186.

29. См.: Reygasse M. Monuments Funeraires preislamiques de l'Afrique du Nord. P., 1950, passim; Daniel G. Man. L., 1951, p. 99.

30. Caputo G. Scavi, p. 268.

31. Ibid., p. 292 и 357; Ayoub M. 5.-Libya Antiqua. III/IV (1966-1967), p. 213.

Сведения о социальной организации, типах жилищ и экономике

Очевидно, что главой гарамантов был царь, так как Плиний описывает его возвращение из ссылки в сопровождении 200 собак, которые охраняли его от любого нападения¹.

Юлий Матерн путешествовал на юг вместе с царем гарамантов², а позднее царь, человек хрупкого телосложения, был вынужден идти пешком в лагерь Окбы после капитуляции перед арабскими захватчиками³.

Достоверно известно, что столицей гарамантов был знаменитый город Гарама, там сегодня расположена Старая Джерма, в вади аль-Аджаль.

Существовали и другие города, как видно из списка Плиния, хотя только некоторые из них были идентифицированы с современными населенными пунктами. Лишь в одном случае вполне определенно, а в другом - предположительно мы можем говорить об обнаружении следов обитания времени гарамантов. Однако и то, что уже найдено, показывает нам, что племя, по всей видимости, не было кочевым, как об этом часто пишут. Окруженное хамада, серирами (Серир - каменистое плато в Сахаре) и песчаным морем, обитавшее в обеспеченных водой вади Феццана, где оно могло найти условия для выпаса домашнего скота лучше, чем дома? То, что мужчины племени часто путешествовали и совершали набеги, не раз отмечалось античными авторами, но такого рода деятельность весьма отлична от кочевого образа жизни.

Если регион проживания племени действительно был столь обширным, как это вытекает из сведений Плиния, их царство вполне могло быть такой же конфедерацией, как конфедерация гетулов, живших к западу от гарамантов⁴. Эта конфедерация могла включать в себя четыре или даже пять племен, перечисляемых Плинием⁵. В таких племенных единицах, вероятно, были свои вожди и своя аристократия, об обычаях которой говорилось выше. Некоторые авторы, полагая, что современные берберы Центральной Сахары мало отличаются от своих античных предков, используют аналогию с туарегами и другими берберскими народностями для реконструкции гарамантского общества по тому же иерархическому принципу с ярко выраженным матриархальным уклоном. Бейтс, указывая, что авсеи созывали на совет всех взрослых мужчин каждые три месяца, пишет: "Поэтому то, что, по-видимому, было древним обычаем, имеет место сегодня среди племен имушаг и других конфедераций Сахары, в частности среди берберов, входящих в Азгарскую конфедерацию. Государственность берберов Сахары является столь своеобразной и глубоко укоренившейся традицией, что представляется целесообразным... использовать для сравнительного анализа ее главные характеристики..."⁶. Существует разделение на две касты: аристократов и вассалов.

Управление по своему характеру напоминает феодальную монархию, "проникнутую глубоко укоренившимся среди берберов духом коммунизма".

Правом наследования в этой монархии, "которое должно быть утверждено вождями различных племен", обладает скорее всего не сын умершего царя, а сын его старшей сестры⁷.

История гарамантов, однако, ничего нам об этом не говорит, молчит на этот счет и археология. Сегодня все выдвинутые выше предположения спекулятивны.

Когда мы оцениваем физические остатки гарамантских поселений, то находимся на более твердой почве. Гарамант-Джерма лежит в центре вади, но перед ней находилась крепость Зинкекра, построенная на мысу и являвшаяся твердыней гарамантов (фото 4).

Фото 4. Крепость на мысе Зинкекра, вершина и южные склоны

Во время недавних раскопок было обнаружено много жилищ, изучение которых показывает, что заселение началось по крайней мере в I тысячелетии до н. э.⁸ Наиболее древние находки были сделаны на северной стороне отрога. Они представляют собой грубые очаги. Позднее были построены жилища методом сухой каменной кладки и хижины из хвороста, в свою очередь замененные домами, при строительстве которых применялась сухая каменная кладка. Эти дома были огорожены террасообразной стеной, окружавшей отрог у его основания.

Постепенно дома из саманных кирпичей заменяли более ранние постройки, основанные на сухой каменной кладке. Анализ показывает, что террасообразная стена использовалась скорее как загон для скота, чем для защиты.

Чуть дальше от основания отрога были найдены другие стены и валы со следами жилищ и погребений в пределах огороженного ими места.

На вершине отрога до сих пор лежит стена, явно построенная в оборонительных целях (см. фото 4). За ней одно время находилась более древняя стена и ров, пересекавший узкую часть горловины отрога. Эта древняя стена теперь почти полностью исчезла, но два участка рва сохранились до сих пор. Часть мыса, защищенная вышеописанными сооружениями, была покрыта множеством жилых построек. Наиболее древние из них были весьма грубой работы. Они были построены либо из дерева, либо из камня (сухая кладка). В одном месте их группа свидетельствует о том, что здесь было маленькое селение. Большие отложения овечьего и козьего помета указывают на то, что стада гарамантов также находились на мысу.

Около десяти акров (4 гектара) северных склонов и вершины отрога были интенсивно обжиты таким образом. В этом месте было обследовано свыше 200 жилых построек. Наиболее поздние из них лежат на северных склонах и относятся к I в. н. э. Заселение вершины мыса прекратилось, вероятно, чуть раньше.

Южные склоны отрога не застраивались столь интенсивно, а строения, обнаруженные там, относятся к более позднему периоду. Они состоят главным образом из небольших вилл, датируемых I в. н. э. их первооткрывателем⁹. Эти виллы строились на прочной

платформе из хорошо обработанного камня, служившей фундаментом для стен из саманного кирпича. Каждая вилла состояла из двух или более комнат, а иногда включала в себя маленький внутренний дворик. Ниже вилл на ровном дне вади лежит "поселение" из по крайней мере шести прямоугольных строений правильной формы. Они различны по своим размерам. Встречаются сооружения из одной или двух комнат, а иногда и из целого комплекса комнат длиной 100 футов с флигелем, примыкающим с восточной стороны. Большая часть этих жилищ построена из саманного кирпича, а в двух случаях из необработанного камня. Находка керамики подсказывает, что строительство "поселения" относится к концу I в. до н. э. или I в. н. э.

Размеры построек в Зинкекре впечатляющи: поселения на мысу и северных склонах внутри террасообразной стены занимают около 20 акров (чуть больше 8 гектаров), в то время как общая площадь района в пределах валов и защитных стен составляет примерно 50-55 акров (20-22 гектара)¹⁰. По-видимому, в конце I в. н. э. последние жители оставили Зинкекру и здесь появляется группа кладбищ частично за пределами террасообразной стены, частично внутри ее. Эти кладбища весьма различны по размерам - от нескольких надгробий до многих сотен. Два наиболее крупных занимают площадь по 4 акра каждое, и по крайней мере одно из кладбищ использовалось еще в IV в. н. э. Зинкекра, основанная как крепость живых, в конце концов превратилась в город мертвых.

Последние открытия показывают, что в IV в. до н. э. (или в самом конце V в.) должно было появиться поселение в центре вади, впоследствии ставшее легендарной Гарамой, столицей гарамантов¹¹. Хотя не обнаружены прямые следы обитания того времени, остатки датированной керамики подтверждают справедливость этого предположения. Место было выбрано с учетом источника воды, но вполне возможно, что в древности поселение находилось на берегу озера, о котором в наши дни напоминают высохшие соляные отмели, до сих пор периодически затопляемые в большей или меньшей степени. Если здесь действительно когда-то было озеро, то к югу от города лежало мелководье, а Гарамы занимала полосу, вдававшуюся или, наверное, разрезавшую обширное мелководье. Как можно себе представить, общий вид района должен был сильно отличаться от того, что мы видим теперь. Лежало ли здесь озеро или нет, теперь кажется вероятным, что и Джерма, и Саниат Джебриль (около 300 ярдов на восток) входили в состав древней Гарамы, общая площадь которой могла составлять 50 акров, то есть 20 гектаров.

Работа по датировке показала, что наиболее древнее поселение лежит под Джермой, где различные слои наложенных друг на друга построек из саманных кирпичей, остатков фундаментов и очагов показывают, что, раз возникнув, поселение продолжало существовать. В конце I в. н. э. в него переселились почти все жители Зинкекры, а в середине II в. крепость на мысу полностью превратилась в город мертвых. В Саниат Джебриль жили вплоть до начала III в. н. э.; в Джерме намного дольше, и впоследствии в этом районе возник арабский город.

В обоих местах хорошо построенные дома из саманных кирпичей характерны для первого периода. В Джерме некоторые из этих построек были снесены и заменены более крупным и впечатляющим каменным строением, вероятно в конце I или во II в. Это каменное здание (наиболее южное внутри изученного района) отличается изяществом планировки и выделяется из всего того, что прежде было построено в Зинкекре, Джерме или Саниат Джебриль. Его монументальные стены из тесаного камня настолько контрастируют с предшествующими постройками, что невероятно было бы предполагать их строительство без квалифицированных иностранных мастеров. В здании можно выделить три основных этапа его переделки и перестройки, продолжавшиеся, по всей видимости, до начала IV в. н. э. Его последняя фаза также не может быть датирована, но тяжелые повреждения в его

северной стене свидетельствуют о разрушениях, нанесенных тараном, и говорят о военных столкновениях, хотя это и не типично для Джермы.

Этот большой и импозантный дом принадлежал богатому семейству или аристократу. По контрасту в других частях Джермы и Саниат Джебриль во II в. строились дома из саманных кирпичей, хотя нам известен по крайней мере один пример строительства дома в Джерме из хорошо обработанных камней небольшого объема, аналогичных тем, которые использовались для строительства вилл в Зинкекре в конце I в. н. э. (фото 5).

Фото 5. Гарама (каменные и кирпичные строения)

Однако расписанные и оштукатуренные стены и побеленные полы из саманных кирпичей показывают, что, хотя постройки и не были каменными, они не были лишены ни стиля, ни комфорта, а полное отсутствие помета животных резко контрастирует с тем, что имело место в Зинкекре. В комнатах дома, раскопанного в Саниат Джебриль, было найдено много римской и местной керамики, в том числе больших кувшинов, а также свиных, овечьих и козьих костей. Были обнаружены кольца для веретена и ткацкие станки. Очевидно, что одежда производилась самими гарамантами. Недалеко, рядом с другим зданием, были найдены следы работы кузнеца и куски шлака, возможно появившегося в результате обработки металла или стекольного производства: все это свидетельствует о значительной технической эволюции по сравнению с культурой Зинкекры.

Позднее Саниат Джебриль был покинут. Однако в Джерме прежние строения из саманных кирпичей заменяются более крупными и впечатляющими зданиями тоже из саманных кирпичей, но построенными на глубоком фундаменте и с линией из каменных плитусов. Эти линии из каменных плитусов - единственное, что сохранилось от многих из раскопанных зданий (см. фото 5), и, таким образом, у посетителей создается впечатление, что постройки были целиком из камня. Недавние археологические изыскания показали, что это справедливо только в отношении зданий, расположенных на юге (о чем уже выше писалось), другие же строения имели прочные стены из саманного кирпича, которые покоились на линиях из каменных плитусов.

Несмотря на большое значение Гарамы, необходимо отметить, что многие гараманты должны были жить в деревнях или небольших поселениях во многом так же, как это делают современные феэцанцы: вероятность, подтверждаемая бесконечной вереницей кладбищ и фоггаров вдоль вади аль-Аджаль. Слово, повсеместно употребляемое по-латински для наименования африканских жилищ, - *maralium*¹², означающее "хижина из плетеной травы или асфоделей, укрепленных на остоле", которая напоминает, по Саллюстия, поднятую вверх лодку. Примеры подобных хижин можно увидеть на мозаиках из музея Бардо в Тунисе (рис. 4). Несомненно, *maralium* использовались гарамантами, особенно в древнейшие времена, но саманные кирпичи появляются не позднее I в. до н. э. и общий уровень жизни племени мог быть выше, чем у многих соседей.

Рис 4. *maralium* - хижина из асфоделей (по О. Бейтсу)

Несколько слов о сельском хозяйстве гарамантов. Известно, что финики у них произрастали в изобилии. Плиний сообщает, что "внутренние районы Африки, там, где живут гараманты, и пустыня покрыты пальмами, замечательными своими размерами и сладостью своих плодов"¹³. Анализ пыльцы и других материалов, обнаруженных в ходе раскопок, обогатит наши сведения о древней флоре. Возможно, широкий спектр деревьев и растений был известен гарамантам: пшеница, ячмень и другие зерновые, различные овощи, миндаль, гранат, оливы, хлопок, клевер и многие травы.

Вполне обоснованно предполагать, что фоггары гарамантского, а не средневекового происхождения. Многие сотни, если не тысячи, миль галерей и шахт должны были быть построены между Абьядом и Тин Абундой. Работа по их прорытию и сохранению должна была проводиться значительная, а сельское хозяйство, основанное на фоггарах, по-видимому, предполагает оседлое население. Злаки, деревья и кустарники, овощи и животные процветали благодаря обильной воде, сохраненной каналами. Несомненно, паслись знаменитые, пятащиеся назад, быки, а также овцы, козы и свиньи, о чем свидетельствуют их скелеты, сохранившиеся в большом количестве. Кроме того, у гарамантов были лошади и ослы, необходимые для колесниц и повозок.

Сельское хозяйство было одной из составляющих гарамантской экономики. Другой, по справедливости, следует назвать торговлю. Много отличных импортных вещей, найденных в захоронениях аль-Аджаль, говорит о том, что было нечто, за что римляне желали и были готовы хорошо платить. Этот вопрос до сих пор остается нерешенным, так как ни один из античных авторов не упоминает о существовании караванной торговли, которую бы вели гараманты. Современные ученые, принимая во внимание благосостояние Лептиса и других прибрежных городов, выдвинули предположение, что караванная торговля должна была существовать в древности точно так же, как и во времена средневековья, причем гараманты хорошо наживались, будучи посредниками, контролировавшими первые оазисы и перевалочные пункты в северной части Центральной Сахары.

Однако это по-прежнему трудно доказать, так как многие товары, проходившие через эмпории, так же легко было достать в прибрежных районах Триполитании, как и в Феццане или еще дальше на юге. Единственным товаром, о котором известно, что он добывался в пустыне, был знаменитый карбункул или карфагенский камень, и Бовилл видит в нем главный предмет гарамантской торговли¹⁴.

Страбон говорит о стране гарамантов как месте добычи камня, но Плиний указывает на гору Гири и сообщает о троглодитах, "с которыми идет торговля только драгоценным камнем, что мы называем карбункул, который ввозят из Эфиопии"¹⁵. Гараманты, видимо, были посредниками, а возможно, они полностью контролировали эту торговлю.

Плиний пишет, что слоны "обитали в Африке, лежащей за пустынями Сирта, в стране мавров и земле Эфиопии и пещерных жителей"¹⁶. "Зубы слонов" ценились дорого, так как из них делали изображения богов. С. Ауриджема собрал фактический материал и сделал вывод о наличии торговли слоновой костью в прибрежных городах¹⁷. Слон в качестве эмблемы экспортеров из Сабраты был изображен на их "офисе" в Остии (фото 6). Статуя слона стояла на главной улице Лептиса. Нам известно, что слоновые "зубы" дарили в Лептисе и Триполи. (Римляне не имели отдельного термина для бивней, хотя во всех описанных нами случаях наверняка они имелись в виду.)

Фото 6. Изображение слона (Остия)

К слоновой кости необходимо добавить диких животных. Ростовцев говорил о некоем Порфирии, получившем дарственную надпись от декурионов Лептиса "несомненно как экспортер животных из Центральной Африки". Другими предметами торговли, вероятно, могли быть золотой песок¹⁸, ценная древесина, эбеновое дерево, шкуры, перья и яйца страуса, а возможно, и рабы, хотя последние стали товаром *par excellence* в период средневековой караванной торговли. В римское время караванная работоторговля, по-видимому, не была хорошо развита (как уже говорилось, Септимий Флакк и Юлий Матерн были, вероятно, сами заинтересованы в торговле и с этой целью ими были предприняты путешествия на юг). К нашему списку следует добавить местные товары: финики и зерно. Вилер говорит также о натроне, основном ингредиенте стекольного производства. Наверное, можно вспомнить о соли и гематите, богатые жилы которого есть в аль-Аджаль и аш-Шаты. В параллель последнему можно привести пример разработки предприимчивыми римлянами железорудных ресурсов в свободной Германии далеко за пределами границ империи¹⁹.

В целом список потенциальных товаров может включать частично собственно гарамантские продукты, частично товары, перевозившиеся гарамантами через Центральную Сахару, хотя лишь иногда можно уверенно говорить о торговле между римлянами и гарамантами. С другой стороны, римляне должны же были от них получать что-то за свои товары, в изобилии устремлявшиеся на юг, и торговый обмен, о котором говорилось выше, был бы лучшим ответом на этот вопрос.

Таковы вкратце очертания наших знаний о племени. Неудивительно, что еще так много неразрешенных проблем. Гараманты умеют хранить свои тайны. Мы и сегодня стоим лишь у порога их мира.

Гараманты Южной Ливии

Примечания:

1. Плиний. VIII, 142.
2. Птолемей. I. VIII. 4.
3. Ibn. Abd el-Hakim. Conquete de l'Afrique du Nord, note 34, p. 61-63.
4. Плиний упоминает Baniurae Gaetuli и Barae Gaetuli, плита Гейтингера добавляет Nigize Gaetuli, Оросий - barbaros Gaetuli Nathabres, а надпись Юния Блэза младшего в память о военной кампании его отца против Такфарината отмечает Gaetulas gentes.
5. Хотя не все перечисленные племена, по-видимому, были гарамантские.
6. Bates O. Eastern Libyans, p. 114.
7. Ibid., p. 115.
8. О причинах существующей неопределенности см. примеч. 4 в главе [История](#).

9. Caputo G. Scavi, p. 237.

10. В некоторых местах огороженные края были сильно разрушены, и общая площадь огороженного района могла быть больше примерно на 10 акров (4 га), чем та площадь, о которой было сказано выше.

11. Clarissimum Garama caput Garamantum ("знаменитый город Гарама, столица гарамантов"). Плиний. V. 36.

12. Саллюстий, Плиний, Тацит.

13. Плиний. XIII. XXXIII. 111.

14. Bovill E. W. The Golden Trade of the Moors. 1968, p. 42.

15. Плиний. V. 34.

16. Ibid., VIII. XI. 32.

17. Aurigemma S. Africa Italiana. VII (1940), p. 67 ff.

18. В Римской империи всегда ощущался недостаток золота, так как оно постоянно вывозилось на Восток в обмен на импортируемые предметы роскоши.

19. Aurigemma S. Africa Italiana; Wheeler R. E. M. Rome beyond the Imperial Frontiers. L., 1954, p. 106; Bovill E. W. The Golden Trade of the Moors, p. 41; Rostovtzeff M. Social and Economic History of the Roman Empire. Oxf., 1926, p. 336 (2).
Остальные предположения выдвинуты автором.

Гараманты и транссахарская торговля в античное время

Р. Лоу (из книги ["Гарамантида \(африканская Атлантида\)"](#))

Первые транссахарские связи наверняка предшествовали появлению арабов в Северной Африке. Но эти ранние контакты, представляющие столь большой интерес для древней истории Западного Судана, трудно проследить в деталях и документировать. Факты весьма ограничены - отдельные упоминания античных авторов, отрывочные данные археологии, свидетельство наскального искусства Сахары. Известная нам информация по своему криволинейна: она скована горизонтом Средиземноморского мира. Литературные источники неизбежно отражают точки зрения своих культур, а весь полезный археологический материал римского происхождения. В результате намного больше известно об отношениях между прибрежными районами и народами Сахары, чем об отношениях между сахарцами и суданскими народами. Следует, конечно, учесть и то, что с побережья Триполитании достичь Центральной Сахары намного легче, чем с запада, где путь преграждают горы Атласа. Таким образом, ограниченность сведений, а не специальный исторический интерес обуславливает то, что наша работа почти целиком посвящена торговле в Центральной Сахаре, в которой гараманты были главными посредниками. Несмотря на это, попытка сопоставить наличные источники имеет смысл. Из их сопоставления возникает модель. И хотя немного может быть выяснено наверняка, изучение фактов показывает, какие из гипотез возможны или по крайней мере более приемлемы, чем другие.

"Дороги для колесниц" в Сахаре

Свидетельство наскального искусства - одно из наиболее захватывающих, и в то же время его очень трудно интерпретировать. Казалось бы, оно дает окончательное подтверждение регулярных транссахарских связей в древности. Наскальная живопись и гравированные изображения часто показывают нам двухколесные боевые колесницы, запряженные лошадьми. Верхняя граница их применения в Египте восходит к XVII в. до н. э.¹, так как их использовали гиксосы, вторгшиеся из Сирии. Нижняя граница, связанная с заменой боевых колесниц кавалерией у ливийцев Северной Сахары, проходит на рубеже V-III вв. до н. э.²

Известные нам изображения колесниц почти все встречаются вдоль двух главных дорог, пересекающих Сахару с севера на юг. На западе Сахары они попадаются вдоль дороги, начинающейся в районе Фигига (южный Оран) и Джебель Бани на севере. Она проходит через Земмур, мавританский Аддар и Дхар Уалата, заканчиваясь у Тондии вблизи Гундама на Нигере³. В Центральной Сахаре дорога лежит от Феццана и Форт-Полиньяка на севере через Тассили-Аджер, Хоггар и Ти-м-Миссао до эс-Сука в Аддар-Ифора⁴.

Колесницы использовались, чтобы обеспечить безопасность проезда и, возможно, торговли вдоль этих дорог. Вероятность нашего предположения как будто возрастает благодаря тому, что мы знаем: литературные источники приписывали применение колесниц двум народам, о которых известно, что они занимались транссахарской торговлей. Речь идет о гарамантах Феццана и фарусиях Западной Сахары⁵. Однако такое заключение кажется совершенно неприемлемым.

Изображения колесниц вдоль предполагаемой "дороги" сами по себе еще не являются доказательством того, что какая-либо колесница могла пройти этот путь полностью. А торговые цели? Но ведь главное назначение колесниц боевое, и, за исключением редких примеров четырехколесных колесниц и еще более редких колесниц, запряженных быками, они едва ли использовались для торговых перевозок.

Однако изображения колесниц должны указывать, по каким двум путям было возможно пересечь Сахару на лошадях. То, что Центральная Сахара служила для этой цели, по-видимому, подтверждается письменными источниками и археологическим материалом.

[Гараманты и транссахарская торговля в античное время](#)

Примечания:

1. Maunu R. Tableau géographique de l'ouest africain au moyen âge, -Mem. I. F. A. N. Dakar, 1961, No 61, 283.
2. Последнее упоминание о ливийских военных колесницах датируется 307 г. до н. э. (Диодор Сикул, XX. 64, 3); а первое упоминание о Ливийской коннице относится к 261 г. до н. э. (Полибий, I. 19, 2-4).
3. Maunu R. Une route préhistorique à travers le Sahara occidental. -Bulletin. I. F. A. N. 1947, 341-357.

4. Lhote H. Le cheval et le chameau dans les gravures et les peintures rupestres du Sahara.-Bull. I. F. A. N. 1953, 1138-1228; idem. The Search for the Tassili Frescoes. Transl. A. H. Broderick. L., 1959, 124-8.

5. Гараманты: Геродот, IV. 183,4; фарусии: Страбон, XVII. 3, 7.

Геродот

Древнейшим и наиболее ценным источником является "История" Геродота (примерно 430 г. до н. э.). У Геродота было очень схематичное представление о географии Северной Африки. В одном отрывке (II. 32, 4) он делит ее на три зоны: обитаемое побережье, к югу от него - регион диких животных, а еще южнее - безводная песчаная пустыня. В другом отрывке (IV. 181-5) он добавляет интересное уточнение: между зоной диких животных и пустыней находится "песчаная гряда", которая простирается от Фив в Египте до Геракловых Столпов. Вдоль этой гряды "приблизительно на расстоянии 10 дней пути друг от друга встречаются на холмах огромные глыбы соли. На вершине каждого холма изнутри соляной глыбы бьет ключом источник холодной пресной воды. Вокруг этого соляного холма со стороны пустыни и к югу от области диких зверей еще обитают самые отдаленные ливийские племена" (IV.181/2). Места и народы, их населяющие, он перечисляет с востока на запад: аммонии, авгилы, гараманты, атаранты, атланты и другие, названий которых он не знает.

За исключением отдельных мелких неточностей⁶, Геродот правильно описывает линию оазисов, простирающуюся к западу от дельты Нила вдоль северной оконечности Ливийской пустыни⁷. "Песчаная гряда" - это, вероятно, южный эскарп, образующий северную границу низменности Гаттара. Аммонии - жители оазиса Сива, а авгилы - Ауджила в оазисе Джало. Несмотря на убеждение Геродота, что эта гряда простирается вплоть до Атлантического побережья и что линия оазисов образует северную границу пустыни, после Ауджилы эскарп исчезает, а линия оазисов поворачивает к юго-востоку сквозь пустыню. Гараманты - жители Феццана. Их столица, именуемая "Гарамой" Плинием (Естеств. история V.36) и Птолемеем (IV. 6, 30), - Джерма, обширные кладбища в районе которой римского и более раннего времени были обследованы археологами.

Геродот помещает гарамантов в 10 днях пути от Ауджилы, что составляет примерно половину действительного расстояния, и 30 днях от лотофагов на побережье, что правильно. Его описание содержит одно интересное замечание: "Гараманты охотятся на пещерных эфиопов на колесницах, запряженных в четверку коней. Ведь пещерные эфиопы - самые быстроногие среди всех людей, о которых нам приходилось когда-либо слышать. Эти пещерные жители поедают змей, ящериц и подобных пресмыкающихся. Язык их не похож ни на какой другой: они издадут звуки, подобные писку летучих мышей" (IV, 183, 4). Эти "пещерные эфиопы" почти наверняка тубу, живущие в горах Тибести. Их язык описывался Хорне-ману жителями Ауджилы как "напоминающий свист птиц"⁸. Использование колесниц при поездках из Феццана в Тибести подтверждается двумя наскальными гравированными изображениями в Джебель Бен Ганима и Латума⁹. Единственное затруднение при отождествлении пещерных эфиопов с тубу состоит в том, что Плиний помещает (V. 43) своих Trogodytae (Sic!) к юго-западу от Гадамеса, по-видимому в Тассили-Аджер. Однако под "троглодитами" нередко имелись в виду различные народности (в Африке мы встречаемся с ними в горах Антиатласа¹⁰ и в горах к востоку от Нила)¹¹; Плиний необязательно должен был говорить о тех же самых

пещерных эфиопах, что и Геродот¹². Вероятно, гараманты "охотились" на троглодитов, чтобы обратить их в рабство.

В 10 дней пути, за гарамантами, Геродот помещает атарантов¹³. Ничто из того, что он о них сообщает, не позволяет нам их точно локализовать. Однако, если догадка о том, что их название происходит от распространенного берберского слова "адрар" или "атар", означающего "нагорье", правильна¹⁴, они должны были жить в горной местности: вероятно, в Тассили-Аджер¹⁵ к западу от Феццана. В десяти днях пути, за атарантами, находится гора Атлас и атланты (IV. 184, 3-4). "Атлас" - это, конечно, не подлинное берберское название, а заимствование из греческой мифологии. Эсхил тоже упоминал о горе Атлас и помещал ее на западе¹⁶. Зная об этом упоминании, Геродот¹⁷ или его информант назвали большую гору, расположенную на западе, "Атласом". Эта гора не имеет ничего общего с марокканской горной системой, названной позднее "Атласом", так как Плиний уточнял¹⁸, что она находилась в центре пустыни. Единственным правдоподобным предположением была бы ее идентификация с горным массивом Хоггара к юго-западу от Тассили.

Далее, сообщив об атлантах, Геродот продолжает: "Названия племен, живущих в этой холмистой песчаной пустыне до атлантов, я могу перечислить, а дальше - уже нет. Как бы то ни было, эта холмистая песчаная пустыня простирается до Геракловых Столпов и даже еще дальше. Встречаются в пустыне через каждые 10 дней пути все новые соляные копи и у них людские поселения. Жилища всех этих людей строятся из глыб каменной соли... Добываемая там соль с виду белого и пурпурного цвета". Значение этого отрывка часто недооценивают. Упоминание о соляных копиях - совершенно новая деталь, и она не встречается при описании "соляных холмов" предыдущих оазисов¹⁹. Геродот здесь ясно говорит, что в десяти днях пути, за горой Атлас, лежат соляные копи. Подробности - дома, построенные из соли, и ее различные цвета - повторяются в средневековых и современных сообщениях о сахарских соляных копиях²⁰. В исторические времена соль из сахарских копий была важнейшим товаром, вывозимым на юг, в Судан. Можно предполагать, что и в дни Геродота соль добывалась для вывоза на юг. К сожалению, копи, описанные Геродотом, нельзя идентифицировать.

Я подозреваю, что это - те же самые копи, о которых аль-Бекри писал в 1067 г. Согласно его сообщению, Каукау (Гао) на Нигере получал свою соль из Тадмекки (эс-Сук) в Адрар-Ифора, куда ее привозили из подземных копей в Таутеке, находившемся в шести днях пути. Однако Таутек пока не был удовлетворительно идентифицирован²¹.

Сообщение Геродота указывает, что Сахару можно было пересечь вплоть до Хоггара, но он ничего не говорит о путешествиях в Судан. Однако в другом отрывке (II. 32) Геродот рассказывает о путешествии через всю Сахару. Пятеро благородных юношей из кочевого племени насамонов, обитавшего на побережье залива Сирт, отправились в глубь пустыни, "с целью проникнуть дальше и увидеть больше всех тех, кто раньше побывал в самых отдаленных ее частях". Они прошли область диких зверей и затем двинулись по пустыне в западном направлении. После многих дней путешествия они достигли равнины, на которой росли плодоносящие деревья. Когда они попытались сорвать плоды, их схватили "маленькие (ниже среднего роста) люди", языка которых они не могли понять. Их повели через обширные болота в город, целиком населенный маленькими чернокожими людьми, лежавший на большой реке, которая текла на восток. В этой реке водились крокодилы.

Насамоны были знакомы с оазисом Ауджила, куда они каждое лето приходили собирать финики²². Таким образом, мы можем предположить, что, когда юноши-насамоны пересекли область диких зверей, они достигли Ауджилы, и, следовательно, затем, когда

они двинулись в пустыню в западном направлении, пошли по дороге, описанной Геродотом в IV книге, которая вывела их на юго-запад от Феццана и Хоггара. Великой рекой, текущей на восток, в этих местах может быть только Нигер. "Обширные болота" часто идентифицируются с системой болот и озер, образуемых возвратными течениями Нигера в районе Тимбукту. Но, как нам представляется, она вряд ли могла встретиться путешественникам, шедшим с северо-востока, скорее эти болота были частью высохшего бассейна одной из несохранившихся до наших дней рек, которая текла на север в пустыню из района Нигера²³.

В исторические времена города, лежащие на Нигере, в особенности Гао и Тимбукту, были важными конечными пунктами транссахарских торговых путей. Из них легко было добраться по Нигеру до золотоносных районов Бамбука и Буре. Ничто, однако, не позволяет нам утверждать, что город, до которого дошли насамоны, действительно был конечным пунктом транссахарского торгового тракта. Кроме того, сведения Геродота предполагают и обратное - то, что проникновение берберов на юг не было обычным явлением.

Реконструируемая по Геродоту дорога из Феццана через Тассили и Хоггар к Нигеру точно соответствует "дороге для колесниц" в Центральной Сахаре. Это соответствие подтверждает справедливость нашей реконструкции. Однако Рис Карпентер²⁴ выдвинул совершенно другую версию. По его мнению, Геродотова дорога пролегает из Феццана на юг, огибает западный край Тибести и заканчивается в Борку; гора Атлас - гора Эми Тусиде в Тибести, соляные копи находятся в Буду к югу от Тибести; большая река, текущая на север, - Бахр-аль-Газаль, благодаря разливам которой и образовались обширные болота в низменности Боделе. Но эта интерпретация несомненно исключена утверждением Геродота, что насамоны путешествовали в западном направлении. "Западное направление" может быть вполне разумно истолковано как юго-запад, но едва ли как юг.

Единственное затруднение в нашем объяснении путешествия насамонов к Нигеру заключается в рассказе о маленьких чернокожих людях, встреченных ими. Если это - пигмеи-негрилли, то довольно странно обнаружить их так далеко на западе. Но распределение рас в Западной Африке около 450 г. до н. э. вполне могло отличаться от современного. "Маленькие люди", не сказано, что чернокожие, были встречены персидским Сатаспом¹ в начале V в. до н. э. на Гвинейском побережье²⁵, а устная традиция указывает, что пигмеи одно время жили и на Береге Слоновой Кости²⁶. Стоит также заметить, что выражение "маленькие чернокожие люди" не обязательно обозначает пигмеев. Помпоний Мела (III. 96) тоже называл западноафриканских негроидов "маленькими" ("мелкими") по сравнению с негроидами Верхнего Нила.

[Гараманты и транссахарская торговля в античное время](#)

Примечания:

6. Особенно его убеждение в том, что линия оазисов начинается от Фив. В действительности, была дорога к Сиве от Фив через Харгу (ср. Геродот. III. 26), но она занимала примерно 20, а не 10 дней и не должна была следовать вдоль "гряды": эти данные приложимы только к дороге, выходящей из дельты Нила (Плиний в Естественной истории, V. 50, говорит о двенадцатидневном путешествии из Мемфиса в Сиву).

7. См. о Геродотовом маршруте: Carpenter Rhys. A trans-Saharan caravan-route in Herodotus. - American Journal of Archaeology. 1956, 231-42.
8. Подробнее см.: Rawlinson G. The History of Herodotus. II. L., 1875, 162, n. 9.
9. Джебель Бен Ганима: Lhote H. Le cheval et le chameau. Латума: Huard P. Gravures rupestres des confins nigero-tchadiens.-Bull. I. F. A. N. 1953, 1573.
10. Ганнон. Перилл, 7.
11. Страбон, XVII. 1, 2 и сл.
12. Плиний, по-видимому, имел в виду тех же самых: ср. V. 45, вторя Геродоту.
13. В тексте Геродота, IV, 184, в действительности говорится об "атлантах", что невозможно, так как в этом случае дублируется название следующего народа. Прочтение "атаранты" упоминается Евстафием (ad. Dionys, 66); Николай Дамаскин (F. 140) употребляет форму .
14. Carpenter R. A trans-Saharan caravan-route.
15. Действительно, в Тассили есть Адрарский массив.
16. "в направлении западных областей". (Prom. Vincit. 348-350):

Судьба Атланта-брата, что опорный столб
Земли и неба, тяжесть непомерную,
В краю вечернем держит на своих плечах.
Пер. С. Апта
17. Мнение Геродота о том, что местные жители называли Атлас "столпом неба" (IV, 184, 3), очевидно, повторяет Эсхила (Прикованный Прометей) (см. примеч. 16).
18. Плиний. V. 44.: "...quidam solitudinibus interposuerunt Atlantes" ("В глубине пустыни некоторые помещают атлантов").
19. Ср.: How W. W. and Welts J. A Commentary on Herodotus. I. Oxf., 1912, 363.
20. Дома, построенные из соли: Маипу R. Tableau géographique, 467; различные цвета: Лев Африканский сообщает: "candidi, rubei, cinericii coloris" "белый, красный и пепельный цвета" (Rawlinson, II, 164, п. 7).
21. Р. Моли (Tableau géographique, 332) осторожно указывает на Эребеб, находящийся на северо-западе Адрар-Ифора.
22. Геродот. IV. 172, 1; 182.
23. Maunu R. Tableau géographique, 205-6.
24. См. примеч. 7.
25. Геродот. IV. 43, 5.

Примечания составителя:

I. Сатасп - персидский царевич, по сообщению Геродота, предпринявший попытку совершить плавание вокруг Африки около 470 г. до н. э. Геродот писал: "...он (Сатасп) овладел насильно дочерью Зопира, Мегабизова сына, девственницей, за какое преступление царь Ксеркс решил было распять его; однако мать Сатаспа, сестра Дария, испросила ему помилование и обещала сама наложить на него кару, более тяжкую, чем наказание царя, именно он обязан будет объехать кругом Ливию, пока на этом пути не войдет в Аравийский залив. На таком условии Ксеркс сделал уступку. Сатасп прибыл в Египет, получил здесь корабль и египетских матросов и поплыл к Геракловым Столпам. Выплывши на другую сторону, он обогнул оконечность Ливии^{*}, по имени Солоент^{**}, и направился дальше на юг.

*. Ливия - здесь имеется в виду Африка.

**.. Солоент - современный мыс Кантен в Марокко.

Гараманты и Карфаген

В сведениях Геродота есть серьезное искажение. По его мнению, описываемая им дорога проходит к западу от Египта. По всей вероятности, его главными информантами были египтяне²⁷. Египетское влияние на характер выбранной дороги может быть прослежено²⁸. Но в дни Геродота важнейшие конечные пункты транссахарских трактов находились не в Египте, а на побережье Триполитании. Действительно, Геродот пишет в своем сообщении о гарамантах: "Отсюда - кратчайший путь к лотофагам, именно 30 дней" (IV. 183, 2). Лотофаги населяли прибрежный мыс (IV. 177), по всей видимости полуостров Зарзис к востоку от Гигтиса²⁹, поэтому дорога к ним должна была проходить через Гадамес³⁰. Таким образом, гараманты контролировали перекресток дорог из Египта, с побережья и с юга. Многочисленные³¹ и объединенные царем³², они стали главными посредниками торговли в Центральной Сахаре.

Побережье Триполитании было покрыто пуническими колониями-эмпориями. Наиболее важной из них был Лептис Магна, появившийся уже в VII в. до н. э.³³ Город был состоятельным и один платил Карфагену 1 талант в день³⁴. Часто предполагалось, что этим благосостоянием город целиком или почти целиком был обязан своей торговле с гарамантами, и даже делался вывод, что плотность пунического населения на побережье сама по себе свидетельствовала о существовании такой торговли³⁵. Это очень сомнительно. Античные авторы сообщают о том, что эмпории находились в плодородном районе³⁶. Там выращивали пшеницу, оливки и лен, море давало рыбу и моллюсков-пурпурниц. Эмпории должны были процветать и без торговли с Сахарой.

Однако есть непосредственное свидетельство того, что такая торговля существовала. Оно исходит из литературных источников, так как в результате раскопок захоронений дорийского времени в Феццане не было обнаружено никаких предметов, которые могли бы быть ввезены из Карфагена. Это свидетельство ограничено, кроме того, единственным товаром - драгоценным камнем, "карбункулом". Феофраст (De Lapidibus III. 18) был первым, кто упомянул о вывозе этих камней из Карфагена: их ценность так велика, писал

он, что даже маленький камень стоит 40 золотых статиров (примеч. сост. Статир - древнегреческая монета). Карфаген получал карбункулы от гарамантов. Так, Плиний вслед за греческими авторами³⁷ говорит о "карбункуле гарамантов, также называемом карфагенским из-за богатства Карфагена" (XXXVII. 92), а Страбон пишет о земле гарамантов как об источнике "карфагенских камней" (XVII. 3, 19). Где добывались они, точно неизвестно. Плиний говорит о "горе Гири, где рождаются драгоценные камни" (V, 37). Предполагали, что там находилось их месторождение³⁸. Но "Гири" звучит как Гарьян³⁹, находящийся далеко на севере. В любом случае другой отрывок из Плиния (V, 34) упоминает о *trogodytae* Тассили-Аджера, "с которыми идет торговля только драгоценным камнем, что мы называем карбункул, который ввозят из Эфиопии". Это указывает, что месторождение находилось не в самом Феццане, а где-то за пределами Тассили - вдоль "дороги для колесниц", возможно в Судане, если под "Эфиопией" подразумевалась "страна черных". К сожалению, неясно, что из себя представляли карбункулы гарамантов. Большинство из *carbunculi*, описанных Плинием, по-видимому, были гранатами, но нам неизвестны месторождения гранатов в Западной Африке. Выдвигались и альтернативные варианты идентификаций (сердолик, амазонит), но проблема так и остается нерешенной. Раскопки в Феццане ее решению не способствовали⁴⁰.

Карбункулы могли быть не единственным товаром, ввозимым Карфагеном из страны гарамантов. Возможно, другим товаром были рабы. В Карфагене были черные рабы⁴⁰, и вполне вероятно, что их поставляли гараманты, совершавшие набеги на пещерных эфиопов. Ничего неизвестно о том, что в обмен могло вывозиться на юг.

Возможно, карфагенские купцы ездили в Феццан по своим торговым делам. Афиней (II-44e) рассказывает короткую историю о карфагеняине по имени Магон, который "трижды пересек пустыню, питаясь при этом одним сухим ячменем и не имея воды". Судя по всему, он ездил в Феццан⁴¹. Нет оснований считать, что связи гарамантов с Карфагеном распространялись не только на торговлю. Заявление римского поэта Силия Италика о том, что гараманты выставили свой отряд для пунической армии, не заслуживает внимания⁴².

[Гараманты и транссахарская торговля в античное время](#)

Примечания:

27. Информанты Геродота о путешествии насамонов были родом из Кирены и слышали о нем от царя аммониев Этеарха (II. 32, 1).

28. Особенно религиозное: Аммону поклонялись в Сиве (Геродот. II. 42) и Ауджиле (Procopius. De aedificiis Dn. Iustiniani. VI. 2, 16-17); изображения Беза и Озириса встречаются на наскальных фресках Феццана (Mc Burney C. B. M. The Stone Age of Northern Africa. Harmondsworth, 1960, 266); богини с птичьими головами в египетском стиле появляются в наскальных рисунках Тассили (Lhote H. The Search for the Tassili Frescoes, p. 202).

29. Лотофаги жили сразу на восток от махлиев (IV. 178), которые обитали на берегах "Тритонова озера" (залив Габес); остров Джерба, находившийся напротив Гигтиса, был идентифицирован с островом лотофагов Эратосфеном (Плиний, V. 41).

30. Я не понимаю, почему С. Гзелл утверждает, что эта дорога шла через Бу Нджем и Сокну (Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du nord. IV. P., 1920, 138).
31. "весьма многочисленное племя". Геродот. IV. 183. 1.
32. По крайней мере, в римское время: Тацит. Анналы. IV. 23; Плиний. VIII. 142; Птолемей. I. 8. 4; Augustine. Liber Quaestionum. CXV. 23.
33. Там была найдена греческая керамика VII в. (Boardman J. The Greeks overseas. L., 1964, 222).
34. Ливий. XXXIV. 65, 3.
35. Bovill E. W. The Golden Trade of the Moors. Oxf., 1958, 22.
36. Геродот. IV, 191; Полибий. III. 23. 2; Ливии. XXIX, 25; XXXIV, 65.
37. Его источником в отрывке о карбункулах являются Каллистрат Родосский (примерно 155 г. до н. э.) и Архелай (царь Каппадокии с 36 г. до н. э. до 17 г. н. э.).
38. Bovill E. W. The Golden Trade of the Moors, 30, No 1.
39. ? ???? Птолемея, там, где находился исток реки Кинип (IV. 6, 11), должен был быть Гарьяном.
40. Различные негроидные черепа, вероятно рабов, были обнаружены на пунических кладбищах (Gsell S., IV, 174). Упоминание о карфагенской кормилице "corpore aquilo" ("темнокожей") у Плавта: Plautus. Poenulus, 112-113.
41. Разумеется, нет оснований предполагать, что он "пересек пустыню" в том смысле, что попал в Судан.
42. Punica. III, 313-314, passim.

Примечание составителя:

II. Французские исследователи Т. Моно и Р. Мони считают сообщения античных источников о карбункуле гарамантов сомнительными. См.: Monod Th. Le Mythe de l'Emeraude des Garaman-tes. - Antic. Afric. T. 8, 1974, p. 51-66; Мони Р. Турук ат-тидж-жара абра Сахра. - Маджаллят аль-бухус ат-тарихия. [Триполи], январь 1981, с. 125.

Западноафриканское золото

Некоторые ученые⁴³ предполагали, что Карфаген ввозил западно-африканское золото при посредничестве гарамантов. Он наверняка ввозил его морским путем. Геродот описывает, как карфагеняне покупали золото на западном побережье Африки (IV. 196). Эта торговля может быть связана с плаванием, предпринятым Ганноном, вероятно, около 470 г. до н. э. Согласно отчету самого Ганнона, он основал и укрепил различные колонии вдоль всего побережья, наиболее южная из которых находилась на острове "Керне" (Перипл, 8). Керне, видимо, был центром торговли золотом, так как мифограф IV в. до н. э. Палайфат (? 31) описывал его жителей как имевших много золота. Однако наиболее подробное описание Керне, составленное в IV в. до н. э. Псевдо-Скилаком (Перипл, 112), ничего не

сообщает о золоте. Он повествует, как финикийцы торговали с "большим городом эфиопов", расположенным на материке напротив Керне. Они привозили благовония, "египетский камень" (фаянс?) и керамику из Аттики и обменивали их на шкуры, слоновую кость и вино. О местонахождении Керне ученые спорят. Р. Мони выдвинул сильные аргументы в пользу Могадора, где существовало пуническое ремесленное производство⁴⁴. Но, по мнению Ганнона, Керне находился на том же меридиане, что и Карфаген, так как он был примерно на таком же расстоянии от Геркулесовых Столпов, а это заставляет нас поместить остров намного дальше на юг. Возможно, им был Херне, археологические раскопки на котором должны помочь разрешить вопрос.

Торговля с западноафриканским побережьем прекратилась в римское время. Возможно, последний намек на это мы встречаем у Калия Антипатера (примерно 120 г. до н. э.), который встретил человека, плававшего "с целью торговли" из Испании в Эфиопию⁴⁵. Может быть, он и плавал, а под "Эфиопией" подразумевалась Западная Африка. Конец торговли был вызван разрушением пунических колоний вдоль побережья фарусиями и нитритами, которое было отмечено Офелом⁴⁶.

Было бы вполне разумно, если бы карфагеняне, как и португальцы позднее, узнав о западноафриканском золоте благодаря сухопутной торговле, решили добраться морем туда, где его добывают, чтобы избавиться от посредников. Действительно, плавание Ганнона труднообъяснимо, если он не имел оснований считать, что должен был найти нечто, представляющее торговую ценность. Это должно было быть золото, так как шкуры и слоновую кость можно было достаточно легко достать к северу от пустыни. В то же время нет никаких сведений о сухопутной торговле золотом в пуническое время. То, что известно о римской эпохе, свидетельствует, что, если и существовала тогда торговля золотом, она проходила через Западную Сахару. Во время раскопок в Феццане не было обнаружено золотых предметов⁴⁷. Страбон, однако, сообщает, что мавры носили золотые украшения (XVII. 3, 7). Нетрудно предположить, что их золото могло пересечь Сахару. Нерегулярные транссахарские связи на западе подтверждаются находкой двух римских монет (58 г. до н.э. и 2 г. до н.э.) в Рассеремте в Мавритании⁴⁸. Кроме того, сам Страбон (цит. отрывок) отмечал, что "фарусии⁴⁹ очень редко общаются через пустыню даже с маврусиями (маврами), причем привязывают под брюхо лошадей меха с водой; иногда они проходят даже в Цирту через болотистые места и озера". Для того чтобы попасть в Цирту, они должны были пройти через ущелье в Бискре и озерную систему Шотт. Если фарусии действительно доставляли золото в Цирту, это должно было вдохновить пунические экспедиции на западное побережье, и, если пунические мореплаватели сделали ненужным посредничество фарусиев в торговле золотом, становятся понятными причины их нападений на пунические колонии. Разумеется, все наши построения исключительно гипотетичны. Но по крайней мере ясно, что торговля золотом через Западную Сахару установилась до прибытия арабов. Когда арабы достигли Суса в 734 г. н. э., они сразу же совершили рейд через пустыню в землю чернокожих и вернулись оттуда с большим количеством золота⁵⁰. Первое упоминание о западносахарской торговле золотом мы встречаем у аль-Фазари, который в 773 г. назвал Гану "страной золота"⁵¹.

[Гараманты и транссахарская торговля в античное время](#)

Примечания:

43. Gsell S., IV, 139.

44. Mauny R. Cerne, l'île de Herne, et la question des navigations antiques sur la cote ouest-africaine. - Conference Internationale des africanistes de l'Ouest, IVe Conference (Fernando Po, 1951). Vol. II, 73-80.
45. Плиний. II. 169.
46. Страбон. XVII, 3, 3.
47. При раскопках памятника Тин-Хиннан был обнаружен ряд золотых предметов (см. примеч. 93).
48. Mauny R. Monnaies anciennes trouvees en Afrique au sud des limes de l'empire romain. - C. I. A. O. IV. (1951). Vol. II, pp. 51-70.
49. Точная локализация фарусиев неизвестна: Страбон (XVII, 3,3) говорит, что они находятся в тридцати днях пути от Ликса; Плиний (V. 43) пишет, что они отделены пустыней от гетулов на севере и "обширными безлюдными пространствами" от гарамантов на востоке.
50. Mauny R. Tableau géographique, 300.
51. Trimingham I. S. A History of Islam in West Africa. Cambridge, 1962, 48.

Гараманты и Рим

Карфаген, разгромленный Римом в 202 г. до н. э., был слишком ослаблен, чтобы сохранить контроль над своими эмпориями. В 162/1 г. до н. э. они были захвачены царем Нумидии Масиниссой⁵², а вскоре попали в сферу римских интересов. В 111 г. до н. э., в период войны между Римом и царем Нумидии Югуртой, Лептис Магна порвал с ним и перешел на сторону Рима⁵³.

Приобретение Римом эмпорий вызвало его контакты с гарамантами. Торговля, процветавшая в пуническое время, не была восстановлена. Попытки римлян установить мир и порядок в Северной Африке привели к серии войн с жителями пустыни, Л. Корнелий Бальб, проконсул Африки в 21-20 гг. до н. з., прославился своим походом в страну гарамантов. Плиний перечисляет места, захваченные Бальбом (V. 36-7). Некоторые из них находились, по-видимому, в Южной Нумидии, в земле гетулов⁵⁴, но Бальб также через Цидам (Гадамес) проник в глубь пустыни и взял Гараму (Джерму), столицу гарамантов. Разумеется, постоянной оккупации не было, цель кампании заключалась в наказании и устрашении воинственных обитателей Сахары⁵⁵.

Анри Лот⁵⁶ выдвинул точку зрения, согласно которой Бальб пересек Феццан и, следуя "дорогой для колесниц" через Тассили, дошел до Нигера. Лот идентифицировал "Аласи" из списка Плиния с Илеси (берберское название Форт-Полиньяка), "Балсу" с Абалессой в Хоггаре, а реку "Дазибари" с "Да Иса Бари" (Великой рекой Да), сонгайским названием Нигера. Разумеется, все это - лишь догадки. Например, идентификацию Абалессы можно не учитывать, так как правильное написание слова у Плиния было, по-видимому, "Балла"⁵⁷. Кроме того, совершенно невероятно, чтобы Бальб мог дойти так далеко.

Несмотря на поражение, гараманты продолжали доставлять беспокойство. П. Сульпиций Квирий (правда, мы не знаем, когда точно это происходило)⁵⁸ воевал и нанес поражение гарамантам, выступившим в союзе с мармаридами Киренаики⁵⁹. Позднее гараманты

поддержали мятежника Такфарината. В 22 г. н. э. они помогали ему совершать набеги на Лептис Магна⁶⁰, а в 24 г. царь гарамантов даже послал небольшие отряды на помощь Такфаринату⁶¹. Однако после его поражения и смерти в том же году гараманты направили посольство в Рим с просьбой о мире⁶². Это был мир, который они не собирались поддерживать, и по-прежнему совершали грабительские набеги на прибрежные города. "Гараманты - свирепое племя, своими набегами наводившее ужас на соседей", - писал о них Тацит⁶³. Если их пытались преследовать, они отступали в пустыню и при отходе засыпали колодцы⁶⁴. В 69 г. они вмешались в события на побережье, поддержав Эю в ее войне с Лептис Магна. Они опустошили окрестности Лептиса, но были отброшены от города Валерием Фестом⁶⁵. По-видимому, римляне предприняли новый поход в Феццан, так как Плиний (V. 38) сообщает, что в ходе этой войны был обнаружен новый, более короткий путь к гарамантам. Знание внутренних районов, приобретенное в ходе этих кампаний, было зафиксировано Плинием, писавшим в 77 г. н. э.⁶⁶ Из его описаний мы можем получить некоторое представление о существовавших в то время дорогах на юг Феццана. В одном отрывке (V. 26) он довольно неопределенно говорит о дороге, которая вела от Малого Сирта (залив Габес) через "обширные пустыни" (Великий восточный эрг) к гарамантам. Другой отрывок (V. 34-6) более точен. Исходная точка Плиния - не упоминавшиеся прежде аманты, локализованные в 12 днях пути к западу от Большого Сирта (залив Сирта), где они "окружены песками на западе", т. е. восточным краем Великого восточного эрга. От амантов надо идти 7 дней на юго-запад через пески к трогодитам (примеч. сост. - Р. Лоу настаивает на том, что у Плиния речь идет о "трогодитах", а не "троглодитах", как обычно считается.), с которыми римляне торговали карбункулами. Путешествие на юго-запад из указанного района должно было привести путника (хотя и больше чем за 7 дней) в горы Тассили-Аджер, где жили трогодиты Плиния. Эта дорога должна была проходить через Гадамес. И действительно, Плиний продолжает: "Между ними [амантами и трогодитами] находится Фазания, обращенная к упомянутым пустыням Африки [Великий восточный эрг], выше Малого Сирта, где живет племя фазанийцев, города которых Алеле и Киллибу мы покорили, равно как и Цидам..." Из этих названий "Цидам" - Гадамес, "Фазания" звучит как "Феццан", и неоднократно высказывалось мнение, что страна гарамантов (находившаяся в Феццане) в древности была известна как "Фазания"⁶⁷. Оно ошибочно: у Плиния Фазаний и гараманты отчетливо различаются⁶⁸. Если "Фазания" то же самое, что и "Феццан", то следует признать, что локализация термина изменилась. Плиний продолжает: "От них с востока на запад на большом расстоянии тянется горный хребет, называемый римлянами Черным (Ater) из-за (его) внешнего вида..." Была попытка идентифицировать Mons Ater с Джебель Сода, что тоже означает (по-арабски) "Черная Гора". Но она расположена не там, где указывал Плиний, т. е. непосредственно к востоку от Гадамеса. "Mons Ater" должна быть каменистым плато хамада аль-Хамра, которая тянется с востока от Гадамеса до Джебель Сода. За Mons Ater лежит "пустыня" (Убари), затем "Телги - город гарамантов, Дебрис и знаменитый город Гарамы (Джерма) - столица гарамантов".

Дорога Плиния проходит от залива Габес к Гадамесу. Это все та же Геродотова дорога, северная оконечность которой находилась рядом с Гигтисом. Плиний сообщает о "Цидаме в области Сабраты" (V. 35), что говорит о наличии дороги северо-восточного направления из Сабраты в Гадамес. Из Гадамеса путник мог идти либо на юго-запад в Тассили-Аджер, либо на юго-восток через хамада аль-Хамра, вероятно в Эдри, либо на юг через Убари в Гараму (Джерму). Дорога, открытая в 69 г. н. э., была короче на 4 дня ("compendium quadridui"). Она была известна как путь "мимо скальной вершины" ("iter praeter caput saxi")⁶⁹. К сожалению, до сих пор ее не представлялось возможным точно идентифицировать, - может быть, это была прямая дорога через хамада от Гериа до Эдри.

После 69 г. н. э. мы хуже информированы об отношениях Рима с гарамантами. Птолемей (писавший примерно в 140 г. н. э.) заимствует два эпизода у Марина Тирского (I. 8, 4). В первом случае рассказывается, как Септимий Флакк вышел со своей армией из Ливии в страну гарамантов, пересек ее и три месяца шел на юг к "эфиопам". Это похоже на новый поход с целью устрашения, и Септимий Флакк был, возможно, тот самый Флакк, подавивший примерно в 86 г. восстание насамонов⁷⁰, которым, может быть, помогали гараманты. Трудно оценить, как далеко на юг Флакк мог дойти за три месяца: ему не надо было идти так уж долго, чтобы встретить "эфиопов", т. е. тубу. Вторая история более занимательна: "Юлий Матерн (из Лептис Магна)... отправился из Гарамы вместе с царем гарамантов, выступившим в поход против эфиопов, и после четырехмесячного пути, во время которого он продвигался только в южном направлении, прибыл в эфиопскую землю Агисимба, где собираются носороги". Присутствие носорогов показывает, что Матерн пересек пустыню и дошел до Судана. Неясно, что он делал в Гараме: был ли он купцом, или солдатом, или дипломатом, или добровольным путешественником. В рассказе отмечено, что между Римом и гарамантами в то время были мирные отношения. Действительно, Птолемей утверждает (I. 10, 3), что в его дни многие путешествовали из Лептиса в Гараму, он говорит о двух дорогах, в тридцать и двадцать дней пути. Возможно именно о них писал Плиний. Птолемей указывает (6.30) названия семи городов в Сахаре. Некоторые из них можно узнать: Гараму, Себху, и, вероятно, Бир Геланию. И Эдри.

В начале III в. у римлян были серьезные трудности. Септимий Север (197-211) был вынужден вести кампанию против очень воинственных племен, угрожавших Триполису⁷¹; в их состав могли входить гараманты. В этом контексте становится понятным создание пограничного вала Триполитании (Tripolitanus)⁷². Таким образом, постоянная система обороны заменяет старую политику усмирения сахарских племен с помощью периодических рейдов устрашения. В пустыне за линией пограничного вала были построены еще три крепости⁷³, представлявшие собой передний рубеж римского присутствия в Сахаре. В Гадамесе следов самой крепости не сохранилось, но надписи подтверждают наличие гарнизона при Септимии Севере и Каракалле (212-217) и строительных работ при Александре Севере (222-235). В Гериат аль-Гарбия сохранилась крепость, построенная при Александре Севере в 230-235 гг. и расширенная при Гордиане III (238-244); в Бу Нджеме еще при Септимии Севере в 201/2 г. была построена крепость меньших размеров. Во второй половине III в. эти крепости были, по-видимому, либо покинуты, либо перешли под контроль местных племен. О том, что контакты с римским миром не прерывались, говорят находки монет IV в. в Гадамесе⁷⁴. Даже в VI в. у жителей Гадамеса был договор с римлянами⁷⁵.

По всей видимости, в задачу трех крепостей входило наблюдение за южными дорогами и обеспечение безопасности прохода по ним караванов. Гадамес охранял самую старую дорогу от Гигтиса или Сабраты, Гериа - самую короткую, прямую дорогу через хамада до Эдри, возможно открытую в 69 г. н.э. Наиболее северной точкой этой дороги была Эя. Римская дорога, проложенная, по крайней мере, на части пути от Эй до Гериа, была впервые размечена при Каракалле в 216 г. Многочисленные верстовые камни сохранились между Гарьяном и Миздой⁷⁶. От Бу Нджема дорога должна была идти на юг к оазису Джофра⁷⁷ через Джебель Сода и на юго-запад к Джерме через Себху. Дорога на Бу Нджем, по-видимому, выходила из Лептиса или Тубакта.

Римские отношения с гарамантами также документированы находками итальянских археологов в Феццане⁷⁸. Их особое внимание было сосредоточено на долине вади аль-Аджаль, которая тянется на восток через Джерму и ограничена песками Убари на севере и хамада Мурзук на юге. Там должна была быть родина гарамантов. Археологические находки были разделены на три категории. Они говорили: 1) о существовании в древности

ирригации римского типа, 2) о присутствии римлян, 3) о наличии товаров, ввозившихся из Рима.

В южной части вادي была обнаружена система ирригационных каналов и подземных галерей для накапливания и хранения воды. Ее не представляется возможным датировать, но она, вероятно, была создана по образцу римской ирригационной системы на побережье.

Вилер даже предполагает⁷⁹, что римляне предоставили гарамантам своих инженеров для ее строительства, надеясь их превратить таким образом из беспокойных кочевников в послушных оседлых земледельцев. По его мнению, здесь "политическая деятельность (как часто бывает и в наши дни) была облечена в форму технической помощи"⁸⁰.

О присутствии постоянно проживавших римлян свидетельствует знаменитый гарамский мавзолей, гробница, построенная в римском стиле. Его архитектурные особенности, а также черепки римских глиняных ламп и керамики вместе с осколками стеклянной посуды, обнаруженные внутри, указывают на то, что он был построен около 100 г. н.э. Рядом с ним были найдены два кремационных захоронения, в которых находились римские амфоры I и II вв. Обычным способом погребения в Феццане было предание тела усопшего земле, поэтому обнаружение кремаций по соседству с мавзолеем подтверждает то, что подсказали нам архитектурные особенности памятника. Вполне очевидно, что мы имеем здесь дело с пришельцами из римского мира. Раньше мавзолей считался уникальным, однако в ходе недавних раскопок в Феццане удалось обнаружить фундаменты еще по крайней мере двух памятников такого типа⁸¹. По-видимому, они принадлежали купцам, хотя некоторые считают, что в Гараме было нечто вроде римского "консулата", а по мнению Вилера, как мы видели, там была миссия технических советников в связи с ирригационными работами в Феццане.

При раскопках "местных" памятников были также найдены римские изделия. На различных кладбищах Джермы, на кладбище в Харайге, расположенном в трех милях к востоку, и на кладбище в Абьяде в 100 милях к востоку вдоль по вادي, везде были обнаружены римские изделия: глиняные лампы, керамика, стеклянная посуда и амфоры. Их датировка варьировала между I и IV вв. За пределами вادي аль-Аджаль на кладбище в Гате было найдено римское стекло III в.

Все эти находки указывают на наличие регулярного ввоза римских товаров с конца I по IV в., с возможным пиком в III в. Это вполне соответствует тому, что мы знаем об отношениях между Римом и гарамантами из других источников. Начало торговли в конце I в. может быть связано с установлением дружественных отношений, подразумеваемых рассказом о Матерне, а пик III в. приходится на период деятельности Септимия Севера и его преемников по обеспечению безопасности дорог в Феццане⁸². Упадок торговли после IV в. обусловлен, разумеется, крушением римского владычества в Северной Африке.

С севера гараманты ввозили прежде всего стекло, во-вторых, керамику и лампы, а также амфоры, наполненные маслом и вином. Наличие других предметов ввоза может быть подтверждено раскопками. Так, в одном захоронении в Джерме была найдена крашенная шерстяная ткань, возможно кошелек⁸³. Несомненно, он был привезен с севера и изготовлен в одной из мастерских побережья⁸⁴.

По-видимому, характер вывоза изменился по сравнению с пуническим временем. Разумеется, торговля карбункулом продолжалась, но и слоновая кость для Римской империи стала важным товаром. У нас есть косвенные, но убедительные свидетельства⁸⁵.

Трудно себе представить возведение статуи слона на главной улице Лептиса, если слоновая кость не была коммерчески важным товаром для города. Надписи говорят, что по крайней мере два горожанина могли в качестве подарков преподнести слоновые бивни. Другая надпись упоминает о показе (*ferae dentatae guattuor vivae*) - по-видимому, слонов во время игр в Лептисе. Эти слоны могли быть живыми доставлены по транссахарскому тракту⁸⁶, но слова надписи говорят, что такое случалось редко. Ни один античный автор не сообщает о том, что гараманты торговали слоновой костью, хотя Лукиан (Жаждни, 2) рассказывает о гарамантах, охотящихся на слонов на далеком юге. Главная причина увеличения транссахарской торговли слоновой костью состоит, разумеется, в том, что исчезли слоны в Северной Африке и Сирии. В I в., как сообщает Плиний (VIII. 7), приток слоновой кости (за исключением индийской) настолько иссяк, что охотники были вынуждены разрезать кости слонов на слои с целью замены.

Другая статья вывоза гарамантов - рабы - хорошо известна. В североафриканских городах в римское время встречались чернокожие рабы⁸⁷. Они могли быть привезены из Египта или Феццана, но по крайней мере в одном случае гарамантское происхождение раба указано отчетливо. Позднеримский поэт из Хадрумета писал:

faex Gamamantarum nostrum prossit in axem,
et piceo gaudet corpore verna niger
guem nisi vox hominem labris emissa sonaret,
terrere visu horrida larva viros.
dira, Hadrumeta, tuum rapiant sibi Tartara monstrum!
Custodem hunc Ditis debet habere domus.⁸⁸

(Перевод: Грязь наших гарамантов дошла до оси, и черный раб радуется своему черному, как смола, телу. Если голос, выходящий из губ, не был бы человеческим, люди содрогались бы при виде этого призрака. Может быть, Тартар, о Хадрумет, возьмет это чудовище себе! Дом Плутона сделал бы его своим стражем.)

Таким образом, в Хадрумете было возможно получать черных рабов у гарамантов, но эпиграмма в то же время дает понять, что это не было обычным делом. Высказывались предположения, что другими предметами вывоза могли быть финики, натрон, цибетин*, амалонит (из Тибести), дичь и шкуры, но об этом мы ничего не знаем.

*. Цибетин - ароматическое вещество, вырабатываемое железами виверры или циветты (млекопитающих из семейства виверровых отряда хищных). По облику похожи на представителей семейства куньих. Распространены в Южной Азии, Африке и Юго-Западной Европе (примеч. сост.).

Гараманты и транссахарская торговля в античное время

Примечания:

52. Полиций. XXX, 2.

53. Саллюстий. Югурта. 77, 2.

54. См. особенно: Desanges P. Le triomphe de Cornelius Balbus.- Revue africaine. 1957, 5-43.

55. Характер римских военных действий в пустыне хорошо отражен в описании Оросия войны с гетулами 6 г. н. э. (VI, 21, 18): "Gaetulorum latius Vagantes Cossus... artatis finibus coercuit atque a Romanis limitibus metu compulsi".
56. Lhote H. L'expédition de Cornelius Balbus au Sahara en 19 av. J.-C. d'après le texte de Pline.-Revue Africaine. 1954, 41-83. Тезисы этой статьи оспаривает П. Дезанж (примеч. 54).
57. Вариантами являются "Балса" и "Балла": так как предыдущее название - "Галса", то более вероятным является то, что правильное название - "Балла", а не "Балса".
58. Надпись из Кирены (S. E. G. IX. 63) прославляет окончание Мармарийской войны во 2 г. н. э.; но с этой датой возникают трудности из-за несоответствия с хронологией карьеры Квирина, и поэтому Р. Сайм датирует ее 15 г. до н. э. (Syme R. The Roman Revolution. Oxf., 1939, 399, No 1).
59. Florus. II, 31.
60. Тацит. Анналы. III. 74.
61. Там же. IV. 23.
62. Там же. IV. 26.
63. Тацит. История. IV. 50.
64. Плиний. V. 38.
65. Тацит. История. IV. 50.
66. Главным источником Плиния, по-видимому, был отчет о кампании Бальба (ср. V. 36).
67. Например: Bovill E. W. The Golden Trade of the Moors, 34.
68. Птолемей также помещал "Фазанию" где-то в Африке (IV, 7, 28), но ее локализация отличается крайней неопределенностью.
69. Плиний. V. 38.
70. Zonaras. XI. 19.
71. Victor. Caesares. 20, 19; Scriptorum historiae Augustae. Severus. 18. 3.
72. Goodchild R. G. and Ward Perkins J. B. The "Limes Tripolitanus" in the light of recent discoveries. - Journal of Roman Studies. 1949, SI-95.
73. Goodchild R. G. Oasis forts of Legio III Augusta on the routes to the Fezzan. - Papers of the British School at Rome. 1954, 56-68.
74. Manny R. Monnaies anciennes. В Гадамесе есть двуязычные надписи на латинском и ливийском языках, сделанные на надгробных памятниках (Reynolds J. M. Three inscriptions from Ghadames in Libya. - P. B. S, R. 1958, 135-136).

75. Procopius. De aedificiis Dn. Iustiniani VI. 3, 11.
76. Goodchild R. G. Roman Roads and Milestones in Tripolitania. Tripoli, 1948, 14-20, 29.
77. Находки древних монет зарегистрированы в Ваддане и в оазисе Джофра (Mauny R. Monnaies anciennes).
78. Pace G., Sergi S., Caputo G. Scavi Sahariani. - Monumenti Antichi, 1951, coll. 151-552; Wheeler R. E. M. Rome Beyond the Imperial Frontiers. L., 1954, 97-107.
79. Wheeler R. E. M. Rome Beyond the Imperial Frontiers, 105-106.
80. Ibid., 178.
81. Согласно информации, любезно сообщенной автору О. Брogan.
82. См. Гзелл (Gsell S. I, 1913, p. 60, No 8) предполагает, что Северы ввели использование верблюда для путешествий через пустыню в Триполитании. Верблюды наверняка были известны и раньше, но их было немного вплоть до III в. (другая интерпретация фактов: Brogan O. The camel in Roman Tripolitania. - P. B. S. R., 1954, 126-131; Bovill E. W. The Golden Trade of the Moors, 39-43).
83. Monument; Antichi 1951, coll. 313-314. (figs. 106-7).
84. Ср.: Страбон. XVII. 3. 18 (Зухий); Плиний, IX. 127 (остров Джерба).
85. Aurigemma S. L'elefante di Leptis Magna e il commercio dell' avorio e delle "Libycae ferae" negli Emporia Tripolitani. - Africa Italiana. 1940, 67-86.
86. Известно, что слона доставили через Сахару в Марракеш в конце VI в. (Bovill E. W. The Golden Trade of the Moors, 184).
87. См.: Gsell S. I, 302, n. 2.
88. Anthologia Latina. Ed. F. Buecheler et A. Riese. Lipsiae, 1868, No 183.

Гараманты и юг

Товары, которыми гараманты торговали с севером, - слоновая кость, рабы, карбункулы - не были собственно феццанскими. Все они поступали с юга. Римляне мало что знали об этом участке транссахарской торговли. Римские купцы бывали в Гараме, но дальше на юг гараманты ходили сами. Очень редко случалось, когда отдельные римляне, как, например, Юлий Матерн, могли принять участие в южных экспедициях. Во всей литературе римского периода, затрагивающей гарамантов, есть только два отрывка, посвященные их путешествиям на юг. Лукиан (Жаждни, 2) рассказывает о том, что гараманты охотятся на далеком юге Ливии "обычно около зимнего солнцеворота, выждав время, когда Зевс надождит, зной в значительной мере погаснет, песок увлажнится и станет до известной степени проходимым. А охота здесь - на диких ослов, на страусов, похожих на огромных, бегающих по земле воробьев, а главным образом, на обезьян и изредка - на слонов". Второй отрывок - это уже цитировавшийся рассказ Птолемея (I, 8, 4) о путешествии Юлия Матерна через Сахару. Матерн сопровождал царя гарамантов в его походе против "эфиопов". За четыре месяца путешествия на юг от Гарамы "они дошли до эфиопской

земли Агисимбы, где собираются носороги". Птолемей добавляет любопытную деталь (I, 8, 5): оказывается, царь гарамантов был одновременно и царем эфиопов, на которых он напал. По-видимому, гараманты претендовали на определенное покровительство негроидным народам юга. "Агисимба" не поддается локализации. Птолемей сообщает названия пяти гор, которые он, как кажется, помещает в Агисимбу, а утверждение, что Агисимба была горной страной, побудило идентифицировать ее с Аиром или Тибести⁸⁹. Однако присутствие носорогов указывает скорее на саванну, чем на горную страну. Сегодня носороги не встречаются к западу от озера Чад⁹⁰, но в дни Матерна, возможно, было иначе. Если когда-либо гараманты и доходили до Чада, то в мусульманское время эти контакты, очевидно, прекратились. Когда арабы в 666 г. проникли в Феццан, они смогли дойти до Кавара, но там им не удалось узнать ничего серьезного о более южных землях⁹¹.

Действительно, археологические находки указывают, что гараманты все еще использовали старую "дорогу для колесниц", ведущую на юго-запад. Мы видели, что на кладбище Гата, расположенного на пути из Феццана в Тассили-Аджер, были обнаружены римские изделия. Вспомним, что, согласно Плинию (V. 34), путешественник выходил из Гадамеса, пересекал земли гарамантов и попадал в Тассили, где мог приобрести карбункулы, доставлявшиеся из "Эфиопии". Из Гадамеса он мог выбрать две дороги: на юг к Форт-Полиньяку и через Тассили по "дороге для колесниц" или на юго-запад к Форт-Флаттерсу и вокруг западного края Тассили. Находки древних (по-видимому, римских) монет подтверждают использование обеих дорог. Их нашли в Форт-Полиньяке и Дидере в Тассили на первой дороге и около Форт-Флаттерса на второй⁹².

Дальше вдоль "дороги для колесниц" римские предметы были найдены в Абалессе на юго-западе Хоггара⁹³. На древнем кладбище Абалессы стоит полуразвалившееся овальное каменное строение. Согласно традиции, это - гробница Тин Хиннан, прародительницы благородной касты туарегов Хоггара, пришедшей в Хоггар из Тафилалета (Южное Марокко) в доисламское время. Однако строение отчетливо напоминает крепость, и есть другая традиция, согласно которой эту крепость построил "римлянин" (руми) Джолута. Когда мусульмане пришли в Хоггар, Джолута бежал в эс-Сук, затем вернулся оттуда с отрядом и погиб во время битвы в Хоггаре. Тин Хиннан заняла его место позднее.

В ходе раскопок строения были обнаружены одна римская глиняная лампа и куски другой. Под полом одной из комнат, покрытым каменными плитами, была найдена небольшая погребальная камера со скелетом женщины, по-видимому, Тин Хиннан. Она была богато украшена золотыми и серебряными браслетами, золотыми подвесками и бусами из серебра, агата, амазонита, сердолика, халцедонита, сурьмы и стекла. Рядом со скелетом были обнаружены различные предметы, включая золотое кольцо, два золотых шарика, куски золотого листа с отпечатками монет Константина I (306-337) и осколки римской стеклянной посуды III-IV вв.

Находки золотых и серебряных предметов в гробнице представляют интерес. Серебро могло попасть сюда благодаря гарамантам из римского мира или (что более вероятно, ввиду происхождения Тин Хиннан из Тафилалета) из Тамедельта в Южном Марокко. Золото, по-видимому, доставлялось из Судана вверх по Нигеру и по "дороге для колесниц". Стекло и отпечатки монет указывают на то, что Тин Хиннан была похоронена в IV в. Само строение было возведено раньше: лампы свидетельствуют о III в. Кажется вероятным, что оно было построено, возможно, гарамантами для контроля и охраны дороги на юго-восток, ведущей к эс-Суку и Нигеру. Может быть, оно было возведено по примеру римских крепостей в Гадамесе, Герии и Бу Нджеме.

Дальше вдоль "дороги для колесниц" римские монеты были найдены в Ти-м-Миссао⁹⁴. В Судане не было обнаружено ничего⁹⁵. Возможно, что-нибудь удастся найти в ходе последующих раскопок, а возможно, и нет. Но это негативное свидетельство еще не говорит о том, что у гарамантов никогда не было регулярных связей с Суданом. Во-первых, их отношения с Суданом были скорее грабительские, чем коммерческие. Геродот и Лукиан сообщают, что гараманты брали черных рабов и слоновую кость безвозмездно. Во-вторых, за товары, приобретаемые у других, - может быть, карбункулы и золото в Абалессе - они могли расплачиваться сырьем, не оставляющим никаких следов для археологов, - прежде всего солью, может быть, продуктами питания (финиками и зерном) и металлами, например медью. Возможно, негроиды не имели еще достаточно сильных царств для того, чтобы требовать свою долю в транссахарской торговле в форме, скажем, привозных предметов роскоши. Однако, при наших сведениях на сегодня, даже если мы не хотим полностью отрицать, что гараманты когда-либо торговали с Суданом, мы не можем утверждать, что эта торговля была значительной или важной. Трудно обнаружить, какой вклад могли внести гараманты в развитие суданской цивилизации⁹⁶. Самое большее, что о них можно сказать, это то, что они были пионерами транссахарской торговли.

Гараманты и транссахарская торговля в античное время

Примечания:

89. Например, Эдвард Бовилл идентифицирует Птолемеевы Бардитон и Месхи с Бардаи и Миски в Тибести (The Golden Trade of the Moors, 40).

90. Mauny R. Tableau géographique, 265.

91. Ibid., 435.

92. Mauny R. Monnaies anciennes.

93. Reygasse M. Monuments funéraires préislamiques de l'Afrique du nord ! (P., 1950), 88-117; Wheeler R. E. M. Rome Beyond the Imperial Frontiers, 107-111.

94. Mauny R. Monnaies anciennes.

95. Монета Константина была найдена в Буэ (Камерун) (Bovill E. W. The Golden Trade, 41).

96. Возможно, с ними связано начало употребления предметов из железа в Западной Африке. Ср.: Mauny R. Essai sur l'histoire des métaux en Afrique occidentale.- B. I. F. A. N. 1952, 545-595, против этого возражает P. Huard (см.: Huard P. Contribution; a l'étude du cheval, du fer, et du chameau au Sahara occidental. I. Le fer.-Bull. I. F. A. N. 1960, 134-178).

Византийский период

Римский порядок в Северной Африке был подорван набегами кочевников и берберскими восстаниями во второй половине IV в. и окончательно разрушен вторжением вандалов во главе с Гейзерихом в 429 г. После смерти Гейзериха в 477 г. государство вандалов, в свою очередь, стало распадаться, и в результате последовала серия берберских восстаний. В

Триполитании в начале VI в. возникает независимое берберское царство леуатаев⁹⁷. Углубление хаоса приостановили византийцы. В 533 г. Юстиниан послал Велизария отвоевывать Северную Африку. Вандалы были быстро уничтожены, но берберы сопротивлялись восстановлению римского владычества и были покорены только Иоанном - в 546-548 гг.

Мир был восстановлен, и контакты с жителями пустыни могли быть продолжены. Теперь христианство проникает в Сахару.*

Прокопий, писавший примерно в 559 г., отмечает, что Юстиниан обратил в христианство жителей Ауджилы⁹⁸ и Гадамеса⁹⁹. В 569 г. гараманты сами принимают христианство¹⁰⁰. Несомненно, через гарамантов некоторые элементы христианской культуры перешли к туарегам. Мы имеем в виду моногамию, использование библейских имен, таких, как Самуил, Давид, Саул, и некоторых слов христианского происхождения: меси (бог), анджелус (ангел), абеккад (грех) от *ressatum*, афаско (весна) от ?????¹⁰¹. Возобновление торговли с гарамантами подтверждается находками протовизантийской керамики (VI и VII вв.) в захоронениях Феццана¹⁰². Византийское влияние заметно в Завиле, средневековой столице Феццана, где сохранились прочная городская стена и гробница с куполом, построенная в византийском стиле¹⁰³.

Упадок византийского владычества в Северной Африке начался еще до нападения арабов после 639 г. В 666 г. арабские силы вторглись в Ливию. Их передовой отряд пересек пустыню, взял Ваддан и Джерму и дошел до Кавара.¹⁰⁴

Так, по-видимому, погибла государственность гарамантов.

*. В VI в. о гарамантах писали североафриканский латинский поэт Корипп, византийский космограф и путешественник Косма Индикоплов (отмечавший у них "множество монахов, священников и церквей") и сирийский автор Иоанн Бикларский, считавший 569 год годом их обращения в христианство. Согласно Кориппу, гараманты участвовали в войнах берберов против Византии (примеч. отв. ред. Ю. М. К.).

[Гараманты и транссахарская торговля в античное время](#)

Примечания:

97. Procopius. De Bello Vandalico. I. 8; cp. II. 21.

98. Procopius. De aedificiis Dn. Iustiniani. VI. 2. 18-20.

99. Ibid. VI. 3. 9-10.

100. Trimingham J. S. The History of Islam, 15, n. 1.

101. Ibid.; Bovill E. W. The Golden Trade, 51-52.

102. Особенно на кладбище в Таглите (Monumenti Antichi, 1951. coll. 381-384).

103. Ibid., coll. 416-419.

Наскальное искусство Феццана

В. Б. Мириманов (из книги "Гарамантида (африканская Атлантида)")

В исследованиях, посвященных гарамантам, прежде всего обычно упоминается о наскальных изображениях колесниц в Сахаре. Напомним, что колесница является одним из наиболее распространенных сюжетов наскального искусства эпохи бронзы. В умеренном поясе ее изображения высечены на бесчисленных скалах от Мавритании и Сахарского Атласа до низовьев Амура и пустыни Гоби. Обычно это примитивная схема, на которой каждый предмет изображен в наиболее репрезентативном ракурсе: колеса и животные — в профиль, человек — фронтально, колесница — вид сверху. Изображения этого типа существуют и в Центральной Сахаре. Однако кроме них здесь сохранились также другие, реалистические изображения, где композиция, пропорции, пространственная перспектива, движение, присутствующие здесь, имеют целью создание художественного образа. В некоторых специфических особенностях стиля этих рисунков можно усмотреть элементы, напоминающие об эгейской художественной культуре. По объективным же стилистическим показателям (мера условности) этот тип изображений колесниц, принадлежащий начальной фазе «Периода лошади», очень близок к заключительному этапу предыдущего — «скотоводческого периода».

С точки зрения наскальных изображений Сахары, и в частности Феццана, гараманты видятся как звено в цепи сменяющих (порождающих) друг друга этнокультурных феноменов. Несмотря на все своеобразие, эти феномены сохраняют определенную преемственность как в антропологическом, так и в культурном отношении.

В этом смысле (и только в этом) современные туареги, тубу и некоторые другие этнические общности Центральной Сахары наследуют гарамантам; точно так же в свое время гараманты явились продуктом распада более древней местной культуры, увековечившей себя в монументальных петроглифах Феццана.

Думается, что традиционно сложившийся стереотип, связывающий возникновение гарамантского социума с появлением в Сахаре верховой лошади и колесницы, может вводить в заблуждение, поскольку становится все более очевидным, что в данном случае речь идет всего лишь об одном, хотя и достаточно важном, но относительно позднем из компонентов (возможно, эгейского происхождения), составляющих гарамантскую общность. На хронологической шкале наскального искусства Сахары «Период лошади» датируется серединой II тысячелетия до н. э. — первыми веками н. э. Это время упадка древней охотничье-скотоводческой цивилизации Сахары, один из сохранившихся очагов которой послужил ядром гарамантского социума, до конца сохранившего как скотоводческие, так и ярко выраженные охотничьи черты.

Дата открытия первых памятников наскального искусства в Феццане — 6 июля 1850 г. В этот день знаменитый немецкий путешественник Г. Барт, пересекавший эрг Мурзук в

районе Тель Иссаген, заметил высеченные на скалах контурные изображения животных. В 1914 г. К. Цоли сообщил о группе петроглифов в пункте Макнуса, расположенном в нескольких десятках километров севернее Тель Иссагена.

В 1932 г. в Феццане работала экспедиция Лео Фробениуса. Сотни сделанных этой экспедицией копий и фотографий петроглифов и живописи были опубликованы в 1937 г. В последующие годы в Феццане и других районах Ливии работали специальные экспедиции Итальянского географического общества (1933), Ливийского Музея естественной истории (1938), а также экспедиция П. Грациози (1939). В тот же довоенный период (1933) Л. Капориаццо была открыта живопись в районе Эль Уэннат (пункт Айн Доуа). Этот район был обследован в 1934—1935 гг. Фробениусом и в 1937—1938 гг. — Винклером, чьи экспедиции обнаружили здесь новую группу живописи и петроглифов в пункте Каркур Талах.

После Второй мировой войны стали поступать сообщения о новых археологических открытиях в Феццане и других районах Ливийской пустыни и Триполитании (экспедиции У. Парадизи, Л. Лечи, Ф. Мори и др.). Одно из крупных открытий в Феццане было сделано Фабрицио Мори в 1955—1959 гг. В районе Акакуса (пункты Уан Амил, Тагцельт и др.) он обнаружил интереснейшие полихромные росписи. Зимой 1962 г. новая экспедиция П. Грациози провела большую работу в Феццане и прилегающих районах. Результатом этой экспедиции явились превосходные цветные и черно-белые фотокопии живописи и петроглифов Феццана, которые были опубликованы в следующем году (Graziosi P. *Rock Art in the Libyan Sahara*. Firenze, 1962).

Петроглифы древнейшего — охотничьего периода сохранились в Сахаре в нескольких районах. В большинстве случаев это отдельные изображения. Только в Феццане, на территории эрга Мурзук, сохранился громадный ансамбль петроглифов, относящихся к разным фазам охотничьего, а также пастушеского периодов.

В сюжетном отношении в искусстве Феццана нет почти ничего такого, что не встречалось бы в наскальном искусстве других районов Сахары. Кроме слонов, носорогов, буйволов, бегемотов, здесь широко представлены изображения жираф, антилоп, страусов, быков. Встречаются фигуры львов, пантер, крокодилов. Разнообразны человеческие изображения.

Древнейшие петроглифы Феццана — это большие по размерам, монументальные по стилю и совершенные по техническому исполнению изображения крупных диких животных: буйволов, слонов, носорогов, бегемотов, жираф. Стиль этих изображений отличает художественное осмысление натуры: выделение наиболее характерных деталей, особые художественные приемы, едва заметный элемент стилизации.

Типичны для этого стиля крупные (более 2 метров) изображения слонов. Сравнивая их, легко заметить, что при одинаковом в целом уровне мастерства и сохранении единообразия в технике исполнения каждая фигура имеет отчетливо выраженные индивидуальные черты. Это искусство, сохраняющее тесную связь с натурой, обладает конструктивной точностью анатомически правильного рисунка. Техника как бы органически вытекает из стиля, создавая подлинно художественный эффект. Приемы передачи пространственной перспективы, движения крайне лаконичны и выразительны.

Иногда они напоминают технику мозаики или витража, где так же, как и в резьбе по камню, необходимы строгая четкость и лапидарность.

Изображения выполняются почти исключительно контурной линией. В лучших рисунках этого стиля линия контура на всем протяжении остается живой и напряженной. Каждая пядь линии врезает выявляет особенности силуэта. Поверхность внутри контура обработана очень скупой и тем не менее создает впечатление объемности. У слонов из Ин Галгуиен на фоне общего силуэта обозначена линия живота, пересекающая отставленную назад левую ногу, а также — складки у внутренней стороны бедра и предплечья; три-четыре параллельных штриха отмечают глубокие морщины на шкуре животного, в остальном фон силуэта остается нетронутым. При этом уши слонов прорисованы крайне старательно: вся поверхность внутри контура, очерчивающего ухо слона, покрыта густой сетью перекрещивающихся под прямым углом линий. В одних случаях эти линии прямые, в других волнистые. Короткие изогнутые бивни иногда отшлифованы. Эта шлифовка бивней, так же как и светотеневая разработка ушей, а иногда и хобота, свидетельствует об особом внимании к фактуре. И тем, и другим художник, видимо, стремился достичь в прямом смысле осязаемого сходства с оригиналом.

Технически несколько проще изображения слона из Эль Аурер, бегемота из Ин Галгуиен и охотничьих сцен с носорогами из Эль Аурер и Матенду. Они не имеют ни шлифовки, ни внутриконтурной разработки, хотя сохраняют все прочие особенности стиля, вплоть до таких частных моментов, как миндалевидная форма глаза и петлеобразная — рта. Последняя деталь принадлежит к числу специфических особенностей одного из местных подстилей.

Таким образом, петроглифы «охотничьего периода» в Феццане обладают как общими чертами, характерными для древнейших памятников на скальном искусстве Сахары, так и некоторыми местными особенностями.

Следующий слой изображений свидетельствует о том, что монументальный первобытный реализм постепенно уступает место новым формам, в которых усиливается элемент стилизации. Изображение становится более обобщенным. В разнообразии фактуры, тщательном углублении и шлифовке врезается особое внимание к технике исполнения как таковой. Если сравнить фигуру жирафа из Ин Галгуиен с более ранними изображениями слонов, носорогов и т. д., легко заметить, что, хотя правильность пропорций еще сохраняется, манера исполнения и сам образ все более утрачивают индивидуальный характер. Изображение, видимо, ценится теперь не столько за верность натуре, сколько за техническое мастерство. Поверхность внутри контура изображения (теперь это чаще всего жирафы) всегда полностью обработана; фигуры покрыты глубоко врезанным или выбитым рисунком, имитирующим пятна на шкуре.

Другие изображения полностью отшлифованы, причем глубокая канавка контура и заметный, светотеневой контраст, вызываемый разницей между фактурой скалы и изображением, постепенно стирают грань между петроглифом и рельефом. Сравним два изображения диких лошадей из Матенду: одно — полностью отшлифованное и глубоко врезанное, другое — выполненное в той же технике, но с более глубокой канавкой контура, наружный край которой сходит местами на нет, снимая часть фона и создавая таким образом подобие плоского рельефа. Если это изображение еще нельзя назвать барельефом, то в других, находящихся в том же районе, уже налицо все признаки

скульптуры. Изображение слона (Матенду), от которого сохранилась лишь передняя половина, представляет собой уже настоящий барельеф. Это, быть может, одно из древнейших произведений африканской пластики.

В следующей группе, объединенной общими стилистическими особенностями, изображения крупных-толстокожих отсутствуют; из диких животных остаются главным образом жираф и страус, появляются? изображения львов и других хищников, а также отдельные изображения быков.

Техника становится еще более виртуозной. Линия вреза, ясная и четкая, сделана как бы одним взмахом ножа. Большие плоскости внутри контура почти всегда тщательно отшлифованы. Изображения принимают все более стилизованный характер.

Один из наиболее характерных для этого стиля памятников находится в Матенду. Изображение высечено на вершине скалы, занимающей господствующее положение над уэдом. Это фигуры хищников (пантеры?) более одного метра высотой, стоящие на задних лапах друг против друга. Поверхность изображения тщательно отшлифована и четко выделяется фактурой и цветом на фоне скалы. На корпусе одного из животных нацарапана обнаженная человеческая фигура, явно нанесенная позднее основного изображения. Значение этого памятника неясно, но,, судя по его положению, строго симметричной композиции и некоторым антропоморфным чертам, он, вероятно, служил культовым целям.

На той же скале имеются две фигуры пантер или гепардов, стоящих на задних ногах, исполненные менее тщательно. У одной из фигур глаза изображены в фас, причем они уже не удлиненной миндалевидной формы, как это было прежде, а круглой; размеры их непропорционально велики по отношению к голове. Силуэт этой фигуры, в точности повторяющий позу, описанную выше, изломанный и нечеткий, и все изображение в целом статично, скованно и неумело в рисунке. Сравнивая эту фигуру с более поздними рисунками, можно заключить, что она является позднейшей перерисовкой с описанного выше древнего изображения.

В искусстве следующего периода техника остается прежней: глубокий, иногда сдвоенный, шлифованный врез, фон часто сглажен. Детали прорисованы так же, как и в предыдущем слое, линия рисунка четкая и ясная. Но основным объектом теперь служат быки с длинными и короткими рогами, загнутыми вперед, широко раскинутыми в стороны или изогнутыми в виде лиры. Часто животные изображаются в движении или сложном ракурсе. Но при этом они, как и неподвижно стоящие, лишены динамики.

Этот новый стиль, по-видимому, совпадает с наступлением скотоводческого периода. Еще встречаются изображения диких животных — антилоп, жираф, страусов, но они немногочисленны. Зато быки заполняют все свободные плоскости, а иногда перекрывают и более древние изображения.

Среди петроглифов этого стиля есть изображения хищников, слонов и даже крокодила. Их невозможно спутать с более ранними изображениями этих животных: рисунок вялый, фигуры непропорциональны, статичны. Их патина гораздо светлее той, которая покрывает ранние петроглифы, и, что особенно показательно, эти изображения (например, крокодил из Матенду) иногда перекрывают фигуры домашних быков.

Таким образом, наскальное искусство «охотничьего периода» развивается от монументальных петроглифов через детализацию рисунка, усложнение композиции,

разработку фактуры — к барельефу. В то время как техника обработки камня все более совершенствуется, усложняется, изображение стилизуется, упрощается.

С появлением домашних быков охотничьи сюжеты отходят на второй план. Из диких животных объектом изображения остаются главным образом жирафы и страусы. При этом самые ранние изображения домашних быков выполнены в той же манере и технике, что и поздние, современные им, охотничьи петроглифы. Постепенно тенденция к детализации усиливается. Изображение становится все более «интеллектуальным». Теперь оно создается на основе не столько непосредственного видения, сколько — знания модели. Вместо прежнего выразительного, динамичного образа — сумма статичных, тщательно проработанных деталей, составляющих фигуру. Изображение в целом сохраняет верность натуре, но художник как будто вдохновляется не непосредственным наблюдением объекта, а представлением о нем.

Можно предположить, что искусство этого периода вначале еще следует традиции, подлинное содержание которой к этому времени могло быть утрачено.

Сравнивая петроглифы Матенду, Ин Галгуиен, Эль Аурер с живописью соседнего Тассили-н-Аджера, нельзя не обратить внимание на то, что в Феццане почти не встречаются многофигурные композиции: подавляющее большинство изображений — это отдельные, изолированные фигуры. Сцены из двух-трех фигур редки, и, как это ни странно, почти все они относятся к раннему периоду (свежевание носорога, охота на страусов, фигуры с шакальими головами, носорог с детенышем). Отсутствие «сценичности» в петроглифическом искусстве объясняется, по-видимому, спецификой резьбы по камню, трудоемкой и требующей лаконизма: камень, обрабатываемый примитивным орудием, заставляет следовать законам монументального искусства.

Среди ранних петроглифических изображений охотничьего и пастушеского периодов человек занимает сравнительно небольшое место. Среди петроглифов Феццана чаще всего встречаются три типа человеческих изображений:

- 1) Крупные, свыше одного метра фигуры с головами животных (маски?). Обычно они встречаются в композициях охотничьего и, возможно, культового характера вместе с изображениями слонов, носорогов и других крупных диких животных. Они выполнены в том же реалистическом стиле, что и древние изображения животных. На теле различимы элементы одежды (набедренная повязка?), в руках часто можно видеть предмет, напоминающий каменный топор.
- 2) Фигуры меньшего размера с большими головами, с крупными чертами лица, прямой линией лба и носа. Одежда — набедренная повязка, оружие — лук.
- 3) Мелкие нитевидные схематические фигурки в различных позах, подобные тем, которые встречаются во многих районах Сахары в связи с позднейшими изображениями «эпохи верблюда».

Кроме того, в Феццане, в районе Акакуса, и в прилегающих районах Тассили-н-Аджера существуют различные типы живописных человеческих изображений. Особый интерес представляют стройные, пропорциональные фигуры воинов, вооруженных копьями и щитами. Фигуры этого же типа изображены на колесницах, запряженных лошадьми,

распластавшимися в «летающем галопе». Особенностью большинства этих фигур является длинная шея и — часто — отсутствие головы.

Примерно с середины III тысячелетия до н. э. начинается высыхание Сахары. Изменение природно-климатических условий оказало глубокое воздействие на все аспекты жизни местного населения, активизировало различные процессы, и в частности процесс социального расслоения. Постепенно увеличивающиеся засушливые периоды требуют накопления кормов и продуктов питания. К середине II тысячелетия до н. э. возникают обширные пустынные районы, для преодоления которых уже непригодны медлительные быки. В это время в Сахаре появляется лошадь. Начинается период больших миграций. Население Сахары, вначале отступавшее в центральные горные районы, дольше других сопротивлявшееся засухе, отходит к югу, в зону саванн, ассимилируя или оттесняя местных жителей в глубь континента.

Именно в это время, в середине II тысячелетия до н. э., в наскальном искусстве Сахары появляются новые сюжеты: лошади, запряженные в колесницу, и упоминавшиеся безголовые фигуры людей в коротких туниках или длинных колоколообразных одеждах, иногда — вереницы таких фигур с копьями и прямоугольными щитами. Чем бы ни было вызвано появление новых сюжетов, наскальное искусство Сахары продолжает эволюционировать по пути стилизации, обобщения и в конечном счете геометризации форм. Иначе говоря, кем бы ни были наскальные «летописцы» этого периода, преемственность художественной традиции — стилистической эволюции — не пресекается. Рассматривая наскальные изображения «периода лошади», и в частности изображения «гарамантских колесниц», в плане стилистической эволюции наскального искусства, мы не находим основания для того, чтобы приписать их авторство каким-либо иноземцам. Правда, изображения лошадей в позе «летающего галопа» напоминают аналогичные крито-микенские изображения. Но это не может быть аргументом в пользу того, что их создателями были критяне, так как поза «летающего галопа» была хорошо известна древним сахарским художникам. Она часто встречается в пастушеской живописи IV—III тысячелетий до н. э.: например, в сцене охоты на антилопу (Джаббарен), в сцене преследования собаками горного козла (Уан Текильт) и многих других. Так же как в период нашествия банту в наскальной живописи бушменов появляются фигуры пришельцев, выделяющиеся своим ростом и телосложением, так и в наскальном искусстве сахарских пастухов появляются изображения людей необычного вида. По некоторым изображениям можно предположить, что и здесь «вторжение» сопровождалось военными столкновениями. Длинные ряды однотипных фигур в коротких, перепоясанных в талии туниках, вооруженных копьями и щитами, указывают на появление регулярных военных контингентов.

В это время, по-видимому, активизируются процессы, связанные с зарождением раннеклассовых государств в зоне Судана. В начале этого периода, примерно с середины II тысячелетия до н. э., в наскальном искусстве постепенно исчезают сложные сценические композиции. Оно как бы возвращается к изначальной статичности. Теперь мы вновь видим изображение предмета как такового: колесница, всадник, фигура воина, отдельные фигуры диких в домашних животных. Иногда еще встречаются несложные

композиции из двух-трех сюжетно связанных фигур. Однако их позы крайне однообразны, движение отсутствует. Форма становится все более схематичной. В рисунке начинает преобладать прямая линия. Моделировка сводится к нескольким стереотипным приемам. Так, например, фигура воина в тунике теперь составляется из двух треугольников, соединенных вершинами (так называемый «бित्रеугольный» стиль), голова обозначена короткой прямой чертой. Так же схематически, заученными приемами передается движение. Ноги бегущего человека изображаются чаще всего в виде более или менее тупого угла, ноги скачущих лошадей образуют пологую арку и т. д. Сравнение рисунков этого периода с полной жизни пастушеской живописью наводит на мысль об упадке наскального искусства. Утраты очевидны. Прежде всего утрачена непосредственность восприятия, а с ней — и аналитическое и эмоциональное отношение к объекту. Теперь изобразительная деятельность на пути к полному освобождению от случайностей спонтанного творчества. Если стилизованное изображение колесниц и других сюжетов этого времени в целом еще не превратилось в простое тиражирование некоего отвлеченного эталона, то отдельные элементы рисунка уже начинают выполнять функции знака.

Показательно, что не только наскальное искусство следующего периода («период верблюда»), но и вообще все искусство предгосударственного периода развивается под знаком пластической идеогаммы.

Алтари гарамантов

Е. М. Циноева (из книги ["Гарамантида \(африканская Атлантида\)"](#))

Трудности, связанные с восстановлением истории Гарамы, не могут заставить ученых отказаться от работы с "немногословными" памятниками одной из древних африканских цивилизаций. Об этом красноречиво свидетельствуют и книга, которую читатель держит в руках, и обширная библиография, существующая на сегодняшний день.

Опорным археологическим материалом в попытке представить себе составные мировоззрения гарамантов можно считать погребальные комплексы, в состав которых входили жертвенные столы. Основная проблематика, связанная с их изучением, - причины появления, назначение, обрядовая семантика, - несмотря на кажущуюся ограниченность задачи, связана с разрешением более общих исторических проблем.

У нас нет прямых свидетельств о религиозных ритуалах гарамантов. Но есть вполне приемлемый путь поиска аналогий, возможных заимствований, могущих участвовать в формировании культуры Гарамы. Культура эта скорее всего, была синкретичной, о чем свидетельствуют этническая неоднородность населения, географическое положение страны, значение в транссахарской торговле и другие факторы. На этом пути наметились два направления. Одни авторы склонны связывать происхождение культуры гарамантов в основном с местными африканскими цивилизациями, другие -- с римлянами.

Жертвенные столы, составляющие самостоятельную группу памятников, не имеют прямых аналогий ни в африканском, ни в античном мире. Хронологически их появление относится к периоду тесных контактов с римлянами. На протяжении всего своего существования эти каменные алтари не подвергались внешним изменениям. Все они имели прямоугольную форму и подразделялись на две части: большая, с одним углублением, располагалась с востока и примыкала к погребальному сооружению или к стеле, занимая половину всей поверхности; во второй части вырубали несколько

маленьких углублений прямоугольной или круглой формы, причем количество их колебалось от трех до шести, соответственно оно было четным и нечетным.

Таким образом постоянным, условно говоря, канонизированным элементом жертвенных алтарей оставалось большое углубление. Средние размеры жертвенных столов составляли 70-100 см в длину, 40-50 в ширину и 20-25 см в высоту. Вырезались они из местных пород камня, часто из нубийского песчаника.

Жертвенные столы были неизменно связаны с погребальными сооружениями. Их, однако, не устанавливали перед самыми ранними из открытых археологами могил, которые представляли собой каменные насыпи цилиндрической формы. Они появились в "ансамбле" с четырехгранными ступенчатыми мастабами и пирамидальными погребальными сооружениями в римское время.

Использование гарамантами чистых пирамидальных форм выдвигается в качестве весомого аргумента сторонниками теории о египетско-мероитском влиянии на культуру Гарамы. Мы мало знаем о погребальных обрядах гарамантов, но по скудным сведениям, которые дает нам археологический материал, можно судить, что идеопластический характер египетских, мероитских жертвенных столов с изображенными на них вотивными предметами не мог соответствовать характеру мировоззрения гарамантов. Их захоронения сопровождалась только предметами и никогда - рисунками, рельефами, надписями. В погребальный комплекс гарамантов никогда не включалась молельня или часовня как обособленное ритуальное пространство.

Дальнейшее сопоставление египетских, мероитских и гарамантских захоронений показало бы нам большее различие между ними и свело бы на нет значение черт, определяющих сходство. Кроме того, контакты с Мероэ в период появления жертвенных столов не были постоянными и достаточно тесными, чтобы повлечь за собой изменения в погребальном ритуале, самом консервативном из всех обычаев. И тем не менее он претерпел существенные изменения.

По данным археологии (значительный материал о раскопках содержится в работах, помещенных в настоящем сборнике), захоронения стали снабжать погребальным инвентарем, которого не было прежде, в большом количестве присутствовали римские вещи. Цилиндрические насыпи сменились более масштабными и пространственно оформленными комплексами, в которые помимо пирамидальных сооружений входили жертвенные столы и стелы. Это было временем расцвета Гарамантиды. Величественный царский некрополь Джермы, разбитые по планировке города с римскими строениями, сельское хозяйство с системой фоггаров и, наконец, роль Гарамантиды в транссахарской торговле, военная независимость свидетельствуют и о социальном "скачке" в римский период гарамантского общества. Гараманты наблюдали каждодневную жизнь римлян, селившихся в их городах, и это больше, чем нерегулярные посещения восточных и юго-восточных областей Африки, могло влиять на их традиции.

Описывая погребения, открытые археологами, доктор М. Айюб заключает, что гараманты верили в загробное существование. Вряд ли вера в иную жизнь является исключительной для мировоззрения гарамантов. Действие, для которого предназначались алтари, было реальным, земным, хотя обращено было к потустороннему. Здесь не могло быть места предметам "личного пользования" умершего. Сделанные из долговечного материала, они, должно быть, предназначались для регулярных церемоний: насыщения покойного пищей, поминания, жертвоприношения богам, жертвенного заклания, возлияния.

В древнем Риме регулярные церемонии были довольно разнообразными. Кроме поминок и заклания жертвенных животных в день захоронения, на девятый день на могилу приносили жертву, состав которой был строго определен. Умершего поминали в день рождения, смерти, в праздник поминовения всех усопших. Мы не утверждаем, что пришлый римский обычай мог вытеснить местный. Возможно, типологическое сходство обрядов способствовало легкому усвоению римских погребальных ритуалов и принятию ритуальных предметов, пусть не всегда и не обязательно точно.

В этой связи можно говорить о функциональном параллелизме в назначении жертвенных столов гарамантов и римских могильных алтарей. Это предположение заслуживает большей поддержки, нежели сравнение "немых" плит некрополей Джермы с египетскими алтарями, несущими сложное семантическое сочетание изобразительных элементов и иероглифических надписей. У египтян вся сумма идей, связанных с умершим, фиксировалась в надписях, пластике, настенной живописи. У гарамантов, по всей видимости, элементы погребального комплекса были опорными знаками ритуала, который хранился в памяти и восстанавливался в процессе обрядового действия.

То же, но на другом уровне, было в древнем Риме, о погребальных обрядах которого информируют не специальные "своды законов", а отдельные сведения у античных историков и писателей. Так вот в римское время, судя по резкому изменению масштаба захоронений, в гарамантском обществе под влиянием более развитой культуры, в силу возвышения его "международного" значения социальная роль индивида, очевидно, повышается. Тесные и мирные контакты с Римом могли содействовать процессу социальной стратификации и одновременно способствовать формированию более четких религиозных представлений и обрядов, которые не зафиксированы, но хранились в памяти, восстанавливались в ходе обрядового действия.

Римское влияние, судя по всему, было плодотворным и сильным. Опираясь на предположение о типологическом и функциональном сходстве римских могильных плит и гарамантских жертвенников, можно, поддавшись искушению, провести и более конкретные аналогии. Мы уже говорили о регулярном характере церемоний, для которых предназначались алтари гарамантов, и о разнообразии римских поминальных обрядов. Известен обычай римлян ежегодно оставлять трапезу на могиле умершего, приносить кровавые жертвы и совершать возлияния.

Членение поверхности гарамантских жертвенников наводит на мысль о регламентированности обрядовых действий, с которыми было связано их существование. Возможно, что мелкие углубления предназначались для определенных видов пищи, а крупные - для жертвенного животного или возлияний. Исходя из характера поверхности, мы можем также исключить само действие заклания животного на алтаре, поскольку на плите отсутствует желобок для стока крови, который можно наблюдать на специально предназначенных для кровавых жертв алтарях в различных регионах.

Говоря о могильных комплексах, мы обходили молчанием стелы. Те из них, которые относятся к интересующему нас периоду, представляют собой вертикальные каменные плиты с закругленным верхом. Они примыкали к алтарям в количестве от двух до четырех, располагаясь со стороны пирамиды. Не будем сейчас перечислять все суждения, касающиеся истоков появления этого вида памятников. Основное их направление -- это попытка привязать стелы к аналогичным пуническим памятникам, посвященным различным божествам пунического мира. Мы не имеем никаких сведений о поклонении этим божествам в Гараме, не представляем себе, как они могли быть связаны с погребальным культом. Стелы гарамантского погребения могли быть и простейшим

видом могильного памятника, и символом божества либо умершего предка. Но любые выводы преждевременны.

В решении проблем, связанных с вопросами обрядов, верований, мифологии, особенно остро ощущается недостаток археологического материала и письменных источников. При том низком уровне археологической обследованности региона, который достигнут в настоящее время, можно быть уверенным, что в будущем ученые получают сведения для более точной аргументации своих предположений, и история Гарамантиды обретет более четкие очертания.

Туареги и тубу

Ю. М. Кобищанов (из книги ["Гарамантида \(африканская Атлантида\)"](#))

В позднее средневековье и новое время территории, входившие некогда в государство гарамантов, были населены народами, отличающимися по языку и антропологическому типу, но в общем сходными по культуре. На основании этого последнего признака их можно назвать "центральносахарскими". Возможно, центральносахарская культурно-историческая общность формировалась еще в гарамантскую эпоху и цивилизация Гарамы занимала в ней центральное место. Кроме того, в оазисах жили большими группами потомки поздних северных (арабы, берберы) и южных (канембу, хауса) пришельцев. На западной периферии этой территории, в оазисе Туат, часть населения составляют бербероязычные иудаисты, в прошлом обитавшие и в других оазисах.

Центральносахарские этносы группируются в две общности: туарегов и тубу, из которых первая связана в основном с берберами, а вторая с загава Центрального Судана.

Туареги (араб. мн. ч. *тавариг*, *туарег* от ед. ч. *тарги*) - народ, сложившийся в средние века в Центральной Сахаре, хотя в настоящее время свыше 90% примерно из 300-320 тыс. туарегов проживает в городах, селениях и лагерях беженцев Центрального Судана (Нигер, Северная Нигерия, Восточное Мали, Буркина-Фасо), а также Алжира и Ливии. Язык туарегов - томашек - относится к берберским. Он разделяется на пять крупнейших диалектов по числу основных областных групп (в прошлом - "конфедераций" туарегских племен). Из них четыре населяют горные области Сахары: ихаггар, или ахаггар, - нагорье Ахаггар, аджер - плато Тассили-н-Аджер, ифорас - плато Адрар-Ифора, аир, или асба - плато Аир. Пятая и крупнейшая группа племен (игеллад, юлемидден, тадмекет и др.) живет в сахельской зоне по обе стороны от р. Нигер (Восточное Мали, Западный Нигер, Буркина-Фасо). К этой группе принадлежит примерно 150 тыс. туарегоязычного населения, тогда как к аир - около 100 тыс., к аджер - около 30-40 тыс., а к ифорас и ахаггар - только по 10-15 тыс. человек.

Туарегов обычно характеризуют как воинственных кочевников пустыни. Действительно, хозяйственно-культурный тип кочевников наложил специфический отпечаток на всю туарегскую культуру. Однако более тщательный анализ показывает, что туарегское общество могло сформироваться и существовать лишь как система различных хозяйственно-культурных типов: скотоводов-номадов в двух вариантах - всадников-верблюдоводов и пастухов-козоводов (у юлемидден развился еще один подтип - пастухов крупного рогатого скота), земледельцев оазисов (с подтипами земледельцев сахельской зоны и нагорий), а также групп потомственных ремесленников и соледобытчиков. Туарегское общество развивалось на ближней периферии городской цивилизации, и туарегская знать-владела городами (Тадмекка, города Аира, в XV в. Томбукту, Шингит и др.), контролировала транссахарские караванные пути.

Экономическую основу туарегского общества составляли как скотоводство, так и земледелие, ремесла и промыслы. Эти отрасли хозяйства объединялись посредством комбинирования труда преимущественно на общинно-кастовой и рентальной основе. В результате развилась сложная система общин и каст.

Общественный строй туарегских "конфедераций" (собственно говоря, примитивных раннефеодальных государств) был в принципе один и тот же, с неизбежными местными особенностями. Все население делилось на племена и кланы. Господствующее племя принадлежало к социальной категории воинов - имхар, и его название (например, кель-аджер, кель-ахаггар и т. д.) было в то же время названием всей "конфедерации". Кроме того, имелись вассальные племена и различные группы (общины, кланы, семьи и пр.) несвободного населения, низшие касты ремесленников и пр. Во главе каждой "конфедерации" стоял аменокал - глава аристократического имхарского племени и привилегированного клана этого племени.

Например, аменокал "конфедерации" Ахаггар принадлежал к клану кель-рела племени кель-ахаггар. Однако его сан внутри клана не передавался по твердым правилам престолонаследия, но аменокала пожизненно избирало собрание имхаров. При выборе учитывались как личные качества кандидата, так и его происхождение (точнее - происхождение его матери, которая должна была быть старшей из сестер внутри аристократической семьи). Мать аменокала вообще пользовалась особым авторитетом и властью; она имела право вето на любое решение своего сына. Вновь избранный аменокал сам избирал себе помощника. Кроме него представителями публичной власти были в основном клиенты и слуги правителя, игравшие роль его посланцев и свиты, тогда как его сородичи и соплеменники пользовались властью в первую очередь как члены аристократической касты, а не как представители аменокала. Социальная структура туарегских "конфедераций" крепилась в основном родо-племенными узами и отношениями личной зависимости (сюзерен - вассал, патрон - клиент, господин - невольник).

Тем не менее на южной периферии Центральной Сахары отдельные аменокалы (или султаны, как они назывались по-арабски) достигали могущества: например, многие правители Аира XIV-середины XIX в., правители Томбукту XV в. и некоторые другие.

Аменокалы жили за счет феодальной и рабовладельческой эксплуатации пастухов, земледельцев, ремесленников и добытчиков соли, принадлежавших к лично-зависимым кастовым группам вассалов, крепостных, невольников и клиентов. Они присваивали также труд караванщиков, облагая их данью как платой за беспрепятственный проход торговых караванов и их защиту от грабителей. Важную роль в системе доходов каждой из "конфедераций" играл военный грабеж - набеги с целью захвата скота, зерна, различных ремесленных изделий, а также людей для продажи их в рабство.

Военную силу для набегов и "внеэкономического" принуждения пастухов, земледельцев, добытчиков соли давала каста имхаров.

Однако имхары не только обогащали аменокалов, деля с ними военную добычу, но и вместе с ними участвовали в эксплуатации непосредственных производителей.

По своему антропологическому типу имхары являются наиболее европеоидной из всех кастовых групп туарегского народа. Они - высокие, светлокожие люди с мягковолнистыми волосами. Это указывает на сравнительно северное, средиземноморское происхождение имхаров. Считается, что на Ахаггар, на крайний север страны туарегов,

предки имхаров - ахаггаров пришли более полутора тысячелетий назад из еще более северных районов (Нумидия или Гарама?).

Благодаря принесенной из Средиземноморья или Гарамы военной технике, военной организации, разведению верблюдов, которых не было у местных племен, а также другим достижениям культуры (в том числе письму) воинственные и сравнительно цивилизованные имхары достигли привилегированного положения среди этих племен.

Важную роль в процессе накопления и хранения культурной информации у имхаров играли женщины. Они знали письмо, сочиняли и пели песни под собственный аккомпанемент на однострунном инструменте амзад. Эти песни, а также эротические пляски исполняются на "ахалах" - собраниях незамужних женщин вместе с молодыми людьми (такой ахал в XIX в. был, в частности, описан русским путешественником А. В. Елисеевым). Женщины имхаров, как и все туарегские женщины, не закрывают лиц, хотя и считаются мусульманками. Зато все взрослые мужчины - имхары и их вассалы - носят на лицах покрывала (тагельмуст), которые не снимают на людях. В средние века такой же обычай существовал и у санхаджа - берберов-номадов Западной Сахары, являвшейся до ее арабизации во всех отношениях продолжением страны туарегов.

С течением времени имхары стали высшей кастой, избегавшей физического труда. Аристократизм, галантность, воинственность, максимальная подвижность, когда почти постоянно приходилось совершать длительные переходы через пустыню, любовь к верблюдам и презрение к труду, даже труду пастуха, вместе с тем утонченное восприятие поэзии, музыки, танца - вот отличительные черты образа жизни, системы ценностей и субкультуры имхаров.

Они почти постоянно передвигались на своих верблюдах, совершая набеги, встречая торговые караваны и собирая с них дань товарами, обходя полуднем кочевья вассальных племен (и отбирая у них "свою" долю коз и овец) и земледельческие вассальные общины, где имхары поселялись на время сбора урожая фиников и проса, чтобы отдохнуть, попить и получить "свою" долю урожая.

Во время этих полудий аменокалы главным образом осуществляли свои судебные функции, улаживая частые споры о размерах дани между своими соплеменниками-имхарами и подданными, или вассалами, имрадами.

Имрады (или имгады, амгиды) - название второй в сословно-кастовой иерархии и наиболее многочисленной группы туарегского общества. В различных "конфедерациях" имрадов было в пять-восемь раз больше, чем имхаров. Антропологический тип имрадов напоминает эфиопеоидный: они более темнокожи, волнистоволосы и низкорослы, чем имхары, но отличаются и от негроидов. Главное их занятие - разведение мелкого рогатого скота. Само название "имрад" (имгад) происходит от слова "эрейд" (или "эгейд") - "козочка". И не случайно некоторые имрадские племена носят название "кель-улли" - "козьи люди". Согласно легендам, в прошлом имрады совсем не имели верблюдов, а разводили только коз, овец и ослов. Подобно имхарам, имрады группируются в племена и кланы, причем каждому имхарскому клану было подчинено несколько имрадских. Последние платили имхарам ежегодную дань козами (в новое время также верблюдами), безвозмездно предоставляли им животных во временное пользование.

Сходный антропологический (но не хозяйственно-культурный!) тип у харатинов (ед. ч. хартани) - оазисных мотыжных земледельцев Центральной Сахары, издавна культивирующих финиковую пальму, просо, бахчевые культуры, применяющих

искусственное орошение. Харатины находились на положении крепостных. Возможно, до прихода имхаров они были в подчинении у имрадов. Своим господам-имхарам харатины платили дань в виде доли урожая фиников, проса и пр.

Одно из низших мест в кастовой иерархии туарегов занимали икланы - негроиды, потомки чернокожих рабов, жившие отдельными семьями в кочевых общинах - имхаров и имрадов. Икланы в основном пасли верблюдов и мелкий рогатый скот, принадлежавший их господам. В конце XIX-XX в. часть икланов была превращена в горных, оазисных или чаще сахельских земледельцев; возможно, так бывало и в прошлом, и в некоторых местах икланы смешивались с харатинами.

Особняком от других каст стояли лично-свободные, но всеми презираемые ремесленники - инадены (или энадены). Их место в системе туарегской культуры определяется тем, что оружие и другие железные и деревянные изделия традиционного быта туарегов изготавливались инаденами по вековым, даже тысячелетним канонам.

Описание традиционной структуры туарегского общества было бы неполным без упоминания о промежуточных по своему статусу, смешанных по происхождению группах (исеккамерен, ирегуэнатен и др.), а также о марабутах (инислемен), - частью происходящих от пришлых мусульман, частью же - коренных туарегов.

В конце средневековья среди улемов Томбукту, Шингита, Агадеса встречались туареги. В XVIII- XIX вв. широкую известность получили улемы-марабуты туарегского племени антессар (или игеллад), известного, впрочем, еще в XIV в. Распространяя арабскую грамотность и исламские знания, инислемены успешно соперничали со старой военной аристократией за культурную гегемонию в туарегском обществе.

Все туареги уже давно считаются мусульманами. Однако в их народной религии обнаруживается обширный доисламский субстрат: анимистические верования, культ духов мест, культ предков (по материнской линии), культ священного барабана табол, закрывание лиц у мужчин, высокое положение женщин в обществе. У туарегов оазиса Гат сохранились пережитки женских союзов и еще недавно устраивались ритуальные девичьи "бои", напоминающие те, которые были описаны Геродотом у древних ливийцев. Исследователи отмечают отдельные следы влияния христианства и иудаизма, при полном отсутствии каких бы то ни было пережитков политеизма.

Во многом сходную социальную и культурную систему мы находим в традиционном обществе тубу (тибу, или теда), живущих к востоку от туарегов на территориях Нигера, Чада и Ливии. Всего на языке тубу в настоящее время говорит около 200 тыс. человек.

Тубу во многих отношениях похожи на имрадов. Их антропологический тип - эфиопеоидный, хозяйственно-культурный тип - кочевой скотоводческий (верблюды и мелкий рогатый скот). Они населяют нагорья Тибести, Эннеди, горы близ группы оазисов Кавар и ряд других районов Ливийской и Чадской Сахары. Сходный хозяйственно-культурный тип у бэле нагорья Эннеди. Кномадам - тубу и бэле - по языку и культуре близки этносоциальные группы полукочевников, оседлых земледельцев и добытчиков каменной соли, а также бродячих ремесленников. Крупнейшие из них следующие: даза (в Борку, на севере Чада), камаджа (в Борку), аканаза (на юге Тибести), уния (в оазисе Униянга), а также загава Чада и Судана, живущие в суданском поясе. В Феццане обитает несколько тысяч тубу и шавашна (ед. ч. шушан) - земледельцев смешанного

происхождения, находившихся в прошлом на положении крепостных. Особый интерес для историка представляют тубуязычные оседлые жители оазисов Кавар (на северо-востоке Нигера) и загава, создавшие вскоре после падения Гарамы обширное государство на территориях нынешних Чада, Нигера, Судана.

Оседлые и полукочевые этнические группы Северного Чада носят собирательное название горан. Как и загава, горан были известны арабским географам еще в IX в.

Тубуязычные земледельцы (в том числе полуоседлые земледельцы, занимающиеся отгонно-пастбищным скотоводством) культивируют в оазисах финиковую пальму, а также сеют ячмень, пшеницу и особенно просо (не только в оазисах, но и в горах, где зимой бывают холодные ночи, заморозки, выпадают дожди). У полукочевников земледелием занимаются в основном женщины (в прошлом также рабы), а мужчины пасут коз, овец и других домашних животных на горных пастбищах или ходят с караванами через пустыню. В июне они присоединяются к своим семьям для сбора урожая зерновых, а затем и фиников. У этих земледельческо-скотоводческих этносов сохранилась архаичная форма постоянных жилищ - круглых в плане, сложенных из плитняка, с куполообразной тростниковой или травяной крышей. Хижины кочевников также архаичны - они овальной формы, из циновки и жердей.

Основу традиционной социальной организации тубуязычных этносов составляют структуры, в основании которых лежат семейные общины и патрилинейные линиджи и кланы, местами (как у бэле) группирующиеся в племена. Как и повсюду в Сахаре, кланы и племена кастово неоднородны: скотоводы-номады считают себя более благородными, чем полуоседлые земледельцы-скотоводы, тем более оседлые земледельцы, занимающиеся такими арабскими сферами производства, как мотыжение почвы или добыча соли с помощью тех же мотыг из солончаков. Полукочевники также считают скотоводство более благородным занятием, чем "ковыряние в земле". Наименее престижные виды труда - это охота и ремесленное производство, тогда как караванная торговля - вполне почетное дело, достойное благородных верблюдоводов. Низшие касты ремесленников (азза, или анза) наряду с потомками земледельцев-невольников составляли наиболее презираемые и угнетенные кастовые группы у тубу и родственных им этносов. На вершине кастово-клановой пирамиды находится клан Томагера, к которому принадлежит традиционный правитель Тибести, носящий титул дерде. Исторически этот князь с XVII в. был вассалом императора Борну, владения которого временами включали и Феццан. Канембу и канури - жители Борну - живут вперемешку с тубуязычными земледельцами и земледельцами-скотоводами в оазисах Кавар и в районе озера Чад. Вообще социально-политическая структура тубуязычных этносов испытала многовековое влияние центральносуданских феодальных государств, более сильное, чем "конфедерации" северных туарегов (Ахаггар, Аджер, Ифорас).

Как и туареги, все тубу и родственные им этносы считаются мусульманами. Однако доисламский субстрат в их религиях (особенно у бэле, формально исламизированных только в конце XIX в., когда в горы Эннеди проникли сенуситы) еще значительнее, чем у туарегов. Они приносят жертвы (обычно овцу, козу, реже корову или верблюда) предку - основателю своего клана. Считается, что дух предка пребывает в пещере, скале или одиноко растущей акации. Сбор урожая сопровождается праздником культа плодородия. В недавнем прошлом тубу, бэле, анаказа и некоторые родственные им этносы приносили жертвы солнцу, а мертвых хоронили связанными под кучей камней.

Несмотря на патрилинейный порядок наследования и счет родства и на некоторое распространение многоженства вместе с обычаем уплаты брачного выкупа за жену

("покупка жены"), женщины тубу занимают такое же почетное положение в местном обществе, как и женщины у туарегов. Они вооружены кинжалами, которые легко пускают в ход при столкновениях и ссорах. Как мужчины-тубу, они славятся своей поразительной выносливостью при перекочевках и крайней умеренностью в питании.

Южными соседями центральносахарских народов являются народы Центрального Судана, в этногенезе которых приняли участие и отдельные центральносахарские элементы. Таковы уже упомянутые выше канембу (букв, "люди Канема"), а также джерма, или зарма, области Зармаганда в долине р. Нигер (западная часть Нигера, отчасти соседние территории Буркина-Фасо и Нигерии). Джерма говорят на диалекте языка сонгаи и по своей культуре близки к сонгаям Восточного Мали. Они занимаются мотыжным земледелием в долине р. Нигер, ведут вполне оседлый образ жизни, исповедуют ислам, который начал среди них распространяться еще с XI в. Их название имеет некоторое сходство с названием гарамантов и, возможно, имеет ту же самую этимологию - жители постоянных поселений, земледельцы. Тем не менее, их никак нельзя отождествлять с древними гарамантами.

Древний народ ливийской Сахары

Чарльз Дэниэлз (из книги "Гарамантида (африканская Атлантида)")

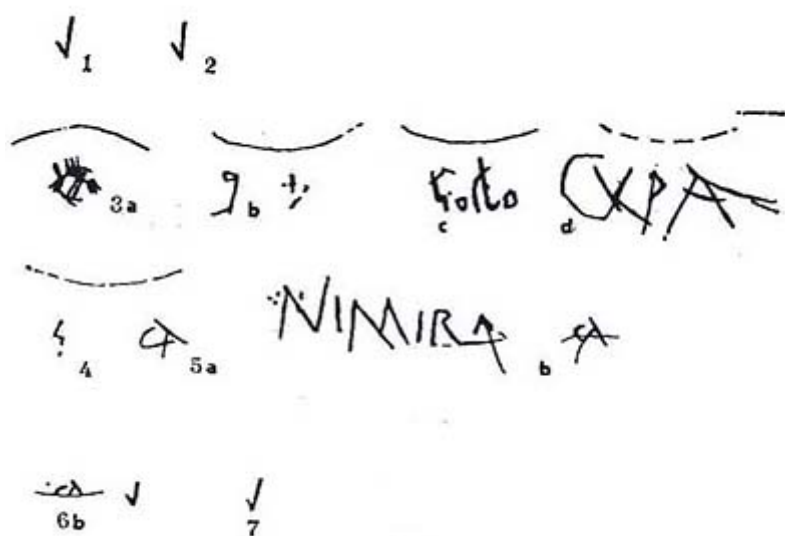
Многие загадки гарамантов остаются до сих пор не разрешенными из-за того, что нам пока не известен язык гарамантов и их письменность. Находки археологов последнего времени, возможно, помогут нам узнать немало нового о древнем народе Феццана. Вероятно, наиболее важным в этом смысле является публикация доклада "Древний народ ливийской Сахары" Чарльза Дэниэлза, представленного им на коллоквиуме по сравнительным хамито-семитским лингвистическим исследованиям в марте 1970 г. в Лондоне. Этот доклад, по всей видимости, первое научное сообщение о находках гарамантских надписей в Феццане. Здесь мы приводим ту часть доклада Дэниэлза, которая посвящена воспроизведению и научному описанию возможных гарамантских надписей (см. их изображение, приведенное ниже).

"...Основная часть нашего сообщения состоит из первой коллекции возможных "гарамантских" надписей. Значительные трудности встают на пути исследователя, который когда-либо пытался их обнаружить, так как не известен ни язык, ни письменность гарамантов. Именно в связи с этим соображением мы постарались собрать весь возможный материал, включая и тот, который, по всей вероятности, не был гарамантским, но был добавлен для полноты и сравнительного анализа. Весь материал разделен на пять групп.

ДРЕВНЕЙШИЕ НАДПИСИ ИЗ РАЙОНА ВАДИ АЛЬ-АДЖАЛЬ (группы А, В, С, D, E)

Группа А. Она включает граффити, нацарапанные сбоку или снизу определенного числа блюд тонкой выделки из красной глины, обнаруженных на кладбище Санийат Ховеиди, находящемся в пяти милях к востоку от Гарамы. Хотя эти надписи могли быть сделаны в любое время существования этой посуды, вряд ли они сделаны торговцами, продававшими эти блюда, более правдоподобно предположить, что они были сделаны непосредственно в вадии аль-Аджаль. Единственной возможной альтернативой является то, что эти блюда были похищены из Лептиса во время набега на город в 68-69 гг. н. э. Но вероятность этого весьма мала. Два латинских слова и одно неопуническое (?) можно разобрать. Название *Nimiga* встречается в околоразрушенном районе, в частности в Бир ад-

Дредере (Inscriptions of Roman Tripolitania, 886) и Гирза (I. R. T., 899). Другими формами являются NIMIRE (Гирза, I. R. T., 898) и, возможно, N'MRR, неопуническая надпись (I. R. T., p. 11, No 6). Монограмма (?) С. А. встречается три раза и семь или восемь раз попадают другие знаки. Все граффити, сделанные на блюдах тонкой выделки из красной глины, находятся теперь в музее города Себха. Кривые линии номеров 3 и 4 показывают положение дна посуды. Линии у номеров 5 и 6 показывают, где разбита посуда. Все блюда относятся к типу terra sigillata и датируются 50-80 гг.н.э.

1. Муз. Себха. Кат. Н. 34.
Один символ нацарапан на нижней стороне.

2. Муз. Себха. Кат. Н. 38.

3. Муз. Себха. Кат. Н. 40.

- a. Символ (?) нацарапан внутри основания блюда снизу.
- b. Один символ и, возможно, другой символ нацарапаны на нижней стороне; возможно, это случайные пометки.
- c. Неопуническая (?) надпись нацарапана на нижней стороне.
- d. Латинская надпись (сига)? Нацарапана на нижней стороне.

4. Муз. Себха. Кат. Н. 83.
Два символа нацарапаны на нижней стороне.

5. Муз. Себха. Кат. Н. 84

- a. Латинская надпись *nimira* (имя собственное?) нацарапана сбоку, и снова очень слабо нацарапана как *nim* с другого, невидного бока.
- b. Один символ на нижней стороне

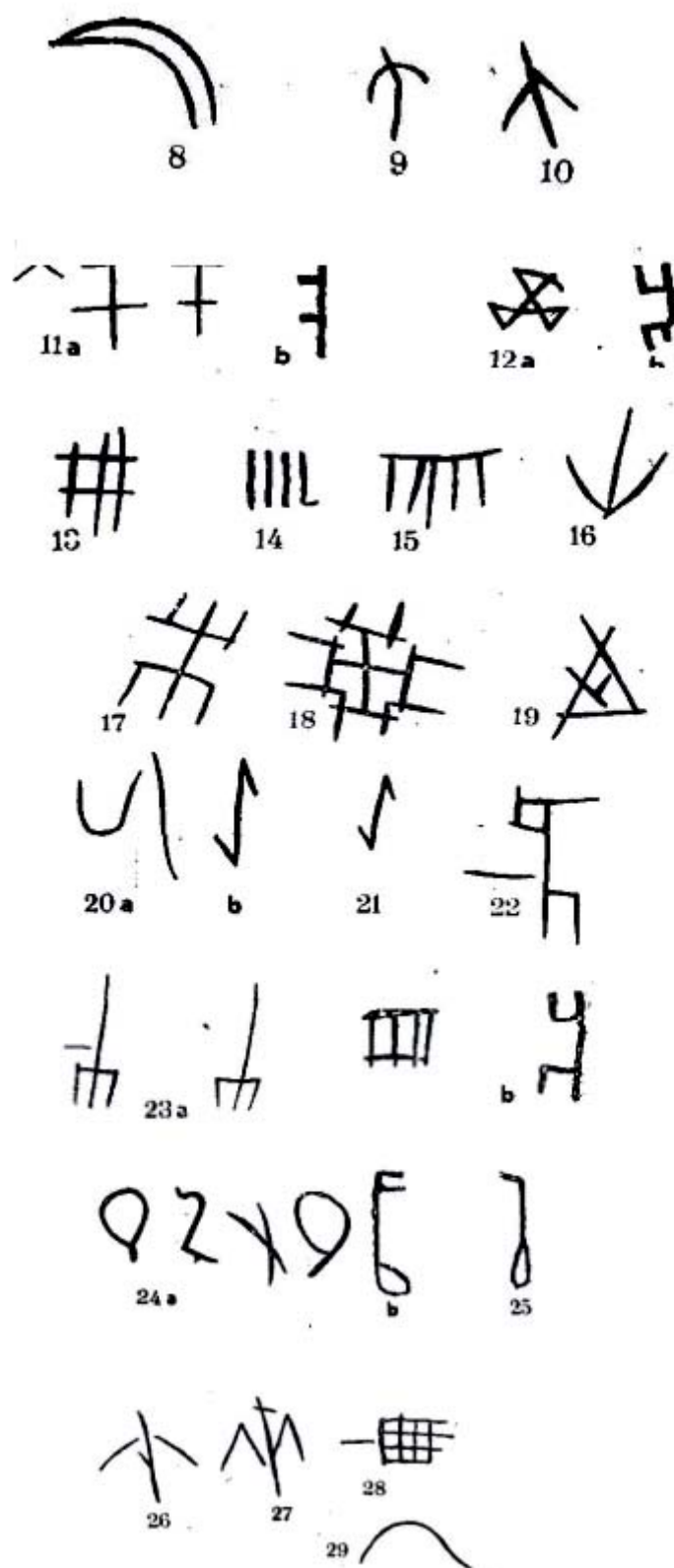
(посуда разбита и
починена).

6. Муз. Себха. Кат. Н. 85

- а. Неполная латинская надпись *ñimig* нацарапана на стенке, которая не нужна.
- б. Два символа (один неполный), нацарапанный на нижней стороне.

7. Муз. Себха. Кат. Н. 86.
Один символ нацарапан на нижней стороне.

Группа В. Состоит из символов, вырезанных или нарисованных на темно-зеленых амфорах с того же кладбища. Большинство из них перевезено в музей Себхи, некоторые до сих пор находятся в Джерме. Знаки могут быть разделены на три группы. К первой относится семь знаков, которые были, по-видимому, вырезаны по влажной глине до обжига амфор: 8, 9, 17, 18, 20, 24 (?), 29. Эта группа почти наверняка негарамантского происхождения, так как амфоры, судя по всему, были импортированы, и эти знаки даны для сопоставления с другими. Вторая группа состоит из 12 знаков, вырезанных уже после обжига и, по-видимому, в вад аль-Аджаль: 10, 11, 12, 13, 15, 16, 19, 21, 22, 23, 26, 27 и 28. Третья группа состоит из шести знаков, нанесенных красной краской, гематитом, который, как было обнаружено, широко применялся гарамантами. Эти символы часто не очень хорошо сохранились в результате воздействия погодных условий. Один из них нанесен поверх неопунической (?) надписи No 24. В эту группу входят символы: 11, 12, 14, 20, 23, 24 и 25.

8. Муз. Себха. Кат. А.
8. Один символ,
вырезанный до обжига.

9. Муз. Себха. Кат. А. 10.
Один символ, вырезанный
до обжига.

10. Муз. Себха. Кат. А. 13.
Один символ, вырезанный
после обжига.

11. Муз. Себха. Кат. А. 15.

- а. Три символа,
вырезанные после
обжига.
- б. Один символ,
нанесенный красной
краской.

12. Муз. Себха. Кат. А. 21.

- а. Один символ,
вырезанный после
обжига.
- б. Один символ,
нанесенный красной
краской.

13. Муз. Себха. Кат. А. 22.
Один символ, вырезанный
после обжига.

14. Муз. Себха. Кат. А. 37.
Один символ, нанесенный
красной краской.

15. Муз. Себха. Кат. А. 41.
Один символ, вырезанный
после обжига.

16. Муз. Себха. Кат. А. 42.
Один символ, вырезанный
после обжига.

17. Муз. Себха. Кат. А. 47.
Один символ, вырезанный
до обжига.

18. Муз. Себха. Кат. А. 49.
Один символ, вырезанный
до обжига.

19. Муз. Себха. Кат. А. 50.
Один символ, вырезанный
после обжига.

20. Муз. Себха. Кат. А. 55.

- а. Один символ,
вырезанный до
обжига.
- б. Один символ,
нанесенный красной
краской.

21. Муз. Себха. Кат. А. 62.
Один символ, вырезанный
после обжига.

22. Муз. Себха. Кат. А. 63.
Один символ, вырезанный
после обжига.

23. Муз. Себха. Кат. А. 64.

- а. Три символа,
вырезанные после
обжига.
- б. Один символ,
нанесенный красной
краской.

24. Муз. Себха. Кат. А. 66.

- а. Один символ
(неопунический?),
вырезанный до
обжига.
- б. Один символ,
нанесенный красной
краской.

25. Муз. Себха. Кат. А. 67.
Один символ, нанесенный
красной краской.

26. Пока еще находится в
Джерме, регистрационного

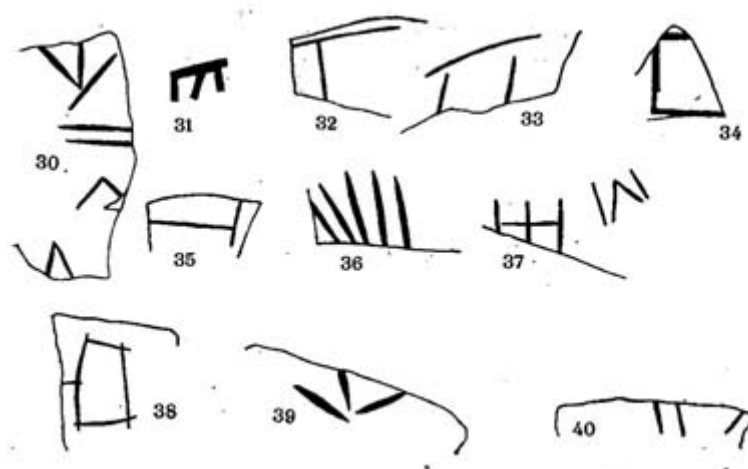
номера не имеет. Один символ, вырезанный после обжига.

27. Пока еще находится в Джерме, регистрационного номера не имеет. Один символ, вырезанный после обжига.

28. Пока еще находится в Джерме, регистрационного номера не имеет. Один символ, вырезанный после обжига.

29. Пока еще находится в Джерме, регистрационного номера не имеет. Один символ, вырезанный до обжига (?).

Группа С. Состоит из всех фрагментов амфор, найденные в различных местах и на которых видны отдельные буквы или знаки. Большинство из них было найдено в окрестностях Джермы, один был обнаружен на кладбище в Харайге в 10 милях к востоку. Некоторые фрагменты уже зарегистрированы. Фрагмент 30 находится в музее Себхи.

30. Фрагмент стенки красновато-коричневой амфоры, найденный на царском кладбище в захоронении No 5 в 1963 г. Части четырех букв?

31. Фрагмент ручки коричневатой амфоры, найденный в Санийат Джебриль на поверхности в 1965 г. (No 302). Один символ.

32. Фрагмент амфоры неопределенного происхождения, 1965. Часть одного знака?

33. Фрагмент амфоры неопределенного

происхождения. 1965.
Часть одного знака?

34. Фрагмент амфоры
неопределенного
происхождения, 1965.
Часть одного знака?

35. Фрагмент амфоры
неопределенного
происхождения, 1965.
Часть одного знака?

36. Фрагмент амфоры
неопределенного
происхождения, 1965.
Часть одного знака?

37. Фрагмент горлышка
красновато-коричневой
амфоры, найденной в
Зинкекре на поверхности в
1965 г. (No 545). Часть двух
букв.

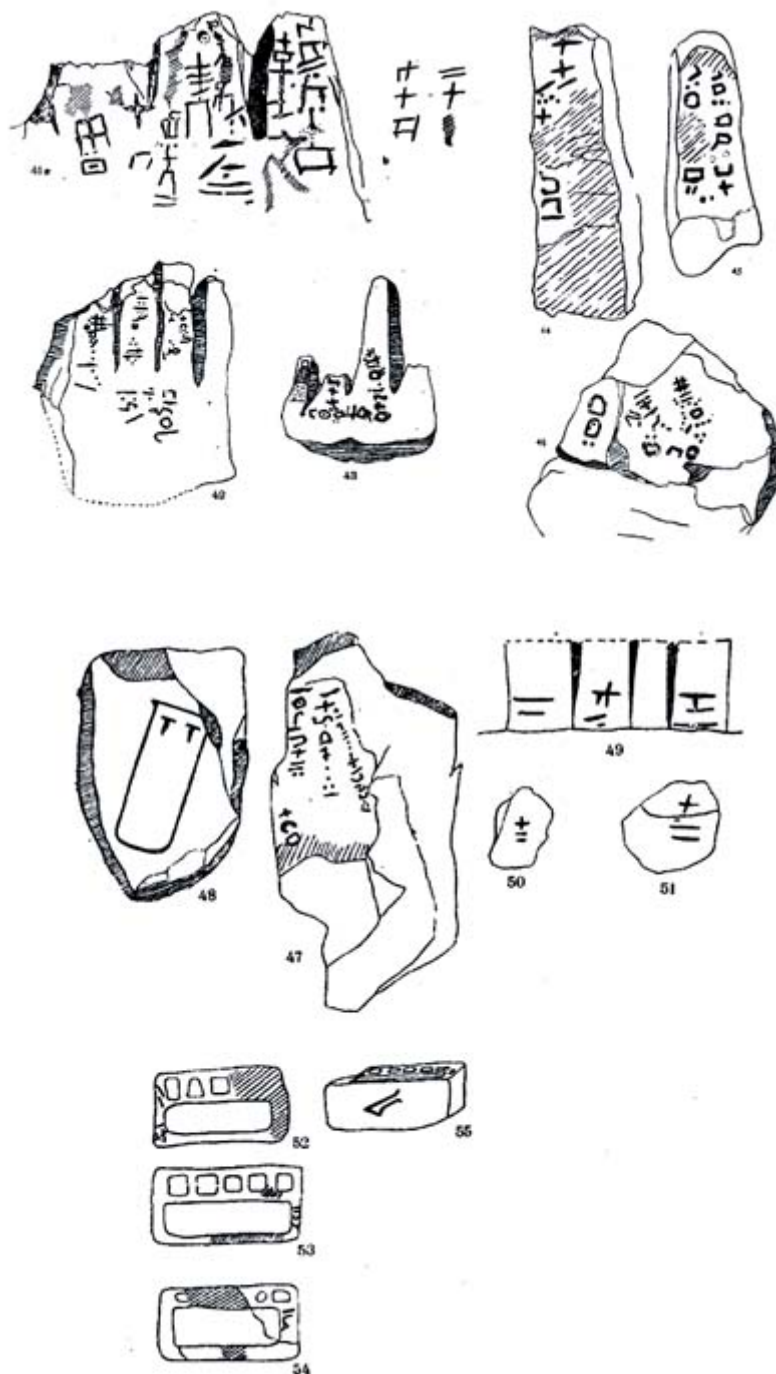
38. Фрагмент темно-
зеленой амфоры, похожий
на No 8-29, найденный в
Джерме, в куче мусора в
1967 г. (No 100:1). Один
символ.

39. Фрагмент стенки темно-
зеленой амфоры,
найденный на кладбище в
Хараиге на поверхности в
1969 г. (No 1976). Часть
одного символа.

40. Фрагмент амфоры
красновато-коричневого
цвета, найденный в районе
разлома в Джерме в 1967 г.
(No 1325). Часть одного
символа.

Группа D. Состоит из "надписей" или групп символов, высеченных на стелах, жертвенных столиках и ровных скальных поверхностях на позднеримском (византийском?) кладбище в Таглите примерно в 15 милях к западу от Джермы. Хотя нет полной уверенности в том, что надписи сделаны в то же время, что и объекты, на которых

они находятся, однако состояние и надписей, и объектов обнаруживает примерно одинаковый налет патины. Надписи 41-43 выполнены на стелах весьма тщательно. Надпись 49 на каменной стеле была выполнена до того, как стела оказалась погруженной в землю на свой нынешний уровень. Надпись 48 уникальна. Надписи 46, 47, 50 и 51 выполнены на необработанных камнях и, вероятно, отличаются от остальных надписей этой группы.

41. Надписи [a] на фронтальной и [b] боковой частях стелы Н. 59.

42. Надписи на передней части стелы Н. 73.

43. Надпись на передней части стелы Н. 116.

44. Надпись на фрагменте стелы Н. 6.

45. Надпись на фрагменте стелы Н. 42.

46. Надпись на необработанном куске камня, надпись No 6.

47. Надпись на необработанном куске камня, надпись No 3.

48. Надписи на обработанном надгробном камне? No SP. 3.

49. Надпись на фрагменте надгробной стелы Н. 8.

50. Надпись на небольшом куске камня, No SP. 5.

51. Надпись на небольшом куске камня, No SP. 6.

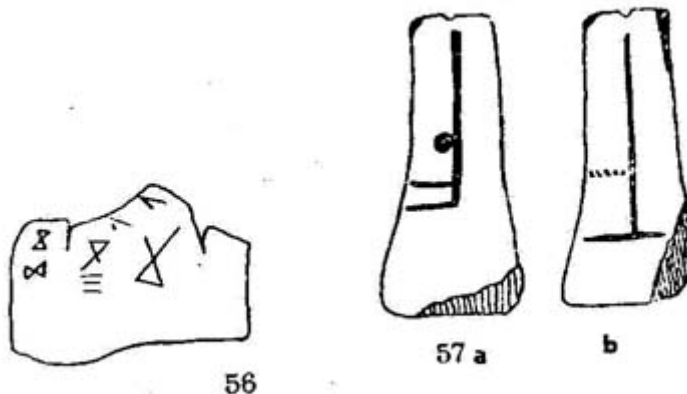
52. Надпись, вырезанная на жертвенном столике, Т. 16.

53. Надпись, вырезанная на жертвенном столике, Т. 26.

54. Надпись, вырезанная на жертвенном столике, Т. 25.

55. Символ, вырезанный на жертвенном столике сбоку, Т. 45 (клеймо верблюда?).

Группа Е. Состоит из оставшихся надписей из разных мест.

56. Надпись на стеле на кладбище в Харайге (без номера). Символы вырезаны грубее, чем в Таглите, и заметно отличаются от других. Вопрос об их датировке остается открытым.

57. Символы, вырезанные с двух сторон терракотового бруска для ткацкого станка III в. н. э. Он был найден в комнате дома No 4, раскопанного в Санийат Джебриль в 1965. Символы могли быть и негарамантскими, так как подобные предметы с похожими знаками были найдены даже в Южной Галлии. Одна сторона предмета повреждена, символ сохранился не очень хорошо.

Глазами лингвиста: Гарамантида в контексте североафриканской истории (вместо послесловия)

Милитарев А.Ю. (из книги ["Гарамантида \(африканская Атлантида\)"](#))

Предлагаемый читателю [сборник работ о гарамантах](#) в своей основной переводной части отражает уровень гарамантоведения примерно до 1970 г., т. е. сразу после "рывка" в этой науке, произведенного главным образом усилиями археологов, в том числе авторов публикуемых здесь исследований. С тех пор в этой области как будто бы мало что изменилось, хотя в целом археология Северной Африки и Сахары сильно продвинулась вперед.

Наиболее пространной работой нашего сборника является [трактат суданского арабского ученого М. Айюба](#), который, наряду с детальным и добросовестным описанием археологических находок, сделанных автором в вади аль-Аджаль, географических особенностей Феззана¹ и тому подобной эмпирической и весьма ценной информацией, содержит рассуждения на историко-филологические темы и культурологические интерпретации, в которых есть ряд спорных и неверных положений (ниже мы рассмотрим некоторые из них достаточно подробно). Тем не менее составитель сборника пошел на публикацию этой работы (хотя и с некоторыми сокращениями) - и вот почему. Мухаммед Айюб представляет интерес не только (и иногда не столько) как исследователь и интерпретатор, но и как "информант". Если лингвист-руссист спросит человека, скажем, с инженерным образованием, что тот думает о происхождении некоторых слов русского языка или о тонкостях русской грамматики, он услышит кое-какие, возможно, верные, но вполне тривиальные суждения из научно-популярных изданий, по-настоящему же интересными с точки зрения лингвиста будут совсем "ненаучные" высказывания, отражающие представления этого человека как информанта, как рядового носителя данного языка: "по науке" спрашивающий сам много чего знает... Айюб в этом смысле необычайно ценный информант. Он носитель трех культурных традиций: арабской мусульманской, несколько провинциальной европейской (учился в Александрии, а потом уже "в поле" у английских археологов) и местной африканской, с ее чутким патриотизмом и восторженным вниманием ко всему африканскому - будь то древний Египет, фрески Сахары или современная негритянская музыка. Гарамантская история для него - животрепещущее прошлое его родины. Он, араб и африканец, ощущает себя, судя по всему, культурным потомком гарамантов. Весь этот сплав наряду с вполне серьезной информативной частью его работы создает у читателя большее ощущение сопричастности к прошлому загадочного народа, чем в меру академичные статьи европейских коллег М. Айюба.

Работы [Ч. Дэниэлза](#) и [Р. Лоу](#) особого комментария не требуют. Можно не соглашаться с отдельными положениями их авторов, с чересчур смелыми их гипотезами или, наоборот, с их чрезмерным скептицизмом в каких-то вопросах, но в целом это вполне доброкачественные исследования, с уравновешенной дозой нового и переложения уже известного материала.

Сборник "Гарамантида (африканская Атлантида)" - первая работа на русском языке, достаточно полно и подробно раскрывающая перед читателем научную проблематику, связанную с гарамантами, ее сложности, противоречия, достижения и перспективы.

Написано про гарамантов на удивление много. В серьезной литературе о них (ее не всегда легко отделить от несерьезной, тем более что в первой почти неизбежно встречаются элементы второй, о чем ниже) можно выделить пять направлений или, скорее, групп сюжетов и проблем, относящихся к достаточно удаленным друг от друга областям знания.

Во-первых, это - традиционные для исторической науки проблемы отбора и интерпретации письменных источников, из которых черпаются сведения о гарамантах и так или иначе соотносимых с ними народах. Эти источники - древнеегипетские, античные (древнегреческие, латинские), византийские, арабские - освоены в разной степени². Лучше всего изучены тексты античных авторов. Кажется даже, что они изучены лучше, чем следует: порой из них извлекается информация, которую они, по-видимому, не содержат, с другой стороны, почти во всех работах про гарамантов, которые мне довелось читать, цитируются и муссируются одни и те же отрывки: два противоречивых места из Геродота (Herod. IV, 174, 183), несколько фраз из Страбона (Strabo. II. 4, 33; XVII. 3. 19, 23); описание Плинием Старшим триумфа Корнелия Бальба (Plinius Secundus. V. 36-38);

рассказ Тацита об участии гарамантов в восстании Такфарината и об их набеге на Лептис (Тас. Ann. III. 74; IV. 23-26); сообщение Клавдия Птолемея о походе гарамантов против эфиопов, в котором участвовал некий Юлий Матерн (Ptolemaeus Claudius. I. VIII)... Разнообразие интерпретационных возможностей здесь невелико. Расхождения в характеристике гарамантов у Геродота объясняются либо опиской автора (или ошибкой переписчиков) в одном из отрывков (имелись в виду якобы не гараманты, а гамфазанты - другое ливийское племя), либо тем, что гараманты представляли собой конгломерат племен и в каждом из двух отрывков описываются разные из них; троглодитов, или "пещерных эфиопов", следует видеть в тубу с нагорий Тибести или же в негроидных племенах, обитавших в направлении р. Нигер³. Создается впечатление, что возможности "внутренней" интерпретации ограниченного числа текстов исчерпаны, и хочется присоединиться к ламентациям итальянского африканиста А. Гаудио по поводу того, что, например, эпическую поэму "Иоанниды" поздне-римского автора Кориппа⁴ - эту "подлинную "Илиаду" североафриканской истории"⁵ - до сих пор не взялся перевести и прокомментировать ни один из гарамантоведов.

Введенные к научный обиход упоминания о ливийцах в древнеегипетских источниках пока крайне малочисленны; камень преткновения здесь - идентификация египетских названий племен и мест, предположительно относящихся к ливийцам, их соотнесение с более поздними - дошедшими до нас от греков, римлян и арабов - и современными этнонимами и топонимами. Помимо объективных трудностей - огромного временного промежутка, фонетических изменений в названиях или полной их утраты - есть и субъективные: историки Гарамантиды не знают звуковых законов, по которым преобразуются слова египетского языка (языка этого они обычно тоже не знают) и тем более ливийско-берберских языков. Аналогичны проблемы с многочисленными арабскими текстами, исключительно важными для восстановления поздних этапов гарамантской истории, хотя здесь виден отрадный прогресс, в том числе и в отечественной африканистике, которая за последние годы обогатилась целым рядом комментированных переводов с арабского, правда, в основном относящихся к более позднему времени, чем то, которое нас интересует в связи с гарамантами. Следует отметить, как одно из главных достоинств помещенного в данном сборнике [трактата М. Айюба](#), именно использование им некоторых ранее недоступных европейскому читателю арабских текстов, связанных с гарамантами и одними из их вероятных потомков - хорманами, сохранившими, по-видимому, в своем названии этноним их знаменитых предков.

Думается, что и византийские источники о гарамантах и других народах Северной Африки вряд ли ограничиваются "Христианской топографией" Космы Индикоплова и "Хроникой" Иоанна Бикларского, где говорится об обращении гарамантов в христианство. Интересующие нас сведения могут содержаться и в христианских сирийских источниках. Вероятно, не исчерпаны информационные кладези древнееврейской библейской этнонимии.

Вторая группа проблем связана с этнической историей народов Северной Африки и смежных регионов и с современными этнокультурными характеристиками некоторых из них. Эту область исследований можно было бы назвать "в поисках гарамантов". В ее рамках предпринимаются попытки "разглядеть" гарамантов, их предков и потомков, в тех народах, чья история или современный облик имеет черты общности с гарамантами - такими, какими мы их знаем по описаниям древних. Отталкиваясь от разумной посылки, что никакой народ не существует извечно, не может произойти ниоткуда, а также вряд ли может бесследно уйти в небытие, различные авторы выдвигают претендентов на "гарамантство". Наиболее распространенные гипотезы сводятся к следующему. В основу этноса гарамантов, сложившегося в последней трети II тысячелетия до н. э., легло одно из

ливийских племен (или племенных объединений), соседствующих с Египтом (чаще всего называют этноним темху); толчком для его выделения из однородного ливийского массива, фактором, создавшим неповторимое "лицо" гарамантов, послужило частичное смешение этого ливийского племени с остатками разгромленных египтянами отрядов "народов моря", носителей крито-микенской культуры, выходцев из Восточного Средиземноморья, вторгшихся на территорию Северной Африки в конце XIV в. до н. э.

Заметим, что едва ли не главный аргумент в пользу этой точки зрения - наскальные изображения в Феззана боевых колесниц "эгейского" типа, встречающиеся и в других районах Сахары, - поставлен под сомнение одним из наиболее серьезных исследователей этногенеза ливии-берберов, французским ученым Г. Каном⁶. Он сомневается в пригодности повозок подобной конструкции к передвижению по пустыне, что предполагает возможность чисто ритуального использования колесниц обитателями Сахары и символического характера их изображений; кстати, остатков самих колесниц в Сахаре как будто пока не обнаружено. Здравый смысл подсказывает: если колесницы крито-микенского "дизайна", изображенные на скалах Феззана, этой древней вотчины гарамантов, были действенным средством передвижения по пустыне, то вероятность тесных культурных контактов гарамантов с группами, принесшими эти колесницы в Африку, высока (изготавливать такие машины и управлять ими понаслышке не научишься). Если же функция колесниц чисто ритуальная (сакральная, престижная и т. п.), то вполне возможно, что гараманты столкнулись с ними, а значит, и с носителями крито-микенской культуры лишь "по касательной": к примеру, видели в действии боевые машины, столь потрясающие воображение воинственных жителей пустыни, что они надолго сохранились в их изобразительной традиции.

В отношении возможных наследников и потомков гарамантов преобладает предположение о том, что ими являются туареги (чаще других называют туарегов Ахаггара) или теда (тубу, тиббу) - эфиопоидные обитатели нагорья Тибести на севере Чада, говорящие на языке сахарской ветви нило-сахарской семьи языков. Здесь не всегда четко проводится разграничение трех аспектов этой проблемы. Наиболее существенными отличительными признаками любого этноса считаются его язык, культура и физический (антропологический) тип. О языке гарамантов мы как будто не знаем ничего (коррекции к этому кажущемуся очевидным положению гарамантоведения я попытаюсь обосновать ниже), кроме его вероятной принадлежности к ливийским языкам и единственного сохранившегося от него слова - Гарам (и производного термина "гарамант"). Внешний облик гарамантов лишь очень предположительно реконструируется на основании их вероятного сходства с изображениями ливийцев в древнем Египте, скурых описаний античных авторов и довольно условных наскальных изображений человеческих фигур в Феззана и других районах Сахары, среди которых выделить типические черты весьма затруднительно. Что касается антропологического типа, то европеоидное происхождение гарамантов в целом не вызывает сомнений, а эфиопоидные и негроидные вкрапления в могильниках Феззана приписываются чернокожим рабам, членам низших социальных групп (таких же, как у туарегов). Больше всего информации и построенных на ней гипотез имеется о культурных особенностях гарамантов - именно они и сопоставляются с этнографическими описаниями туарегов и теда. Не следует забывать при этом, что язык, культура и антропологический тип не связаны между собой непосредственной и прямой связью и исторически складываются в любые, самые своеобразные комбинации. Поэтому в отношении теда можно предполагать лишь элементы культурной преемственности от гарамантов, но никак не языковой; теоретически не исключен и отток в Тибести эфиопоидных и негроидных групп, так или иначе связанных с гарамантами, после заката их цивилизации.

Туареги, напротив, представляются весьма вероятными претендентами на гарамантекое наследие в его целокупности. Иными словами, они могут быть прямыми биологическими потомками гарамантов, унаследовавшими их язык и культуру. Это как бы "максималистское" предположение. Вместе с тем, так как этнографические и культурные параллели между двумя этими народами обоснованы достаточно надежно, несомненно как минимум проникновение в среду "прототуарегов" отдельных гарамантских групп, принесших элементы более высокой культуры - при таком более осторожном варианте реконструкции биологическое, физическое участие гарамантов в формировании туарегского этноса может быть сколь угодно скромным, а генетические связи между двумя языками лишь отдаленными. В этом случае с лингвистической точки зрения остаются еще две возможности, обычно не рассматриваемые историками. Потомками гарамантов могут оказаться какие-либо из арабизованных берберских племен Феззана или соседних районов (например, хорманы, - по-видимому, именно это предполагает М. Айюб), утратившие в процессе исламизации память о своем "языческом" прошлом и культурные достижения предков (письменность, например) и постепенно выработавшие для себя вполне почтенную, скажем, йеменскую, генеалогию, полностью редуцировавшись до арабской бедуинской культурной традиции; речь тогда будет идти лишь о полной или превалирующей биологической преемственности. Другая возможность заключается в том, что потомками гарамантов - биологическими, культурными и, что самое главное, языковыми - окажутся немногочисленные берберо-язычные жители ливийских оазисов и населенных пунктов (Сокны, аль-Фуджахи, Ауджилы, Гадамеса и др.), диалекты которых составляют отдельную, восточную ветвь ливиио-берберских языков.

Обе эти возможности не исключают одна другую: носители восточноберберских диалектов, если они - лингвистические потомки гарамантов, могли частью перейти на арабский язык, частью сохранить родной. Что невозможно, так это чтобы гараманты были предками по языку одновременно и восточных берберов, и южных (туарегов) ², если только не придерживаться той маловероятной точки зрения, что население Гарамантиды вообще не было изначально связано никакой особой языковой общностью, выделявшей его в отдельную группу из всей массы ливииязычного населения Северной Африки.

Третья область исследования, влившая несколько десятилетий назад свежую кровь в гарамантоведение, - археологические розыски в Феззанае, особенно интенсивные в предполагаемом сердце страны гарамантов - вадии аль-Аджаль. За восторгами перед успехами археологов, открывших целое огромное кладбище в этом районе, не забудем все же о том, что название "гарамантское" было ему присвоено преимущественно на том основании, что оно обнаружено вблизи города Джермы, название которого ассоциируется (как мы увидим, не без трудностей) с Гарамой, древней столицей гарамантов. Дело, видимо, в том, что из-за специфических ограничений, накладываемых самим объектом исследования - люди ведь обычно не кладут в могилы бирок с этнической идентификацией, и извлечь подобные данные из кухонных отходов тоже мало шансов, - археологи вынуждены делать иногда слишком далеко идущие выводы из достаточно "глухонемого" материала. Наиболее "говорящие" находки обычно связаны с письмом, и здесь обнадеживают найденные на предположительно гарамантских могильниках надписи ливийским письмом. Правда, их еще надо расшифровать...

Четвертое направление в изучении гарамантов - интерпретация наскальных изображений в Феззанае и других районах пустыни. Сахарский "Музей древнего искусства" под открытым небом или под сводами пещер предоставляет ученым уникальнейшую возможность для исследования природных условий и истории народов Сахары на протяжении как минимум семи-восьми тысячелетий. Однако, как кажется, извлечение

информации из наскального искусства ведется пока на довольно кустарном уровне. Только комплексный подход, предусматривающий тесное сотрудничество историков, искусствоведов, антропологов, зоологов, археологов, климатологов, этнографов, лингвистов, геологов, химиков, может дать результаты, достойные изучаемого объекта. Поясню это на примере, относящемся не столько к толкованию наскальных изображений, сколько к датировке наскальных надписей.

Московский зоолог и палеонтолог В. И. Жигалло любезно передал мне прорисовки нескольких надписей, сделанных ливийским письмом, которые он обнаружил, работая в нашей экспедиции в Ливии несколько лет тому назад. Надписи находились в тальвеге (долинном ложе между подошвами склонов сухого русла реки - вади) и перемежались с изображениями животных и человеческих фигур. Пати́на, поверхностный налет, образовавшийся на песчаниковой породе от времени, была на тех участках камня, где имелись надписи, почти неотличима от патины на выбитых в камне монохромных рисунках, т. е. столь же темной. Пати́на -- один из трех главных критериев датирования изображений на каменной поверхности: грубо говоря, чем темнее или гуще пати́на, тем "старше" участок поверхности, который может быть нетронутым, искусственно окрашенным или сколотым, выбитым, процарапанным и т. п. в зависимости от техники нанесения изображения. Разница в тоне патины на обработанных и необработанных участках и позволяет строить относительную хронологию соседствующих или наложенных друг на друга изображений; это - критерий, так сказать, формальный. Другой, содержательный критерий - то, что изображено на скальной поверхности и как это изображено: здесь датировка - относительная и абсолютная - зависит от оценки зоолога, климатолога, археолога, историка, с одной стороны (до какого периода в этом районе пустыни могли обитать те или иные изображенные животные (?), с какого времени, по археологическим данным, встречаются в Сахаре лук со стрелами, которые держит в руке охотник с фрески? И т. д. и т. п.), и искусствоведа, специалиста по стилям и технике скальных изображений - с другой. Третий критерий - косвенный: анализ найденных возле фрески в пещере или на склоне вади возле каменной гравюры органических остатков (позволяющих применить радиоуглеродный метод), каменных орудий - отщепов, зернотерок и т. п.; здесь, однако, никогда нет гарантии, что эти находки относятся к тому же времени, что и изображение.

Так вот, набор животных на скалах в вади, о котором идет речь, явно указывает на то, что все эти панно могли появиться только до рубежа III-II тысячелетий до н. э., т. е. до очередного этапа аридизации, высыхания Сахары, после которого в ней уже не могли обитать бегемоты, носороги, жирафы. Однако, если пати́на на наскальных надписях указывает на их синхронность изображениям животных или на лишь немногим более позднее происхождение этих надписей, возникают большие трудности с проблемой возникновения ливийского письма. Автор этих строк, занимаясь данной разновидностью алфавитной письменности, пришел к выводу о ее общем происхождении с древними семитскими консонантными письменностями - аравийской, финикийской и др.; судя по культурно-историческим, факторам и имеющимся датировкам ранних памятников, семитское письмо, естественно, следует считать первичным. Самые ранние читаемые памятники алфавитного семитского письма датируются концом II тысячелетия до н. э., некоторые ученые относят его возникновение к середине II тысячелетия. Получается, что ливийские надписи в нашем вади конкурируют по своей древности с семитскими, что, конечно, маловероятно. Но тогда остается предположить, что на состояние патины повлияли какие-то факторы, которые оценивать должны, по-видимому, не искусствоведы или археологи, а геологи и химики. И только с помощью гидрогеологов можно, наверное, объяснить, почему размыты края надписей, находящиеся ближе к самой низкой линии тальвега, и как надо датировать период, в который длительное высыхание пустыни

сменилось некоторым временным увлажнением климата и вода в русле доходила до надписей, сделанных когда-то явно на сухой поверхности.

Пятая область исследования... На ней придется остановиться надолго - во-первых, потому что ее фактически еще нет и, даже кажется, что и быть не может (этот самоочевидный вывод автор берется опровергнуть), а во-вторых, потому что ее неразработанность - причина многих нелепостей и ложных посылок, кочующих из одной работы в другую. Эта область - лингвистика, а именно лингвистические исследования вопросов, так или иначе связанных с гарамантами. Удивительное дело: вполне солидные историки, которые явно не примут всерьез работу, где смешиваются Тит Флавий с Иосифом Флавием или микролит объявляется археологической эпохой (и на этих утверждениях строятся далеко идущие выводы, удостоверяющие, что дело тут не в случайной оговорке), могут позволить себе повторять, не проверив, не менее шокирующие высказывания на лингвистические темы, а иногда и строить на них свои гипотезы. Причиной такого печального явления представляется распространенная недооценка того факта, что лингвистика, вернее, сравнительно-историческое языкознание, о котором у нас идет речь, - наука гуманитарная по своим целям и задачам, но точная (это не качественный эпитет, а классификационное отнесение к определенному кругу наук) по своим методам. Это, в частности, означает, что она располагает определенным набором данных, не являющихся объектом непосредственного наблюдения, а установленных в результате некоторых операций, причем операций достаточно сложных: оценить эти данные может лишь специалист, владеющий техникой подобных операций; всякие суждения, сделанные "на глазок", как правило, ложны. Безусловно, у "чисто гуманитарных" наук - истории, литературоведения и других - тоже есть свои методы исследования и своя техника, но оценить результаты исследований или даже высказать вполне разумные суждения в этих областях в принципе может и интеллигентный читатель-неспециалист, на которого, кстати, в большой степени рассчитаны многие публикации по данным наукам; материалы же, скажем этимологического словаря читатель-непрофессионал (даже лингвист) самого высокого интеллекта оценить не может и вынужден принимать на веру. Ниже я попытаюсь проанализировать ошибки, о которых идет речь как в предлагаемом читателю [сборнике](#), так и в работах, отечественных и переводных, где так или иначе затрагиваются вопросы, связанные с гарамантами. Выбор именно этих работ объясняется только их доступностью для читателя: в целом они не ниже, а иногда и выше уровнем общей массы научной и научно-популярной литературы по истории Северной Африки⁸. Искренне считая, что мы должны быть благодарны их авторам за кропотливый исторический труд, смелые научные гипотезы и увлекательную манеру изложения, я все же убежден, что отсев "плевелов" в науке - занятие хотя и неблагоприятное, но совершенно необходимое.

Начнем с начала - с самих терминов "Гарама" и "гарамант". "Имеется лишь одно слово, - пишет Ю. Поплинский, - о котором можно с уверенностью сказать, что оно исконно гарамантское. Это слово - "Гарама" - название столицы и страны. Сейчас ни один из специалистов-языковедов не сомневается в его гарамантском происхождении" ([Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов](#), с. 152). И в другом месте: "Об участии эгейцев в складывании гарамантской общности свидетельствует, на наш взгляд, сам этноним "гарамант". Все исследователи, принимающие не подлежащую сомнению посылку о местном ливо-берберском генезисе терминов "Гарама" и "гарамант", признают пеласгическое происхождение суффикса -ант в слове "гарамант". Правда, они считают, что оформление местного корня "гарама" при помощи суффикса принадлежит уже грекам, в язык которых этот суффикс вошел. Мы же склоняемся к предположению, что слово "гарамант" возникло в конце II тысячелетия в ходе формирования гарамантской общности из ливо-берберского этнического ядра и постепенно адаптировавшихся в нем эгейцев" (там же, с. 126).

Все здесь так, да не совсем. Во-первых, для того, чтобы утверждать с уверенностью, что данное слово относится к данному языку, знания этого языка в объеме одного слова (да еще того самого, чью принадлежность мы и пытаемся установить!) как-то недостаточно. Во-вторых, вряд ли можно считать Гараму названием целой страны. В-третьих, боюсь, что никаких серьезных "специалистов-языковедов" среди авторов обсуждаемых здесь высказываний не водилось, а "все исследователи", признающие пеласгическое происхождение суффикса -ант и считающие, что этот суффикс вошел в греческий язык (откуда? видимо, из "пеласгического" языка?), в этих вопросах не очень компетентны. Суффикс -нт (а не -ант) - греческий суффикс причастий, с его же помощью греки нередко образовывали этнонимы от иноязычных топонимов; к заимствованиям из языка пеласгов, о котором практически ничего не известно, относят - да и то чисто условно - только некоторые малообъяснимые явления греческого языка⁹. Таким образом, ни о каких пеласах суффикс в слове "гарамант" не свидетельствует. Никаких нет оснований и для предположения о том, что этот этноним возник в конце II тысячелетия. Утверждать мы можем только одно: термин "гарамант" образован греками от негреческого топонима Гарама с помощью суффикса -нт и известен с V в. до н. э., когда его приводит Геродот.

Каково же происхождение слова Гарама? "Установленное нами ливо-берберское происхождение гарамантов (факт, до сих пор не использовавшийся лингвистами), - утверждает Ю. К. Поплинский, - придает гораздо большую убедительность выводам ученых о том, что слово "Гарама" берберское" (с. 152). Это утверждение странно. Ведь не считая бездоказательных предположений вроде тех, что гараманты - это филистимляне или одно из колен Израилевых, никаких серьезных альтернатив естественному взгляду на гарамантов как на одно из ливийских племен никогда и не выдвигалось. Кем же еще могут быть европеоидные обитатели восточной Сахары конца II - середины I тысячелетия до н. э., как не ливийцами? Современные берберы - биологические культурные и, главное, языковые потомки ливийцев. Топоним "Гарама" в Феззани, заселенном гарамантами, - скорее всего ливийского происхождения. Но чтобы подвести основание под это предположение, необходимо найти разумную этимологию для нашего топонима. Искать ее, естественно, надо не среди того скудного языкового материала, который дошел до нас от ливийцев, а в лексике современных берберских языков, о которых известно очень многое. Ю. Поплинский цитирует три этимологии слова "Гарама", считая, что сам по себе факт попыток этимологизировать это слово из берберских языков является "сильным аргументом в пользу принадлежности языка гарамантов к группе автохтонных берберских языков" (с. 153).

На самом деле, две из этих попыток скорее могут скомпрометировать саму идею. Что касается одной из них, то автор ссылается на Ш. Сабатье, сравнившего слово "Гарама" со словом "гарамедден" ("пастухи "гара", - поясняет он; гара - называются скальные массивы особого вида, часто встречающиеся в Сахаре" - там же). Трудность, однако, в том, что слово это - гара - арабского происхождения (из qara с диалектным произношением g вместо q). Арабы, как известно, появились в Северной Африке в VII в. н. э., и слово Гарама, лежащее в основе этнонима "гарамант", засвидетельствованного с V в. до н. э., никак не может быть арабским! Вторая же часть этнонима "гарамедден" - медден, что в большинстве берберских языков означает "люди". Таким образом, гарамедден - это люди горного района, называемого арабским словом гара. Вторая этимология, принадлежащая Ф. Р. Родду, связывает корень "герм" в названии туарегского племени "игермаден" с Гарамой; куда при этом девается часть корня -ад- (префикс и- в сочетании с суффиксом -ен передает в берберских языках множественное число) - не объясняется. На самом деле, игермаден - вариант этнонима гарамедден. С таким же успехом Гараму можно сопоставлять с Германией, гаремом или гармонистом.

Третья этимология, на которую ссылается Ю. К. Поплинский, а в [предисловии к настоящему сборнику М. Рошин](#), - единственная реальная из всех известных попыток объяснить происхождение слова "Гарама". Ее предложили итальянский берберолог Ф. Бегвинот и французский ученый Г. Мерсье (последний, по-моему, раньше, чем первый, - в работе 1924 г.). Однако этимология эта, почему-то не снабженная ее создателями соответствующим комментарием (возможно, они и сами не заметили содержащегося в ней подвоха) и простодушно цитируемая историками, создает для лингвиста определенные трудности. Речь идет о слове ауэгэт "населенный пункт, поселение (часто укрепленное)", имеющем общеберберское, а не только туарегское распространение. Не вызывает сомнений семантическая сторона вопроса: название "Гарама" вполне могло первоначально означать "поселение, город". Трудности здесь с фонетикой. Очевидно, что название "Джерма" относится к тому же самому городу и является арабизованным вариантом старого топонима "Гарама". Но дело в том, что арабский звук dž (дж, в латинской транскрипции обычно ġ или ğ) происходит из g и может только его и передавать; иными словами, арабское звучание Džerma может отражать лишь старое звучание Gar (a) ta (с начальным "g"). В берберских языках звук g, конечно, есть. Но в слове ауэгэт первый согласный не g, а γ (увулярный спирант, похожий по звучанию на грассированное французское "г"). Этот звук должен был передаваться очень похожим на него арабским согласным, обозначаемым буквой "гайн", менее вероятно - арабским согласным q ("каф"), перешедшим во многих арабских диалектах Северной Африки, в частности в ливийском арабском, в звонкий g, но уж никак не в ġ¹⁰.

Возможно, слово "Гарама" произносилось местными жителями не с γ, а с g (тогда его происхождение из ауэгэт исключается), однако мне не удалось найти в берберских языках ни одного подходящего слова с корнем grm или двух компонентов, составляющих сложное слово с такой же последовательностью согласных, которое могло бы послужить этимологом для Гарамы. В какой-то степени в пользу первоначального γ говорит и название арабизованного племени хорманов, связанного с историей Джермы: звук x (арабское и берберское h) может в некоторых случаях передавать берберское γ (но не g); примеры чередования h/ γ встречаются и в самих туарегских языках: ахаггар məhuter, aur məhiter - тауллеммет məγuter "нуждаться".

Пожалуй, единственное объяснение, которое позволяет сохранить этимологию Гарамы из ауэгэт на сегодняшнем уровне наших знаний об исторической фонетике ливии-берберских языков, с одной стороны, и арабских диалектов Магриба - с другой, следующее. Арабоязычное население, превратившее Гараму в Джерму, унаследовало название города от некоей аборигенной, с точки зрения завоевателей-арабов, группы, которая произносила это название не по-берберски (или, что то же самое, не по-гарамантски) - с начальным "γ", а на каком-то ином языке - с начальным g. Что это мог быть за язык? Переберем наиболее вероятные по историческим соображениям варианты. Это мог быть греческий язык: в слове гараманты у Геродота начальный согласный передается "гаммой", что довольно естественно, так как в греческом не было звука, более похожего на берберский γ. Это мог быть латинский язык - римские авторы передают слова "Гарама", "гараманты" через g. Это, наконец, мог быть один из арамейских диалектов, в котором у, вероятно, передавалось бы как g. Как видно хотя бы из работ, включенных в [настоящий сборник](#), влияние римской культуры на население Гарамы можно считать доказанным. Носителями этого влияния могли быть латино- или грекоязычные купцы и ремесленники одного из прибрежных городов Триполитании - Лептис Магны, Сабраты, Эи; вполне вероятно существование и целой колонии такого рода в Гараме. Через нее, кстати, могли осуществляться и попытки христианизации гарамантского населения. Другая возможность - существование в Гараме еврейской торгово-ремесленной колонии,

говорящей по-арамейски; прямых исторических свидетельств в пользу этой гипотезы нет, хотя в литературе встречаются глухие упоминания о ранних берберо-еврейских связях.

Еще меньше повезло другим этнонимам, обозначающим различные ливийские племена, особенно так называемым "темху". Ю. Поплинский, называя их почему-то "туимах", отождествляет их с адирмахидами Геродота. А в одной лингвистической работе о них сказано следующее: "Египетские источники упоминают племя tmḥ, название которого соблазнительно сопоставляется с названием языка туарегов tamahaq. Однако точных сведений для этого периода нет"¹¹. Здесь скрыта двойная ошибка. Начнем с того, что никаких "темху", а тем более "туимах" в природе нет. Есть встречающийся в египетских текстах Старого царства этноним ṣmḥ (tmḥ в условной египтологической транслитерации) "ливиец"¹², который по сегодняшним научным представлениям о египетской фонетике отражает произношение ṣimḥ или ṣumḥ из более древнего *kimḥ или *kumḥ. Прочтение "ч" как "т" ("темху"), принятое в исторических работах, - чистая условность, основанная либо на позднем произнесении "ч" как "т" в эллинистическом Египте (эта фонетическая черта могла каким-то образом сохраниться в греческой и латинской исторической традиции), либо на обычном недоразумении. Естественно, "чимх" - "кимх" несколько не похоже по звучанию на этноним "адирмахиды" - сложное слово, вторая часть которого, возможно, сопоставима с общетуарегским a-məyid "вассал", "подчиненное племя или группа людей". Совсем никуда не годится сопоставление "темху" (на самом деле "чимх" из "кимх") с туарегским языком "тамахак". Разберемся заодно с названиями туарегских диалектов, которые разные авторы называют то "тамашек", то даже "томашек", то "тамахак", полагая, что так называется туарегский язык как таковой. Это неверно.

Tamažeq, tamâšəq, tamâhaq (но не фантастическое tamaḥag! h и ḥ - разные звуки, и в египетском ṣmḥ стоит как раз ḥ) - названия разных туарегских диалектов, этимологически соответствующие общеберберскому tamazɣt, названию языка народа imaziɣ ən, как именуют себя сами берберы. Различие в составе согласных в этих названиях (ž/š/h/z) объясняется различием в произношении в разных берберских языках праберберского *z. Развитие этого звука в ларингальный h в одной из групп туарегских диалектов (племен кель ахаггар, кель аджер и нескольких других) - явление сравнительно позднее, относящееся к I тысячелетию н. э. Таким образом, "чимх" из "кимх" с консонантным корнем kmḥ, засвидетельствованное в III тысячелетии до н. э., не имеет ничего общего с tamâhaq из tamazɣt с консонантным корнем mɣ (префикс t- и суффикс -t, или так называемый конфикс t...t, обозначает женский род, в котором обычно стоят названия берберских языков).

Коснемся еще нескольких научных "микромифов" вокруг самоназвания берберов. "Самоназвание, которое они (берберы. - А. М.) чаще всего себе дают, это amaɣ iɣəp, что значит "люди". Язык же свой они называют людским, в чем не меньше гордости и презрения к неберберам, чем у римлян, которые называли их варварами"¹³. И у другого автора: "Самоназвание туарегов - имохаг (или имаджирхен), что значит "свободные" ("независимые")"¹⁴. И в другом месте: "Свободолюбие туарегов, отраженное уже в их самоназвании - "имохаг"... напоминает о гарамантах, отстаивавших свою независимость"¹⁵. На самом деле, imaziɣəp - самоназвание берберов (и его варианты у южных берберов - туарегов) - не переводится ни как "люди", ни как "свободные". Термин этот существует не менее 2,5 тысячелетия - он довольно надежно идентифицируется с Māksyes Геродота и Māzikes, Mazices других античных источников и действительно, как предполагает Ю. К. Поплинский, сопоставим с этнонимом mšwš "ливиец" египетских текстов XIX и XX династий (второе š здесь может передавать ḥ, как это часто происходит в египетском языке этого периода, т. е. mšwš < *mšwḥ; - ḥ соответствует здесь ливии-берберскому у), обозначая одно из ливийских племен и ничего более. Самая

правдоподобная этимология для amaziṯ, мн. ч. imaziyan, была предложена Т. Сарнелли: он реконструировал его как прилагательное "красный" с обычным префиксом m- из общеберберского глагола *i-zway "быть красным". Название народа по цвету (волос, кожи или традиционной одежды) - явление не уникальное¹⁶. Развившееся в туарегских диалектах дополнительное значение этого этнонима - "свободные" - указывает не на свободолюбие туарегов или их стремление к независимости от каких-то внешних "угнетателей", а, напротив, на их собственный статус свободных, господ по отношению к зависимым от них этническим группам неевропеоидного типа и неберберского происхождения.

Необоснованно фонетически и сопоставление авсеев Геродота с египетским термином, который Ю. Поплинский передает как "хэс"¹⁷ и который транслитерируется как b;s-tu, означая жителей b;s-t - пустынной и гористой местности за пределами Египта. Это слово восходит к форме *ḥrs-, в точности соответствуя семитскому *ḥurs- (аккадск. ḥurš-an-, угаритск. ḥrš-n, древнееврейск. ḥorāš "гора").

Аналогичную ошибку делает [Р. Лоу](#) в настоящем [сборнике](#), когда пишет о другом племени, упоминаемом Геродотом, - атарантах: "Если догадка о том, что их название происходит от распространенного берберского слова "адрар" или "атар", означающего "нагорье", правильна, они должны были жить в горной местности". Историк, не интересующемуся закономерностями языкового развития, все кажется похожим: адрар, атар... Основа "атар" с прибавлением греческого суффикса -нт (как в слове "гарамант"), конечно, хорошо объяснила бы этноним "атарант" как "горец", если бы не тот факт, что такого слова в берберских языках нет; есть слово "адрар" - "гора", но оно плохо сопоставляется с "атарантами" фонетически. Кстати, аккуратнее сопоставил слова [Анри Лот](#), тоже историк и этнограф, вполне правдоподобные идентификации которого ("Алазит" с современным Илези, "Балса" с Абалессой, "Дасибари" с сонгайским названием Нигера - Да Иса Бари "Большая река Да") [Р. Лоу](#) классифицирует как "всего лишь догадки". Этимологизация этнонимов и топонимов - дело вообще очень тонкое, а то и гадательное, даже если мы твердо знаем, в каком языковом ареале следует искать этимоны, так как на одно такое название обычно приходится несколько слов с похожими корнями и соблазнительно подходящими значениями; совсем плохо, когда догадки основываются на элементарном непонимании процедуры сравнения.

Еще один этноним, о котором пойдет речь, - "туарег". "Гарама превращается в Джерму, - рассказывает известный итальянский исследователь Сахары [Аттилио Гаудио](#) о периоде арабского завоевания Северной Африки, - ее население - в таварга, хэввара, тарака и, наконец, в тарга; со временем это слово примет форму "тарги", которая во множественном числе звучит как "туаиреги"¹⁸. Распространенную в литературе этимологию слова "туареги" приводит Ю. Поплинский: "Название "туарега" им (т. е. соответствующему берберскому племени. - А. М.) дала арабы во время завоевания Северной Африки и насаждения ислама, поскольку они дольше других сопротивлялись новой религии, оттесненные в горные области Сахары. За это и получили название "туарег" - "отвергнутые богом" (ед. ч. - тарги)"¹⁹. Оба процитированных отрывка - прекрасный образец так называемой "народной этимологии", в данном случае возникшей среди североафриканских арабов и повторяемой современными учеными; другая этимология такого рода -- объяснение термина "туарег" из арабск. ṭāṭaqa "стучать (в дверь), приходить, к кому-либо ночью". Действительно, "туарегами" (təwāṭəg в арабских диалектах Магриба) берберо-язычных кочевников Сахары называют арабоязычные бедуины и за ними - все остальные: сами "туареги" зовут себя, как мы видели выше, иначе. Однако слово это не арабского происхождения. Что касается "отвергнутых богом",

то это просто недоразумение: в классическом арабском есть глагол *taraka* "отвергать, оставлять, отказываться", из которого никак, не могла получиться форма с *g* на конце²⁰.

Крупнейший специалист по туарегским языкам датский профессор Карл-Густав Прассе считает, что *tawâṛag* - множественное число от реконструируемой арабской диалектной формы *targi*, образованной арабами от *Tarḡa*, современного ахаггарского и, возможно, старого ливиио-берберского названия Феззана. Литературную арабскую форму этнонима "туареги" - *ṭawâriq* (от ед. числа *ṭâriqīyū*) - Прассе считает "обратным" образованием из диалекта по аналогии: как указывалось выше в связи с проблемой: идентичности топонимов Гарама-Джерма, диалектное арабское *g* соответствует классическому и литературному арабскому *q*. Эта этимология, приведенная еще гениальным "апостолом пустыни" Шарлем де Фуко в его ахгагарско-французском словаре, лучшем труде по африканской лексикографии, вполне правдоподобна. Однако мы позволим себе предложить альтернативное объяснение. Арабский историк XIV в. Ибн Халдун, пересказывая генеалогические предания берберских племен Феззана, упоминает некоего Ауригха (*Awṛ iḡ*), отца Хавара. Хавар - эпоним племени хавара, о котором шла речь выше. Ауригх же - предок современного "благородного" туарегского племени урагхен (*ûraḡen*), обитающего между нагорьем Тассили-н-Аджер и районом к северо-востоку от оазиса Гат. Форма женского рода единственного числа, в которой стоит название языка туарегов урагхен, - *tûraq* (<**t-awraḡ-t*). Это - точное соответствие этнониму "туарег" с диалектным арабским произношением *q* как *g*. Первоначально, по-видимому, называли себя *ûraḡen*, а свой язык *tûraq* только берберы *imûhaḡ*, из языка которых развились севернотуарегские диалекты группы *tamaḥâq* ("тамахак"), т. е. те диалекты, в которых общеберберское **z* перешло в *h*. Позднее, когда за каждым выделившимся из праязыка группы *tamaḥâq* диалектом и говорящим на нем племенем (кель ахаггар; кель аджер, или кель ажжер; тайток и др.) закрепилось отдельное самоназвание, старое "родовое" название осталось только за одним из диалектов - *tûraq*, языком племени *ûraḡen*. Этим названием арабы стали именовать всех представителей южноберберской языковой ветви - "туарегов". Таким образом, термин этот, некогда обозначавший одну из групп южных берберов, в языке аборигенов Сахары сузился до обозначения только одного племени (*ûraḡen*), а в языке арабов, наоборот, расширился до обозначения всех южных берберов - туарегов.

Мы рассмотрели сейчас пример того, как исконному ливиио-берберскому слову, реальная история которого может помочь восстановлению хотя бы некоторых деталей прошлого, приписывается арабское происхождение с вытекающими отсюда "фантазиями на исторические темы". Приведем примеры и обратного явления - так сказать, "архаизации" арабизмов.

Немногие работы, посвященные туарегам Ахаггара, обходятся без рассказа про барабан "табол" - "священный атрибут" вождя кель ахаггаров, носящего титул "аменокаль"²¹. Вот как пишет о нем.: Ю. Поплинский ([ук. соч.](#), с. 163-164): "...особый барабан... прикасаться к которому без особого разрешения аменокала никто не имеет права. "Табол" туареги всегда брали с собой в военные походы. Кстати говоря, словам "табола" обозначается также мать аменокала, первая дочь в семье ахаггаров, обеспечивающая ему право быть вождем. (Сама привилегия претендовать на этот титул тоже обозначается термином "табол".) За всеми подобного рода описаниями как бы просвечивает особая архаичность "табола", его связь с древними обычаями матриархата (мать аменокала!). Этот сакральный предмет выплывает из таинственного прошлого кель ахаггаров, где смутно вырисовывается облик загадочной Гарамантиды... Думаю, что восторги историков и этнографов перед "таболом" несколько потускнели бы, если бы они, заглянув в словарь Фуко, узнали, что слово это -

заимствование из арабского, да еще позднее, с ассимилированным арабским артиклем `al- (əttəbəl; из 'al-ṭabl).

Аналогичная история - с белыми пришельцами в страну теда. Она заслуживает длинной цитаты. Ю. К. Поплинский пишет: "...ясно... что "белые люди" - гараманты - прожили здесь достаточно долго. Появление светлокожих северян традиция связывает с великой Миграцией. По-видимому, культурное значение гарамантов, принесших с собой в район Тибести свою высокую культуру, было велико. Об этом можно судить хотя бы по тому, что воспоминание об их гробницах, которые известны в Тибести и в наши дни как гробницы "белых" (назарах), сохраняется спустя почти тысячелетие.

Видимо, тоже гарамантского происхождения загадочные руины неизвестного города в южном Борку (около Айн Галакка). Такого рода постройки в этом районе больше нигде не встречаются. Местные жители сохранили воспоминание о том, что они сооружены теми же "белыми людьми" - назарах. Зная о высокоразвитом градостроительстве у гарамантов и о их многочисленных городах, мы вправе со вниманием отнестись к этому свидетельству традиции"²²

Со вниманием отнесясь к рассуждениям историка, не могу не сказать, что "насара" или "назара"²³, в каком бы языке в пределах зоны арабской экспансии это слово ни находилось, в значении "белый человек" может быть только арабским nāṣāra "христиане"²⁴ и ничем иным. Иоханнес Лукас в своем исследовании "Язык тубу в Центральной Сахаре" приводит это слово в двух диалектных формах: Nasār и Nəsara - в значении "европеец". Факт арабского происхождения названия "белых людей" ставит новые вопросы. Назывались ли эти люди "насара" в те времена, когда они, по преданию тубу, сооружали свои гробницы и загадочные постройки (менее тысячи лет назад? Для гарамантов поздновато...)? Или заимствованное впоследствии у арабов слово "христианин, европеец" просто является описательным термином для каких-то людей европеоидного типа, пришедших в район Тибести до арабов? Вкладывали ли те тубу или арабы, которые когда-то называли этих людей "насара", в этот термин значение "христиане", противопоставляя его приверженцам другого (или других) вероисповедания, или же имелись в виду любые "белые люди"? Сами арабы-мусульмане сюда включаться, естественно, не могли: если термин "насара" не приписан "белым людям" задним числом как современное их обозначение, если он стал употребляться во времена арабского завоевания Северной Африки, то он должен был обозначать каких-то европеоидов-неарабов, с которыми арабы и тубу имели дело, но которых тубу почему-то называли арабским словом - вслед за арабами. Кем же могли быть эти люди? Гарамантами-христианами? Какими-то европеоидами-немусульманами, пришедшими вместе с арабами, но оставившими особый, отличный от арабов, след в памяти тубу?

Проблема осложняется еще и тем, что сами арабы на языке тубу не называются арабами! Лукас на слово "араб" дает две диалектные формы одного слова - Arā и Arām, а также слово Yógode. Если только не возможность какого-то необычного фонетического развития b в m на конце слова, термин Arām (Arā - вторичная форма) похож не столько на арабское 'arab "арабы", сколько на название западносемитского народа арамея (древнееврейск. ʾarāmī "арамей", постбиблейск. еврейск. "арамей, иноверец, неиудей"). Второе же слово - Yógode - явно восходит к распространенному, в том числе и в Африке, названию евреев (арабск. yahūdīyy - из древнееврейск. yəhūdī "иудей"). Существенно при этом, что слово "арамей" как будто не засвидетельствовано в классическом арабском языке (оно появляется поздно как заимствование - по-видимому, из европейской исторической литературы), а в арамейских диалектах оно если и встречается, то не является самоназванием арамеоязычных народов.

Только на одном из арамейских диалектов, сирийском, в христианских текстах 'āḡmāḡō хотя и означает "язычник", но в нескольких трактатах встречается в значении "сириец". В тех текстах Библии, которые написаны на так называемом "библейском, арамейском" диалекте, слова "арамей", "арамейский язык" вовсе не встречаются. Евреи, которые за несколько веков до новой эры перешли на разговорный арамейский язык, называли его 'aḡmīt, однако себя арамеями никогда не называли.

Ситуация весьма запутанная: в стране тубу побывали какие-то "белые люди", которых тубу называют почему-то арабским словом "христиане" (по-видимому, не просто "европейцы" или "люди белой расы": Христос на тубу - имя того же корня - Nəssara, т. е. "Назарянин"), а самих арабов они называют "арамеями" (причем слово это попало к ним не из арабского, где его нет) и "иудеями"! Кто оставил следы на Тибести: гарамантские эмигранты, евреи рассеяния, сирийские христианские миссионеры средневековья? Вот задачка для историков. К неполным или ложным выводам может привести и оперирование с именами собственными, в том числе с теонимами, если оно не опирается на квалифицированный этимологический анализ.

Так, [М. Айюб](#) называет "коренной ливийкой" женское божество Тиннит, которому, по-видимому, поклонялись гараманты. Рядом исследователей эта ливийско-пуническая богиня сопоставляется или прямо отождествляется с египетской богиней Нейт. Оставляя в стороне сравнительные характеристики обоих персонажей, отмечу, что с лингвистической точки зрения имя Нейт затруднительно произвести из имени Тиннит; напротив, Тиннит может закономерно производиться от Нейт на любом берберском (а значит, и на праберберо-ливийском) языке с вероятным значением "та, которая Нейт". Это, конечно, не исключает изначального неегипетского происхождения имени Нейт, означая лишь то, что, если два эти имени связаны, имя Нейт первично по отношению к имени Тиннит, а не наоборот²⁵.

Еще один пример - из книги Ю. М. Кобищанова "На заре цивилизации. Африка в древнейшем мире" (М., 1981). Говоря о египетских религиозных представлениях, автор утверждает, что Египет оказал в этой сфере существенное влияние на соседние народы. Такое утверждение, распространенное в литературе, при всей своей самоочевидности, не столь легко доказать на конкретном материале. Мне уже приходилось писать о том, что анализ, например, египетско-семитской культурной лексики указывает на направление заимствования целого ряда слов из семитоязычного ареала в Египет, а не наоборот²⁶ - вывод как будто не вполне укладывающийся в общепринятые представления о культурной ситуации в этом районе в III-II тысячелетиях до н. э. Как бы то ни было, языковой, этимологический аргумент, который приводит Кобищанов, - один, и он неверен. Автор пишет (с. 212): "Образ бога охотников и пастухов пустыни Сета постепенно настолько оброс демоническими, дьявольскими чертами, что стал напоминать вездесущего "Князя Тьмы", "Духа Зла" - Сатану. Кстати сказать, Сет и Сатана - очень сходные имена. Тот же корень порой звучит и в именах Сатаны некоторых кушитских и сахарских народов, которых в раннем средневековье арабы считали "магами и дуалистами". Если эти близкие к Египту народы испытали влияние религиозно-философского дуализма древнего Востока, то, скорее всего, это влияние не иранского, а древнеегипетского происхождения".

Не знаю, о каких конкретно кушитских и сахарских народах говорится в цитированном отрывке, но если довод о влиянии Востока строить на том, какой корень "порой звучит в именах Сатаны" во всех известных мне кушитских и сахарских языках, то влияние это определить проще простого - оно арабское. И упомянутые "имена" суть одно: арабск. šayṭān (ср. древнееврейск. šāṭ ān, откуда арабский термин, вероятно, и заимствован). Это

же слово есть в кушитских языках: сомали (šaytan-ka) и квара (sayṭān), в чадском языке хауса (šaytan), в сахарском языке тубу (šedán) и в нубийских языках (šeytān). При этом никакого отношения данный семитский термин к египетскому Сету не имеет: Сет по-египетски транслитерируется как stḥ или stš (из *stḥ), в более поздних текстах - swtḥ, stḥ, (в вавилонской (передаче šutaḥ), тогда как семитское слово восходит к форме *ša (y) ṭān. Как видим, в этих двух корнях нет ни одного общего согласного; похожими они могут показаться только в передаче русскими буквами без диакритических знаков.

В главе "Путешествия слов" Ю. М. Кобищанов пишет: "...не зная их (слов. - А.М.) действительного происхождения, мы не должны вступать на весьма неверный путь сближения слов разных языков лишь по их внешнему сходству" (с. 40). При полном согласии с этим утверждением должен констатировать, что, во-первых, практически все конкретные сближения слов в африканских языках, от которых не удержался автор (в этимологии вообще есть что-то маняще-роковое, как в сиренах), произведены именно по их внешнему сходству и поэтому неверны, а, во-вторых, для многих из них имеются вполне надежные, а для некоторых - вероятные этимологии, однако вовсе не те, которые предлагает автор.

Удивительные высказывания встречаются в исторических работах и по поводу языков и письменности народов Северной Африки. Так, [М. Айюб](#) пишет: "На гарамантском языке в Феццане больше никто не говорит. Единственное племя, сохранившее этот древний язык (правда, с большой примесью языка туарегов и хауса), проживает вблизи Ниамея, столицы Нигера, и называется джерма". Объясняется и история гарамантов-джерма: "В Нигере, в том месте, до которого дошли царь Гарамы и Матерн, до сих пор живет племя, называющее себя гарамантами. Это потомки солдат гарамантов, оставшихся там в I в. н. э.". Непосвященному читателю впору всплеснуть руками и воскликнуть: да куда же смотрят бездельники-гарамантоведы, собирающие по крупицам косвенные данные о таинственном древнем народе, когда близ столичного града Ниамея (туда, вероятно, и автобусы ходят) ждут их расспросов о знаменитых предках и о живой гарамантской речи наследники былой солдатской славы! Беда в том, что все эти высказывания М. Айюба - не более чем образец научной безответственности.

Действительно, у реки Нигер живут негроидные племена (вспомним: гараманты - европеоиды), говорящие на диалекте джерма языка сонгай нило-сахарской семьи языков, никакого отношения к ливийско-берберским языкам, на одном из которых предположительно говорили гараманты, не имеющего, поэтому оснований считать, что часть гарамантов - участников похода, описанного Плинием Старшим, осталась на берегах Нигера, нет, да и отстаиваемая [Анри Лотом](#) гипотеза о том, что гараманты и Юлий Матерн дошли до Нигера, другими исследователями оспаривается (см. в [статье Лоу](#)). Остается только название - джерма, совпадающее с названием города Джерма в Феззане, вероятная связь которого с древним топонимом "Гарама" обсуждалась выше. Однако есть в районе реки Нигер и другой населенный пункт с похожим названием: Гурма Гхарус. В Нубии есть местечко Керма, давшее название целой археологической культуре. Имеется ли здесь какая-то связь? Возможно. Пока, однако, наука не располагает никакими фактами или хотя бы на чем-то основанными гипотезами об этом.

Противоречивы и высказывания о письменности гарамантов. "...Гараманты не были склонны записывать что-либо", - утверждает [М. Айюб](#) в одном месте. И в другом: "К сожалению, при раскопках захоронений не было обнаружено каких-либо надписей, из которых можно было бы узнать имена усопших, их возраст, сведения из их жизни". И, наконец: "По существующим данным можно с уверенностью сказать, что письменность гарамантов полностью отличалась от письма тифинаг, известного сейчас". Что все это

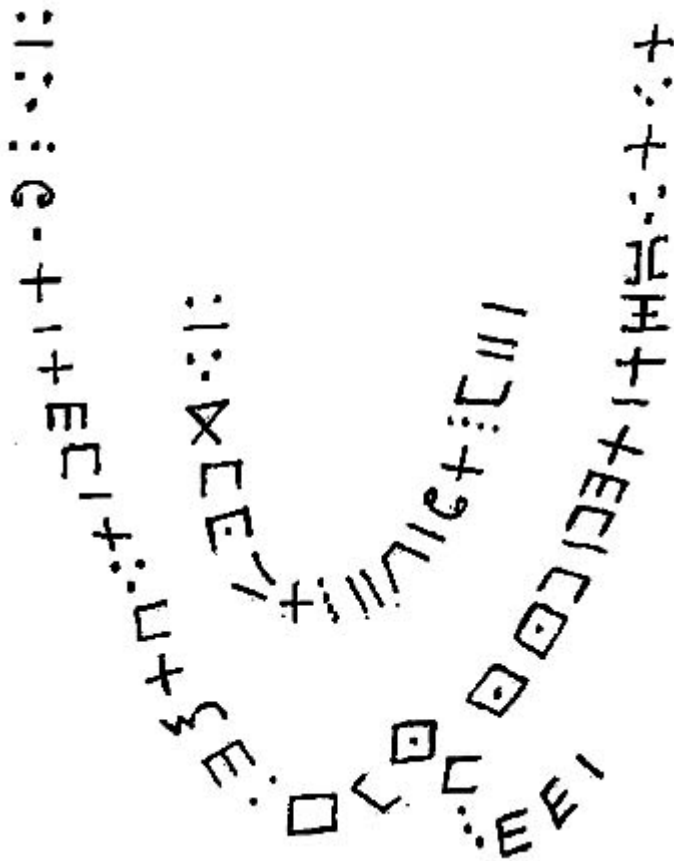
значит? Так есть надписи или нет? Видимо, есть, если "по существующим данным... с уверенностью... полностью отличалась"! Значит, нет только таких надписей, "из которых можно было бы узнать...", т. е. надписей читаемых, поддающихся дешифровке. Откуда же тогда уверенность в полном отличии от письменности современных туарегов - тифинага? И как быть с отсутствием склонности к "писательству" у гарамантов, если надписи есть? Все загадочно...

К ливийскому письму, на разновидностях которого составлены надписи, найденные в Феззане, и другие надписи в разных точках Средиземноморского побережья и Сахары и к которому относится также туарегское письмо тифинаг, мы еще вернемся. Здесь же отметим, что огромное число надписей, разбросанных по всей пустыне, пока никем не систематизировано и не датировано. Проблема датировки наскального письма тесно связана с вопросами датировки различных "стилей" наскального искусства, также пока далекими от разрешенности, с соотношением состояния патины на рисунках и надписях (см. выше). Поэтому и высказывания историков типа того, что "некоторые надписи и рисунки значительно древнее литературных источников" ([Ч. Дэниэлз](#)), не следует принимать всерьез: древнейший литературный источник о гарамантах, которым мы располагаем, - геродотовская "История" относится к V в. до н. э., о ливийских племенах вообще упоминают египетские источники III тысячелетия до н. э., а самый ранний (собственно говоря, единственный) датированный текст ливийским письмом относится ко II в. до н. э.; сахарские надписи могут быть и древнее, но это пока всего лишь догадки.

Не более обоснованным, чем удревание сахарских надписей в приведенном высказывании Дэниэлза, представляется и их "омоложение". Анри Лот, говоря о найденных им изображениях льва, одно из которых сопровождается надписью, пишет: "Наличие письменных знаков позволяет определить возраст этих рисунков - самое большое тысяча лет"²⁷. Это очень рискованный критерий для установления верхней временной границы обитания льва в Сахаре - надписи могут быть и значительно древнее.

Наконец, еще одно высказывание о ливийском письме, именно о туарегском письме тифинаг, которое вызывает возражение, принадлежит Ю. Поплинскому: "Мужчины с письменностью не знакомы, поскольку она используется преимущественно в культовых целях; древние же культы отправляли женщины племени"²⁸. Здесь вновь для демонстрации архаичности туарегского мира, высвечивания его гарамантского исторического фона применяется прием "смещения планов". Не говоря уже о том, что отправление древних культов "женщинами племени" всего лишь предположение (сочетание "древние культы", надо понимать, - намек именно на гарамантов: кто же знает, кем отправлялись древние культы у туарегов?), утверждение о преимущественно культовых целях письменности у современных туарегов - натяжка. Краткие надписи на тифинаге делаются на щитах и кожаных деках скрипки амзад, на утвари и браслетах, скалах и каменных плитках, на пергаменте, а в наши дни и на бумаге"²⁹. Как правило, это пожелания, предупреждения, любовные послания, метки владельца; подавляющее большинство их вообще не прочитано (исследователями, разумеется) и не изучено.

Вот типичный образец такой надписи на тифинаге; она сделана на щите на языке ахаггар:

Переводится эта надпись следующим образом:

"Это я, Гайша³⁰,
говорящая:
"гарантирует его³¹
от того, чтобы не
иссякла эта
страсть".
Та, тебя
похищающая,
говорящая:
"Гарантируется
владелец его³²
против женщин"³³.
Это я, Ашама³⁴,
говорящий:
"Приветствуй
девушек
Гамелена!".

Надпись на тифинаге

Сейчас, после трагических десятилетий усиливающейся засухи и голода в Сахаре, традиционные культурные структуры туарегов подвергаются тяжелейшему испытанию. Однако, еще по данным К. Прассе пятнадцати-двадцатилетней давности, любой туарег знаком хотя бы с некоторыми знаками тифинага, а "без запинки" умеет писать на тифинаге один из трех мужчин и одна из двух женщин. А. Лот считает, что тифинаг "доступен у туарегов обоим полам почти в равной степени, хотя считается, что у них женщины более образованные, чем мужчины" (ук. соч., с. 16).

Мы проанализировали целый ряд уязвимых положений разных авторов, касающихся филологических сюжетов, связанных с гарамантской проблематикой, а именно языка и письменности. Но комментарии требуют и некоторые суждения гарамантоведов на этнолингвистические и исторические темы. Так, во [вступительной статье к настоящему сборнику](#) М. Ю. Рощин замечает: "Собственно гараманты как этнос сложились в Гараме, но среди их предков были, вероятно, выходцы из Эгеиды, смешавшиеся в северной части нынешней Ливии с местными берберами, а в Феццане - с аборигенами этой страны... и, наконец, с темнокожими невольниками, приводимыми из внутренних районов Африки". Сравним это место со следующими словами М. Айюба: "...берберские племена оказались зажатými между двумя врагами - с одной стороны, византийцами "а морском побережье и, с другой стороны, гарамантами в пустыне". Судя по этим высказываниям, авторы противопоставляют, с одной стороны, берберов аборигенам Феззана, а с другой - гарамантов - "берберским племенам". На наш взгляд, нет достаточных оснований предполагать, что в период складывания гарамантского этноса в Феззане могли жить

какие-то иные племена, кроме "берберов", т. е. населения, говорившего на ливиио-берберском языке и называемого ливийским до арабского завоевания Северной Африки и берберским - со времени этого завоевания. Точно так же продолжали гараманты оставаться одним из ливиио-берберских племен и в эпоху византийского влияния.

Выше уже отмечалось, что сегодняшняя наука определенно причисляет гарамантов к европеоидным насельникам Северной Африки, объясняя негроидные и эфиопоидные вкрапления как социально-кастовую "периферию" гарамантского общества. Поэтому читателя не должно сбить с толку употребление [Дэниэлзом](#) в отношении к гарамантам устаревшего термина "хамиты" ("В расовом отношении народ относится к хамитам"), который, насколько мне известно, антропологи стараются сейчас не применять. Этот термин становится все менее употребительным и в лингвистической литературе. Хамитами, т. е. потомками одного из трех сыновей библейского патриарха Ноя - Хама, еще несколько десятилетий тому назад было принято называть те африканские народы, языки которых на тех или иных этапах развития лингвистической науки полагались родственными семитским языкам. Большая семья языков Передней Азии и Северной Африки так и называется: семито-хамитская семья языков. Название это, однако, неизбежно содержит в себе элемент классификационно-оценочный: семья языков, состоящая из двух "ветвей" - семитской и хамитской. В настоящее время ученые включают в эту семью помимо семитских следующие языки: египетский (древнеегипетский; не путать с египетским диалектом арабского языка!), ливиио-берберские, кушитские (по имени страны Куш древних - нынешних Эфиопии и части Судана; распространены также в Сомали, Кении и Северной Танзании) и чадские (языки негроидного населения Республики Чад, Нигерии и прилегающих стран). Так вот, сейчас почти никто из специалистов не считает, что все эти "хамитские" языки генетически, классификационно противопоставлены семитским. Поэтому в современной науке, стремящейся к терминологической строгости, возникла тенденция название "семито-хамитские" языки заменять на менее вразумительное, зато более терминологичное - "афразийские", т. е. языки, распространенные и в Азии, и в Африке (так в отечественной науке, в Соединенных Штатах, например, используют тот же термин в форме "афроазиатские" языки; в Европе предпочитают старое название - "семито-хамитские" или "хамито-семитские").

В свете вышесказанного не воспринимается всерьез и определение [М. Айюба](#) "кушитские племена тубу". По языку тиббу-тубу-туда к кушитами в лингвистическом смысле не относятся (они говорят на языке, входящем в сахарскую ветвь нило-сахарской семьи языков), а как антропологическое понятие термин "кушитский" в значении "принадлежащий к эфиопоидной расе" следует избегать, так как он вносит дополнительную путаницу в и без того достаточно запутанный вопрос о "хамитах".

Критической оценки заслуживает, на наш взгляд, и отношение [М. Айюба](#) к историческим источникам. В этом вопросе арабский автор скорее следует не арабской традиции, а несколько устаревшей европейской, восходящей к школам "библейской критики", "мифологической" и т. п., которые, введя в науку элемент трезвого скептицизма по отношению к древним историческим источникам, склонны были с недоверием относиться к любому их фрагменту, не укладывавшемуся в научные, а то и мировоззренческие представления текущей эпохи, объяснять любые сведения, казавшиеся парадоксальными, ошибкой автора или небрежностью переписчика. Образующиеся таким образом в древних текстах мнимые лакуны заполнялись порой любыми домыслами, печальных примеров чему в исторической и филологической науках предостаточно. Приведем подобные примеры у [М. Айюба](#), хотя встречаются они и у других гарамантоведов и африканистов. Наш автор почему-то считает, что "гора Гири", упоминаемая Плинием Старшим как

месторождение драгоценных камней, есть "не что иное, как искажение или ошибка в произношении настоящего названия Иги", а аль-Бекри под городом Тамерма "имел в виду Гараму". Все это выглядит как чистые домыслы.. Посмотрим теперь, способна ли лингвистическая наука на нечто большее в деле восстановления исторического прошлого гарамантов, чем исправление и уточнение некоторых построений историков. Вообще в последние годы все яснее становится значимость данных, добываемых сравнительно-историческим языкознанием, как источника получения исторической, этнокультурной информации. Не является исключением и ситуация с гарамантами. Лингвистика может здесь существенно дополнить представления историков, а главное - открыть совершенно новые пути исследования, о которых в традиционном гарамантоведении никто и не помышлял. Таких путей несколько.

Во-первых, это установление времени разделения ливийско-берберской семьи языков и корреляция его с исторической и археологической хронологией, устанавливаемой для Северной Африки. Здесь помимо известного метода "семантической" глоттохронологии Свадеша можно применить и другой, дающий значительно более обоснованные результаты, метод "корневой" глоттохронологии, или "этимостатистики", разработанный недавно московским компаративистом С. А. Старостиным; он же, кстати, существенно усовершенствовал и традиционную свадешевскую методику, синхронизировав семантическую глоттохронологию с корневой, с одной стороны, и с историческими датировками в разных языковых ареалах - с другой. Предварительное применение обоих методов - исправленного свадешевского и корневого - автором настоящего "Послесловия" к различным берберским языкам дало довольно обнадеживающие результаты в том смысле, что полученные абсолютные, хотя и, естественно, приблизительные датировки языковых разделений совпали в общих чертах с крупными историческими событиями, с которыми эти разделения, возможно, соотносятся. Первая из полученных датировок, имеющая, по всей видимости, прямое отношение к гарамантской проблеме, последняя треть II тысячелетия до н. э. Это время разделения той языковой общности, из которой происходят все современные берберские языки. Это также и эпоха вторжения в Северную Африку "народов моря", их разгрома египтянами и предполагаемого отступления в глубь Ливийской пустыни, повлекшего за собой смешение с местным ливийским населением и формирование этноса гарамантов. Вполне возможно, что бурные события последней трети II тысячелетия до н. э. повлекли за собой рассредоточение ранее однородной в языковом отношении массы ливийского населения из соседних с Египтом областей в двух направлениях: на запад вдоль средиземноморского побережья и на юго-запад в пустынные районы. Такая картина не обязательно предполагает языковую однородность всех ливийцев Северной Африки к этому времени или отсутствие ливийскоязычного населения в других районах, кроме граничащих с Египтом: разделившееся в результате разгрома союзных отрядов "народов моря" и ливийцев племенное объединение последних могло, продвигаясь на запад отдельными потоками, наложиться на родственное по языку ливийское же население, передав ему свой племенной диалект как следствие некоторого культурного доминирования (близость к Египту до "рассеяния", контакты с эгейской культурой, в том числе военной).

Вторая дата, связанная уже с вопросом о "наследниках" гарамантов, - разделение общетуарегского языка, приходящееся по глоттохронологическим подсчетам на III-V вв. н. э. Это время заката гарамантской цивилизации и вместе с тем предположительных передвижений берберских племен, таких, как хаввара, из Северной Ливии и Феззана в районы Тассили-н-Аджер и Хоггара (ср. предание о прародительнице ахаггарских туарегов Тин Хиннан и открытую де-Пророком гробницу "царицы Ахаггара", датируемую IV в. н. э.³⁵).

Во-вторых, установив предположительную дату разделения общеберберского языка, соотносимую с вероятным выделением гарамантской культуроязыковой общности, мы можем реконструировать общеберберскую праязыковую лексику, в том числе культурно-хозяйственную, социальную, экологическую и т. д., получив при этом отраженную в словаре, в языке картину жизни ливийского населения к началу последней трети II тысячелетия до н. э., по-видимому достаточно близкую к картине жизни гарамантского сообщества в начальный период после его отделения от остальной массы ливийцев.

В-третьих, аналогичную процедуру следует произвести и для общетуарегского языка с тем, чтобы выявить в реконструированной лексике реалии ранне-туарегской истории второй четверти - середины I тысячелетия н. э. и соотнести их с известными или реконструируемыми фактами, относящимися к последнему периоду существования целостной гарамантской культуры. Здесь многое может дать восстановленная общетуарегская лексика, в особенности заимствованная из латинского и греческого, относящаяся к религиозным представлениям и культурным элементам, пришедшим из Рима и Византии, т. е. к сфере христианской культуры. Присутствие в туарегских языках подобных заимствованных слов явно указывает на контакты предков современных туарегов с носителями этой культуры на Средиземноморском побережье или в прилегающих к нему с юга областях. Несколько таких терминов приводит Р. Лоу, называя их "словами христианского происхождения". Один из них - *məss* - означает "господин, хозяин", а с притяжательным местоимением "наш" (*Məss-inəu*) имеет значение "Господь". Слово это чисто берберского происхождения и само по себе указывает на вероятные монотеистические представления туарегов, не обязательно восходящие к христианству (но явно доисламские). Другие два слова, которые приводит Лоу: "анджелус" (мне известны несколько иные туарегские формы: ахаггар *anəɣlus*, аир *anɣalos*, гхат *aɣlus*) из латинского *angelus* "ангел"; и "абеккад" (ахаггар *abəkkād*, аир *abəkkaḍ*, гхат *əbəkkaḍ* и т. п.), вполне вероятно из латинского *peccatum* "грех". Они интересны тем, что встречаются не только у туарегов, но и у других берберов, однако со "стершимся" значением: гхадамес *anɣalus* "нечто вроде вдохновения, духа" (с пометой в словаре этого языка: "слово с не вполне ясным значением"); кабийский *abəkkaḍu* "нечто плохое, болезнь" (с такой же пометой). Вероятно, это свидетельствует о более близком знакомстве предков туарегов с этими терминами, а значит, и с христианскими представлениями, чем предков других берберских народов, что хорошо увязывается с известными по византийским источникам попытками христианизации гарамантов.

Четвертый путь исследования гарамантского прошлого - в этимологизации некоторого числа топонимов и этнонимов в пределах страны гарамантов и граничащих с ней регионов. Такие попытки предпринимались, но, как было показано выше, чаще на непрофессиональном уровне.

Наконец, на пятом направлении исследования - сравнительном изучении разновидностей ливийского письма, в том числе и памятников Феззана, а также их дешифровке - следует остановиться подробнее. Сперва небольшая справка. Ливийское письмо - алфавитное консонантное письмо, т. е. такое, в котором один знак передает какой-то один звук, причем все звуки, передаваемые на письме, - консонанты, согласные; гласные, за редкими и поздними исключениями, не передаются. На наиболее ранней из датированных разновидностей ливийского письма выполнена одна из двух сохранившихся пространственных посвячительных надписей на стенах античного мавзолея и языческого храма в тунисском городе Дугга; в ней упомянуты исторические реалии, позволяющие отнести эту надпись к середине II в. до н. э. Эти две надписи - билингвы, т. е. сделаны на двух языках: финикийско-пуническом, достаточно хорошо известном, и одном из древних ливийских диалектов. Пунический вариант (именно вариант: древние билингвы часто не соотносятся

между собой как оригинал и точный перевод, а лишь передают более или менее идентичное содержание) дал возможность дешифровать ливийские тексты, хотя и не без пробелов. Помимо этих двух и еще нескольких одноязычных надписей, относимых к "монументальному" стилю и отличающихся горизонтальным расположением знаков в строке, данная разновидность ливийского письма (ее называют нумидийской, восточнонумидийской, массилийской; предлагаемый нами термин - центральноливийское письмо) представлена несколькими десятками ливийско-пунических и ливийско-латинских билингв и более чем тысячью одноязычных кратких эпитафий, найденных на севере Туниса и северо-востоке Алжира. Они отличаются вертикальным расположением знаков в строке при обычном их направлении снизу вверх; такие вертикальные строки могут следовать друг за другом в направлении как справа налево, так и слева направо. Эти надписи содержат много собственных имен и мало информации для лингвистического анализа. Другие разновидности ливийского письма: западноливийское, оно же западнонумидийское, мавританское, мазезилийское (представленное в основном краткими эпитафиями Северо-Западного Алжира и Северо-Восточного Марокко примерно рубежа нашей эры, фактически непрочитанное); "сахарское" (за этим условным названием могут скрываться несколько разновидностей, относящихся к различным периодам), на котором выполнены многочисленные недатированные и недешифрованные наскальные надписи в разных районах Великой Пустыни (выше уже говорилось о том, что часть этих надписей, которым обычно приписывается позднее - после VII-VIII вв. н. э. - происхождение, может восходить к I тысячелетию до н. э.); канарское, включающее в себя в первую очередь несколько десятков наскальных надписей на острове Иерро (Ферро), дешифровку части которых предложил автор этих строк; выделяемое нами восточноливийское, включающее феззанское, к которому относятся надгробные надписи из района Джермы, и триполитанское, представленное надписями из Гирзы (см. ниже три строки в нашей дешифровке); наконец, современное туарегское письмо - тифинаг - в нескольких вариантах, засвидетельствованных у разных туарегских племен, и близкое к нему "старотуарегское", записанное Ш. Фуко, по-видимому, у ахаггарских старожил и применявшееся, возможно, еще в середине XIX в. Генетическое отношение между разновидностями ливийского письма пока неясно. Главная сложность, препятствующая прочтению всех видов письма, исходя из одного хорошо известного (тифинаг) и одного дешифрованного в общих чертах (центральноливийского), заключается в том, что некоторые знаки, имеющие определенное фонетическое значение в одной из систем письма, читаются совершенно по-иному в другой системе; иногда такие несоответствия могут объясняться различными фонетическими процессами в разных диалектах и в разные периоды развития берберо-ливийских языков, но чаще этот разнобой приходится пока считать фактором случайности. Все это хорошо видно в составленной нами таблице (см. [табл. 1](#)) разновидностей ливийского письма (ср., например, совпадение знаков № 11 и 32 в разных системах для совершенно не связанных между собой звуков m и š/s или знаков № 34 и 60, или № 21 и 58).

Что же касается вопроса о генезисе ливийского письма, то, как уже говорилось выше, я убежден в его общем происхождении с семитским "квазиалфавитным" письмом (см. [табл. 2](#)), причем более вероятным мне представляется его развитие из семитского, чем параллельное развитие обеих систем письма из какого-то общего источника, как предполагал известный историк письма И. Фридрих³⁶.

Существенно при этом, что большее сходство ливийский набор знаков обнаруживает не с северосемитской финикийско-пунической, а с южносемитской письменностью (сходство это было впервые замечено Э. Литтманом³⁷, что видно из [табл. 3](#) и [табл. 4](#)).

В свете приведенного сравнительного материала невозможно согласиться с мнением такого крупного специалиста по истории письма, как И. Гельб, помещавшего ливийское письмо (называемое им "нумидийским") в группу письменностей, в которых "формы знаков изобретены произвольно" [38](#)

Из описанных выше разновидностей ливийского письма непосредственно с гарамантами, очевидно, связаны надписи на кладбище возле Джермы и, по всей видимости, составляющие с ними общую группу надписи из Гирзы, над дешифровкой которой работает автор этих строк. Вот один из примеров предлагаемого прочтения (надпись на стене разрушенного жилища, перестроенного из развалин языческого храма; жилище это было обитаемо, по мнению археологов, в X в. - см. примеч. 8 к [табл. 1](#)).

Транслитерация (последовательность расположения строк - справа налево или слева направо - из содержания надписи вывести невозможно, см. рисунок);

строка (A) => (B) mšwrn

строка (C) => (D) lgwtn

строка (E) => (F) zngn lt nsmn

Реконструкция с вокализмом:

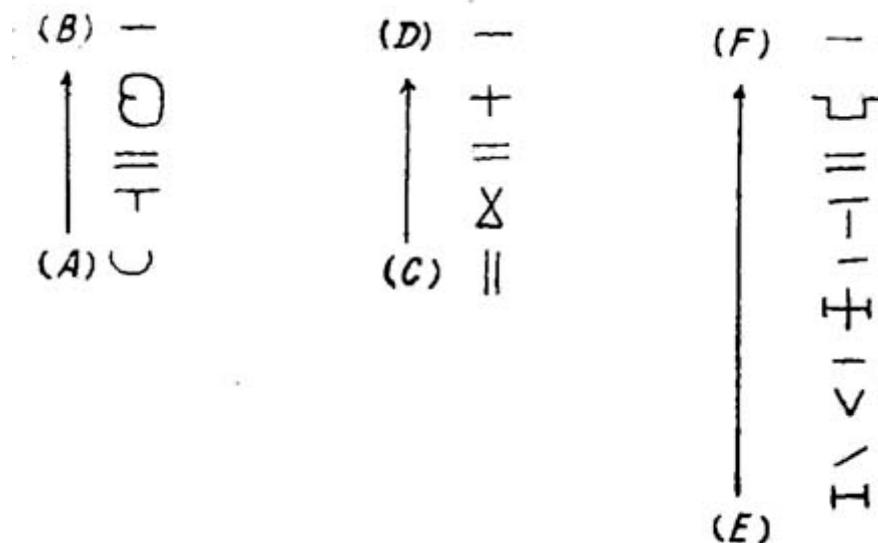
строка (A) => (B)
mišūr-an

строка (C) => (D)
lagg^wa-t-an

строка (E) => (F)
zənaḡ-an (или i-
znaḡ-an) ələt
našūm-an

Перевод:

миссуры
лаваты
зенаги,
дочери
насамонов.

Надпись из Гирзы

Интерпретация:

Строки (A) => (B) и (C) => (D) представляют собой имена с типичным берберским суффиксом мн. ч. -an. В строке (E) => (F) вычлениются три элемента, первый и третий из которых также имена с суффиксом -an, а второй - термин родства (в современном ахаггарском - "дочери"). Четыре имени во множественном числе точно соответствуют хорошо известным этнонимам - трем названиям древних ливийских племен и одного

современного берберского. Это - миссуры (интересно, что в ливийско-берберской передаче выявляется качество второго согласного - ṣ и данный этноним оказывается совпадающим по составу консонантного корня с семитским названием Египта: древнееврейск. *Miṣrayim*, арабск. *Miṣr* и т. п.), лаваты (*Leuathae* у Прокопия, *Laguanten* у Кориппа), насамоны (упоминаемые Геродотом и Страбоном) и зенаги (или зенага - название небольшого бербероязычного племени в современной Мавритании).

В этой надписи, если наша дешифровка верна, перечисляются четыре названия племен, очевидно обитавших в данной местности на рубеже I-II тысячелетий. Наиболее важным для нашей темы является упоминание племени насамонов, тесно связанных с гарамантами. Дальнейшая работа над феззанско-триполитанскими надписями поможет, надо надеяться, уточнить, на каком из берберских языков они сделаны, хотя фонетические различия между близкородственными языками часто настолько тонки, что в письменности, не обозначающей гласных, уловить их едва ли возможно. Однако уже сейчас вырисовывается один очень важный момент: сам инвентарь знаков, встречающихся в восточноливийском ареале, позволяет предположить, что данная разновидность ливийского письма является прямым предком *тифинага* и как бы промежуточным звеном между ним и центральноливийским письмом. Рассмотрим, например, следующие знаки в [табл. 1](#). *Знак № 10*, передающий губно-губной *w*, встречается в центрально-ливийских надписях в виде двух параллельных черточек, а в *тифинаге* - в виде двух точек; в феззанско-триполитанском письме представлены оба варианта. *Знак № 17*, передающий на *тифинаге* *h*, также засвидетельствован в триполитанских надписях и в виде четырех черточек, и в виде четырех точек, а в *тифинаге* - только в виде точек (заметим, что и в этом и в предыдущем случае "старотуарегское" письмо дает более архаичный - "черточный" - вариант). *Знак № 19* (к которому, очевидно, восходит знак № 17, не засвидетельствованный в центрально-ливийских надписях, т. е. скорее всего, просто изобретенный по аналогии с № 19) присутствует в центральноливийском в виде трех параллельных черточек, как и в "старотуарегском", в *тифинаге* - в виде трех вытянутых на одной линии точек, а в феззанско-триполитанском - в обеих формах. Довольно очевидно, что идея передавать черточку точкой развилась именно в феззанско-триполитанском письме; в нем же возникли и новые, точечные знаки, унаследованные *тифинагом* (№ 18 и 22). Оттуда же в *тифинаг* попали, вероятно, и знаки № 21, 41 и 56.

Приведенные соображения - аргумент в пользу культурной преемственности туарегов от гарамантов, хотя, конечно, многое здесь требует дополнительного исследования. Косвенно этот вывод подтверждается и феноменом *тифинага*, по-моему, недооцененным историками культуры.

Это уникальное письмо не имеет памятников письменности: оно почти полностью используется для сиюминутных, бытовых нужд. Если бы эта система была заимствована или изобретена недавно, было бы очевидно, что литературная традиция еще просто не успела развиваться. Однако *тифинаг* явно восходит к древним системам письма.

Привычно представление о том, что известные письменности древнего мира возникают, как правило, на стадии предгосударственности, протоцивилизации, причем можно спорить, является ли эта стадия развития общества непременно условием для возникновения и распространения письма или же оно само служит необходимой предпосылкой для становления цивилизации. Ясно одно: письмо обеспечивает связь центра с периферией в нарождающемся государстве, учет в расширяющейся торговле, культурное самосознание в крепнущем этническом или даже межэтническом сообществе. Так возникла письменность в Шумере, Египте, Китае, Финикии.

Кажется очевидным, что письменность не может существовать (если только она, конечно, не случайный эпизод в истории культуры того или иного народа - такие случаи известны) как необязательная роскошь, как прихоть: она - насущнейшая необходимость в развитии общества, один из двигателей культурного прогресса. Это - логика, но тифинаг ее, кажется, ломает, еще раз напоминая, что реальная история богаче и загадочнее генерализирующих схем. Спрашивается: зачем письменность туарегам, живущим веками на грани выживания в пустыне, где на сотне километров можно не встретить человека? Если бы она хотя бы облегчала им существование каким-то видимым образом, скажем, служила целям переписки между отдаленными кочевьями! Но это не так. Хоть что-то объясняла бы, например, передача из поколения в поколение письма как тайнописи, как эзотерического знания, использование его верхушкой туарегского общества как одного из средств доминирования над соплеменниками. Но, как было показано выше, письмо у туарегов - всеобщее достояние.

Итак, по-видимому, оно - элемент, причем один из центральных, необычайно мощно законсервированной из-за труднейших условий существования в Сахаре культурной традиции, которая каким-то образом, без видимой "прагматической функциональности", способствует выживанию этноса³⁹. Думается, что эта проблематика заслуживает более глубокого исследования, тем более что традиционное туарегское, в первую очередь ахаггарское, общество, пройдя через великие испытания последних лет, начинает меняться.

И все-таки мне кажется, что все эти загадки туарегского письма легче разрешить, если попытаться перебросить цепочку в прошлое: туареги - гараманты "предисламского периода" - гараманты как одно из ливийских племен I тысячелетия до н. э. Главное - проработать каждое малейшее звено тщательно и добросовестно. И с осторожностью, как хрупкое драгоценное украшение. Ведь и гараманты - крупица нашего прошлого. Его нельзя придумывать, приукрашивать, перевернуть. Но к нему нельзя быть и равнодушным. Если человечество, опомнившись, пытается сберечь редких животных и малых птиц, то тем паче должны мы сберечь и восстановить память об ушедших людях и целых народах, ручеек культуры от которых невидимо, но несомненно дотек и до нас...

Примечания:

1. Я предпочитаю термин "Феззан" (соответствующий фазаний и, вероятно, гамфазантам античных источников, а также арабской транслитерации этого слова, которая, по всей видимости, следует за античной традицией) его более распространенному в русскоязычной литературе варианту "Феццан", возникшему, вероятно, в результате прочтения "z" в итальянской транслитерации как [ts], переданного русским "ц".

2. Весьма удачным опытом публикации на русском языке ряда известных источников с квалифицированным комментарием представляется хрестоматия "История Африки" (М., 1979; 2-е изд. М., 1990).

3. Ср., например, обсуждение этих спорных вопросов в кн.: [Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. М., 1978.](#)

4. Corippus Flavius Cresconius. Iohannides seu de Bellis Lybces. - Monumenta Germaniae Historica. Auctorum Antiquissimorum. T. III. P. II. Berolini, 1878.
5. Гаудио А. Цивилизация Сахары. М., 1985, с. 35. (ср. [Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли](#) - прим. мое. [Analogopotom](#)).
6. Camps G. Les civilisations prehistoriques de l'Afrique du Nord et du Sahara. P., 1974. (Фамилия этого автора, возможно, произносится как Кампс.)
7. Как будет видно из дальнейшего изложения, эти две ветви берберских языков разделились не позднее, чем три тысячелетия тому назад.
8. Особенно это относится к наиболее часто цитируемой ниже [работе Ю. Поплинского \(ук. соч.\)](#), которая представляет собой явный шаг вперед в осмыслении афро-эгейских этнокультурных связей и гарамантской проблематики; некоторые положения этой книги подкрепляются полученными нами независимо от исторических соображений данными лингвистического анализа.
9. Не будучи индоевропеистом, автор консультировался по этому вопросу с Л. С. Баюн и В. Э. Орлом, которым и выражает свою признательность.
10. Мне не знакомы случаи двойного перехода (q>g>ğ) в магрибских арабских диалектах, когда известное из классического арабского слово с q передавалось бы, пройдя стадию g, как аффриката ġ(дж). Такие случаи, однако, как сообщила мне лингвист-арабист А. Г. Белова, засвидетельствованы в восточно-аравийских диалектах: rafiq>rafīg>rafīg "товарищ".
11. Завадовский Ю. Н. Берберский язык. М., 1967, с. 8.
12. Нет оснований считать этот этноним относящимся к предкам современных тубу-теда, как это делает М. Айюб.
13. Завадовский. Берберский язык, с. 7. К сведению читателя: покойный Юрий Николаевич Завадовский был замечательным знатоком языков Северной Африки и человеком широкой научной культуры, но он не был этимологом, а как видно из множества приводимых здесь примеров, вероятность ошибки в высказывании неспециалиста (даже лингвиста) на темы, связанные с этимологией, почти стопроцентна.
14. Поплинский. Из истории этнокультурных контактов, с. 160.
15. Там же, с. 169.
16. Другая, значительно менее вероятная этимология, предложенная Ф. Никола, производит amaziṛ, imâziṛ эап от глагола эḏḏeṛ "шествовать надменно, с гордым видом", засвидетельствованного в туарегском диалекте восточный тауллеммет.
17. [Поплинский. Из истории этнокультурных контактов, с. 92.](#)
18. Гаудио А. Цивилизация Сахары, с. 35. (ср. [Цивилизации Сахары. Десять тысячелетий истории, культуры и торговли](#) - прим. мое. [Analogopotom](#))
19. [Поплинский. Из истории этнокультурных контактов, с. 161.](#)

20. Находящийся в цепи "превращений" у А. Гаудио этноним "хэввара" здесь тоже ни при чем: hawwâga этимологически точно соответствует другому этнониму - ахаггар (ahaggar); gg в языке ахаггарских туарегов происходит из ww. Это косвенный, но сильный аргумент в пользу того, что туареги кель ахаггар - потомки племени хаввара, локализуемого, по арабским источникам (Ибн Халдун), на территории современной Ливии.

21. Анри Лот (а за ним Ю. Поплинский - ук. соч., с. 143). так объясняет происхождение этого термина: "На языке тамашек "аменокаль" означает "хозяин земли" ("ам"- приставка, означающая "владение", "акаль" - "земля")" (Лот А. Туареги Ахаггара. М., 1988, с. 30); по Ю. Поплинскому, это даже "ама-н-окал" "властелин страны", "господин земли". Мне не удалось найти элемента ам с семантикой владения, обладания, ни тем более слова ама со значением "властелин, господин" ни в ахаггаре, ни в других берберских языках. Слово "страна, земля" звучит как "акал", а не "окал"; в ахаггарском диалекте "вождь" произносится как "аменукал" ("аменокал" - в диалектах восточного тауллеммета). Это важно, так как гласные "у" и "о" закономерно чередуются в туарегских диалектах, но "акал" вряд ли могло развиваться в "укал" или "окал". Тем самым идея с "хозяином земли", похоже, не проходит. Можно предложить другую этимологию âmənûkal - как сложного слова, состоящего из существительного âman "вода" (собств. "воды" во множ. ч.; это-слово есть во всех берберских языках) и императива глагола ukal (так в ахаггарском; в других туарегских - ukkal) "заботиться о чем-либо или ком-либо". В этом случае âmənûkal дословно означало бы "(о) воде заботиться". К.-Г. Прассе приводит в своей "Туарегской грамматике" сложные слова аналогичной структуры с той только разницей, что императив глагола (который Прассе считает древней формой отглагольного имени) предшествует в его примерах имени (я также благодарен за консультацию в этом вопросе берберологу-грамматисту А. Ю. Айхенвальд). Соблазнительно, конечно, интерпретировать это туарегское название вождя как "ответственного за воду" (за распределение ее? за содержание фоггаров?) в древности, перебрасывая отсюда еще один мостик к гарамантам.

22. Поплинский. Ук. соч., с. 155. Примерно в тех же выражениях пишет о "белых людях" - "насара" - журналист Н. Непомнящий в увлекательной книге "Колесницы в пустыне" (М., 1981).

23. Откуда взялась еще форма "назара" - это полная загадка!

24. Т. е. "назаряне", последователи Иисуса из Назарета (арабск. Nāsīr-at, еврейск. Nā Ṣəat или Nāṣṣārat; в текстах еврейской Библии не встречается), - не путать с похожим по звучанию другим семитским словом, "назорей", т. е. "посвященный Богу": древнееврейск. nāzīr, арабск. nadīr и т. д. (эта переключка корней использована в Евангелии от Матфея, гл. 2, стих 23: "И пришед поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное чрез пророков, что Он Назореем наречется").

25. Если же принять предположение, что Тиннит - производное имя от общеберберского глагола * inni "сказать, говорить", то ее следует считать исконным ливиио-берберским божеством, и тогда связь с Нейт становится весьма проблематичной.

26. Милитарев А. Современное сравнительно-историческое афразийское языкознание: что оно может дать исторической науке? - Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 3. М., 1984.

27. Лот А. К другим Тассили. Л., 1984, с. 34 (см. также примеч. 13).

28. Поплинский Ю. Ук. соч., с. 167.

29. Lhote H. Les Touaregs du Hoggar. P., 1984.
30. Женское имя арабского происхождения - из Айша.
31. Т. е. щит гарантирует владельца.
32. Т. е. щита.
33. Т. е. обладание этим подаренным Гайшой щитом - гарантия против покушения других женщин на обладателя.
34. Значащее мужское имя - "сын мамы".
35. См.: Поплинский. Ук. соч. с. 143-147. Анри Лот приводит другую датировку - V в. н. э. (К другим Тассили, с. 62).
36. Фридрих И. История письма. М., 1979, с. 119.
37. Littmann E. L'origine de l'alphabet libyen. - Journal Asiatique. 10 serie. T. 4. P., 1904.
38. Гельб И. Е. Опыт изучения письма. М., 1982, с. 141 и сл.
39. Об аналогичной проблеме культурной функции наскальной живописи Сахары см. в послесловии И. М. Дьяконова и А. Ю. Милитарева к книге А. Лота (К другим Тассили); существенные теоретические соображения на эту тему см. в яркой статье Б. М. Бернштейна (Бернштейн Б. М. Традиция и канон. Два парадокса - Советское искусствознание 80. М., 1981).